

ИСТОРИЯ **OSTKRAFT**

| научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2018 | №2 |

УДК 94(470) "18/19"
ББК 63.3(2)5
И 90

Редакционная коллегия:
М. А. Волхонский, В. Е. Воронин,
К. В. Шевченко, О. В. Эдельман.
Ответственный редактор М. А. Колеров

На обложке — фотография В. И. Стануевича

И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT № 2.
М. : Модест Колеров, 2018. (www.ostkraft.ru) 168 с.
ISBN 978-5-905040-28-3

ISBN 978-5-905040-28-3

© Авторы статей, 2018
© Модест Колеров, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Козлов, М. Е. Козлова. Принуждение к добровольности: «сталинский человек» и послевоенные займы. (По материалам Советской военной администрации в Германии, 1946–1949 гг.) 5

Нежмеддин Каздагли. Тунисско-российские отношения от Екатерины II до Хамуда-паши (конец XVIII — начало XIX века) 32

О. Р. Айрапетов, В. В. Поликарпов. Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М., 2015 56

М. А. Колеров. Воин евразийства и его война. Константин Чхеидзе. Путник с Востока. Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма / Сост. А. Г. Гачевой. М., 2011 77

Леонид Кацис. В. Жаботинский. на страницах книг и журналов «Нового литературного обозрения» 2016–2018 гг. 85

М. М. Геризон. «Я понял: всё живо. Векам не пропасть...»: предки поэта Андрея Вознесенского 110

М. А. Колеров. Новые публикации документов по истории
русской мысли. Часть 2

1. С. Мирный [Д. И. Шаховской, П. Б. Струве]. Открытое письмо к Николаю II (1895)	118
2. [П. Б. Струве]. Аграрный вопрос и социальная демократия в России (1896).....	121
3. Петербуржец [П. Б. Струве]. По поводу с.-петербургской стачки (1897)	129
4. П. Б. Струве о «Проблемах идеализма»: П. С. О чем думает одна книга? (1903)	137
5. П. Б. Струве о Михайловском: П. С. Н. К. Михайловский (1904)	139
6. П. Б. Струве о Чичерине: П. С. Б. Н. Чичерин (1904)	139
7. С. Л. Франк о смерти Чехова: Н-ч. Памяти А. П. Чехова (1904)	140
8. П. Б. Струве об И. П. Каляеве: П. С. Казнь (1905).....	142
9. Молодой Булгаков о еврейском вопросе: С. Булгаков. Два критерия (1905)	143
10. С. Н. Булгаков. Письма к Андрею Белому (1910–1911)....	146
11. С. Л. Франк о Соловьёве и Е. Н. Трубецком: С. Франк. Новая книга о Вл. Соловьёве (1913).....	150
12. Петр Струве. Большевизм и Ленин (1920)	156
13. П. Н. Савицкий. О национал-большевизме. Письмо в редакцию [«Русской Мысли»]. Петру Бернгардовичу Струве (1921)	160
14. С. Л. Франк. Письмо к о. С. Булгакову о Бердяеве, Струве и Братстве Св. Софии (1925)	164

В. А. Козлов, М. Е. Козлова

ПРИНУЖДЕНИЕ К ДОБРОВОЛЬНОСТИ: «СТАЛИНСКИЙ ЧЕЛОВЕК» И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ЗАЙМЫ

(По материалам Советской военной администрации в Германии, 1946–1949 гг.)

В семантике сталинского общества принуждение и «добровольность» редко противоречили друг другу. Чаще они представляли собой идейно-организационный монолит, одну из опор сталинского лоялизма. «Вынужденная добровольность» выступала дополнением и продолжением методов прямого насилия и принуждения, с одной стороны, и экзальтированного энтузиазма, старательно насаждаемого пропагандой, с другой. Эта специфическая «добровольность» позволяла власти в период позднего сталинизма проводить важные для нее, но ущемляющие интересы населения социально-политические кампании, не прибегая к прямому насилию, без протестов и открытого противодействия. Важной частью этого не вполне освоенного исследователями пространства «принудительной добровольности» мы считаем историю послевоенных займов. Ни в каком другом явлении позднего сталинизма не было, пожалуй, такого парадоксального переплетения высокой идеологии и обыденных практик, как в подписке на займы. Послевоенные «займовые» кампании ставили человека сталинской эпохи перед неприятной дилеммой: смириться и играть по привычным правилам, навязанным властью, или все же (война то закончилась!) попытаться как-то защитить свой карман от государства, увернуться от одной из многих «добровольных повинностей» или хотя бы уменьшить ее довольно тя-

желое бремя?! Как и почему этот человек делал свой «добровольный» выбор до сих пор остается одной из психологической загадок советской истории вообще, периода позднего сталинизма, в частности?

Авторы некоторых исследований о повседневности позднего сталинизма ссылаются как на историографическую точку отсчета книгу Е. Ю. Зубковой, хотя автор этой безусловно полезной книги допускает порой неточные утверждения, требующие историографических корректировок. Таковы, в частности, тонкие интерпретационные ошибки, допущенные историком в отношении к дихотомии сознательного (добровольного) и принудительного начал при организации и проведении подписок на послевоенные займы. Ссылаясь на то, что отказы от подписки не имели сколько-нибудь массового характера, автор приходит к выводу, что «как правило, люди с пониманием (курсив наш. — Авт.) относились к призыву государственных органов отдать часть своих средств на восстановление народного хозяйства страны»¹.

То, что массовых отказов от подписки не было, да и единичные были крайне редки, подтверждается и нашими материалами. Но историкам еще предстоит разобраться в том, каким было действительное соотношение между «смирением» (подчинением) и «пониманием» («сознательностью») сталинского человека. Ведь само по себе отсутствие массовых отказов и редкость «инцидентов», так автор называет различные конфликтные ситуации в ходе подписки, вряд ли можно считать достаточным доказательством «отношения с пониманием».

Приводя отдельные факты грубого «принуждения к добровольности» при подписках на послевоенные займы, историк ни разу не сказала, что главным средством управления займовыми кампаниями были как раз «мягкие», «легитимные» формы нажима на население, отчего они вовсе не переставали быть принудительными. И именно такое «мягкое» систематическое принуждение, как мы попытаемся показать ниже, и составляло, на наш взгляд, сущность государственного кредитования в послевоенном СССР. В главе «Люди и деньги» Е. Ю. Зубкова уходит от оценки массовости и системности подобных явлений. Она склонна говорить лишь об исключениях — «перегибах» и «злоупотреблении»

¹ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 79.

ях»². Что касается «инцидентов», то они по ее мнению и в первую очередь, объяснялись не «несознательностью» отдельных граждан, а провоцировались поведением местных ответственных работников, которые использовали различные методы принуждения³, *официально высшей властью не объявленные и, стало быть, носившие внесистемный характер*. Но коль скоро правилом становились «неединичные» «перегибы» и «рецидивы» (читай: мягкое принуждение носило массовый характер), следует предположить, что и «отношение с пониманием» к подписке было скорее хорошо замаскированным недовольством, чем проявлением сознательности, к которой склонен апеллировать историк.

Е. Ю. Зубкова ограничилась весьма уклончивым (сбалансированным?!) описанием процесса. Для нее вызовы провинившихся в парткомы и завкомы, уговоры и угрозы — это не повседневная атмосфера *принуждения к добровольности*, а всего лишь очередные рецидивы «психологии перегиба», то есть не правило, а отступление от него. В итоге достоверные факты пресловутых «перегибов» проступают сквозь довольно размытую картинку поголовной сознательности: «понимающее» политику займов большинство противопоставляется тем немногим, кто чуть ли не случайно пострадал от «перегибов» низового начальства, да при этом еще и ничуть не утратил своего правильного понимания момента. К счастью, автор, будучи добросовестным историком, под шапкой «психологии перегиба» и «инцидентов» показала все же отдельные фрагменты действительной картины послевоенных подписных кампаний.

Проблемы, с которыми столкнулась Е. Ю. Зубкова, понятны. Подлинное массовое отношение к займам выявить сложно. Здесь тонкость исторического анализа должна перекрывать изошренную пропагандистскую ложь эпохи позднего сталинизма. Ниже мы попытаемся показать, что «принуждение к добровольности» явно не ограничивалось отдельными «перегибами» на местах, а было тотальной практикой режима. Концепт «перегибы», этот полузабытый сталинский эвфемизм периода коллективизации, использованный современным исследователем, совершенно по другому поводу, смущает читателя явным намеком на всего лишь чрезмерное рвение чиновников. Он не дает возможности заглянуть вглубь послевоенной ситуации, камуфлирует и искажает реальную картину

² Там же. С. 78–79.

³ Там же. С. 79.

общественного мнения, выдвигая на первый план внушаемую пропагандой картину мира, наполненную до краев сознательностью, патриотизмом и постоянной борьбой с врагом, то внешним, то внутренним, и населением, страдающим лишь от чрезмерного усердия бюрократов в их стремлении к светлым целям.

Приняло ли большинство советских людей концепцию возрождения экономики после войны с помощью частичного изъятия в бюджет их собственных зарплат? Конечно, приняло, таковы были правила игры. Приняли добровольно? Или все-таки подчиняясь нажиму и пропаганде? Даже если жизненные обстоятельства не очень позволяли тратить деньги на займы, люди понимали, отказы — опасны. Потому так трудно определить, сколько истинной добровольности скрывалось за триумфальными цифрами отчетов. Добровольно, читай: все как один... Добровольно — фигура речи, которую прекрасно понимали советские люди. Если ты не доброволец, то кто? Чужой и чуждый... Создание подобного психологического фона уже никак нельзя считать «перегибом». Значит и речь следует вести не столько об ошибках той или иной кампании, сколько о системных особенностях послевоенной займовой политики.

В. П. Попов, специально изучавший экономическую политику позднего сталинизма, пришел к совершенно однозначному выводу. Послевоенные госзаймы «представляли собой «так называемые добровольные платежи», которые «распространялись среди граждан в принудительном порядке»⁴. А «безграничная эксплуатация правительством патриотических порывов населения в годы, когда СССР подвергался военной агрессии со стороны других держав, в мирное время не давала нужного эффекта и заставляла власти наряду с идеологическими мерами широко применять репрессии»⁵. Как мы покажем ниже, в Советской военной администрации в Германии при подписке на заем до репрессий дело, как правило, не доходило, но угрозы и различные формы нажима были обычным явлением. С годами «понимания» становилось все меньше, а «принуждения к добровольности» — все больше.

С В. П. Поповым солидарен и серьезный специалист по истории государственного кредитования В. В. Страхов. Он прямо пишет, что «с конца истекшего столетия в научных публикациях,

⁴ Попов В. П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. М., Тамбов, 2000. С. 109.

⁵ Там же.

а затем и в учебниках для исторических и экономических специальностей вузов все чаще стал встречаться тезис о том, что участие населения СССР в «сталинских займах» определялось не столько советским патриотизмом и массовой поддержкой существовавшего режима и его политики, сколько в первую очередь системным и целенаправленным принуждением со стороны партийно-государственного аппарата. На сегодняшний день в отечественной и зарубежной историографии довольно прочно утвердилось мнение о «добровольно-принудительном» характере указанных кредитных операций советского правительства»⁶.

В литературе уже предпринимались попытки проанализировать историю сталинских займов на довоенном, военном и послевоенном материале⁷. Мы же собираемся обратиться к документам Советской военной администрации в Германии (1946–1949 гг.), сосредоточившись на практически неизученном человеческом измерении той проверки на лояльность, которую представляла собой каждая подписка на заем. Наше внимание будет обращено на механизм психологического воздействия на личность в эпоху позднего сталинизма, а также на тотальность пропаганды, добивавшейся, несмотря на свою примитивность и грубость, а может быть, и благодаря им, массового советского лоялизма. Таким образом, нас интересуют некоторые базисные проявления лояльного отношения сталинского человека к советской власти в период позднего сталинизма, соотношение покорности (смирения) и понимания (сознательности) в патриотизме советских людей. Наше исследование выполнено в формате case study. Оно опирается на документы Советской военной администрации в Германии и сосредоточено на общезначимых особенностях восприятия подписных кампаний в советском оккупационном сообществе — «маленьком СССР».

⁶ Страхов В. В. Внутренние государственные займы в СССР конца 1920-х — 1930-е годы // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2008. № 2 (19). С. 59–79: <https://cyberleninka.ru/article/v/vnutrennie-gosudarstvennye-zaymy-v-sssr-kontsa-1920-h-1930-e-gody>.

⁷ См. например: Страхов В. В. Указ. соч.; Пинаев С. М. Займы индустриализации конца 1920-х гг. и особенности их реализации // Вестник ТГУ. Выпуск 8 (100). Гуманитарные науки. История и политология. 2011. С. 290–295; Зотова А. В. Госзаймы в Ленинграде в период Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 15. № 5. 2013. С. 93–102; Вацук А. С., Селезнева Е. Ю. Фискальная политика на Дальнем Востоке России (середина 1940-х — 1950-е годы) // Вестник ДВО РАН. 2007. № 1. С. 90–97.

Советская военная администрация СВАГ, будучи необычным, но вполне советским учреждением, пережила четыре «займовые» кампании (1946, 1947, 1948 и 1949 годов). В апреле 1946 г. все знали, что правительством уже «предрешен» выпуск первого «Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР». Политработникам сообщили, что постановление о новом займе появится в газетах 4 мая, а накануне, вечером в 16.00 по московскому времени, об этом будет сообщено по радио. Заем выпускался на сумму в 20 миллиардов рублей на тех же условиях, что и выигранные выпуски военных займов. Облигации были достоинством в 500, 200, 100, 50, 25 рублей. Интерес к кампании в период ее подготовки следовало усилить. Специальные статьи в газетах, радиопередачи должны были рассказывать о росте значения государственных займов, информировать о выплате выигранных. По нагрузке на население этот заем должен был быть чуть менее тяжелым⁸.

13 апреля 1946 г., за двадцать дней до объявления подписки начальник Главного Политического управления Вооруженных сил СССР генерал-полковник И. В. Шикин направил в СВАГ директиву № 13 743/Ш, потребовав срочно разработать план «займовой» кампании. Указание было четкое — на заем должны быть подписаны *все* военнослужащие, члены их семей и вольнонаемные работники. Необходимо показать высокие финансовые результаты⁹. Таким образом, в организацию кампании уже закладывался принцип долженствования, завуалированный декларацией о полной добровольности. Все это сопровождалось, казалось бы, совершенно ясным указанием: «Подписку проводить... на основе полной добровольности под лозунгом «Трех-четырёх недельный заработок в заем»¹⁰. В принципе эта *официальная* декларированная цифра-рекомендация правительства и Главпура продержалась в руководящих документах до 1949 г.¹¹ Называть вещи своими именами и говорить прямо о желательности гораздо более высоких показателей И. В. Шикин не стал. Но для таких случаев как раз и существует понятный любому бюрократу особый язык. На этом языке неявное указание Шикина звучало так: «При этом необходимо учесть опыт размещения займов в прошлых годах, когда многие

⁸ Попов В. П. Указ. соч. С. 84–85.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 48. Л. 48–51.

¹⁰ Там же. Л. 50.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 38. Л. 297; Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 74. Л. 14.

военнослужащие подписывались на месячный оклад денежного содержания и выше. В нынешнем году, когда заем предназначается на осуществление новых грандиозных задач... военнослужащие будут подписываться на высоком уровне»¹². Откуда же Шикин знал, как «будут подписываться»? А он и не знал. Фраза Шикина не прогноз, а закодированный приказ. Его «будут подписываться» значило, что никаких особенных скидок на мирное время делать не следует. Нужно просто обновить агитационную риторику, усилить индивидуальную обработку и добиваться цифр, значительно превышающих объявленный минимум.

Кампания по обыкновению началась с совещаний политработников, партторгов, комсоргов, редакторов газет и финансистов. Именно на этих собраниях начальство и политработники озвучивали повышенные в полтора-два раза против официально объявленных цифры подписки — давали установку. Причем касались эти «пожелания» не только коммунистов, но и всех сотрудников СВАГ. С этого момента ссылаться на рекомендованный правительством и Главпуrom процент подписки как ориентир становилось не только неприличным, но и почти крамольным. Подписываться сваговцы могли только в советской валюте. Таким образом, требование подписки не распространялось на валютную часть зарплаты, что существенно снижало бремя займового «налога» на эту привилегированную группу советских людей.

Кульминацией подготовительной работы партийных организаций и политорганов были массовые митинги в день объявления подписки. Состояние документальной базы СВАГ в принципе дает возможность получить относительно аутентичную картину этой пропагандистской феерии. Мы имеем определенное, пусть и ограниченное число митинговых выступлений, отобранных для докладов начальству, а возможно и написанных самими политработниками вместо их подопечных. Количество зафиксированных заявлений на «займовых» митингах 1946 г. — несколько десятков текстов с прямыми цитатами плюс некоторое количество обезличенных информации с фамилиями «рекордсменов» подписки (без цитирований призывов и указания мотивов), является результатом целенаправленного отбора политработниками «правильных» высказываний.

В этом смысле, наши источники позволяют реконструировать пропагандистский образ действительности, а не живое мне-

¹² ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 48. Л. 50.

ние людей. Они дают определенное представление о господствовавших пропагандистских «подписных» трендах, о политическом заказе выступавшим активистам, позволяют соотнести доступную нам митинговую конкретику с общим контекстом эпохи. При этом нужно иметь в виду, что речь идет о специфической выборке, вполне репрезентативной только для решения особых исследовательских задач. Это не только и даже не столько выборка мнений и настроений людей по поводу подписки на заем, сколько зафиксированные в донесениях должные и подобающие высказывания, которые призваны были создать у присутствующих соответствующий настрой. Это то, как, по мнению политработников и начальства, должны были «звучать» подобные мероприятия, то, что следовало говорить сознательным патриотам и убежденным коммунистам, комсомольцам и беспартийным.

Но что тогда дают историку эти весьма однообразные, прямо скажем, но подлинные именно в этом своем однообразии пропагандистские тексты? Трудно, фактически невозможно, выстроить митинговые высказывания по ранжиру, а тем более дать их количественную характеристику из-за явной нехватки эпизодов. Поэтому попытаемся сделать лишь некоторые наблюдения и поделиться с читателем впечатлениями от «медленного чтения» прозвучавших на митингах тропов и мемов эпохи позднего сталинизма. Кроме того, не следует упускать из виду, что в ряде случаев мы все-таки имеем дело с высказываниями, пропущенными через фильтр личного восприятия. Подлинность таких высказываний, их принадлежность конкретному человеку подтверждается, например, их просторечием и малограмотностью: «Каждая копейка, внесенная нами, дает много нового оружия и техники, культурной и бытовой жизни для трудящихся нашей страны»¹³ и т. п.

Часть выступлений отсылала участников митингов к фронтовым реминисценциям — урокам закончившейся год назад Великой Отечественной войны, к памяти о добровольных взносах в фонд обороны¹⁴, апеллировала к необходимости быстрее залечить раны, нанесенные войной, восстановить разрушенное народное хозяйство и повысить обороноспособность страны¹⁵. В зависимости от образованности и политической «подкованности» участников митин-

¹³ ГАРФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 55. Л. 324

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 54. Л. 243–244; Д. 55. Л. 324.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 54. Л. 244; Д. 55. Л. 320.

гов в их выступлениях просачивалось либо бытовое («должны дать займы государству свои средства»¹⁶, «хочу, чтобы родина имела и от меня вклад»¹⁷), либо газетное («с радостью окажем финансовую помощь государству в залечивании ран войны, в восстановлении разоренного войной народного хозяйства и в его дальнейшем развитии»¹⁸) восприятие послевоенной реальности. Иногда в речи митинговых ораторов прорывался комсомольский задор и благодушие: «радостная весть о выпуске нового займа возбуждает нас на новые подвиги выполнения пятилетки»¹⁹.

Фултонская речь У. Черчилля, с которой обычно связывают начало холодной войны, прозвучала за два месяца до открытия подписной кампании (5 марта 1946 г.). Неудивительно, что тема враждебного окружения, которому должен противостоять весь народ, уже звучала везде, в том числе и на митингах по подписке. В одном из выступлений заем назвали «мощной демонстрацией советского патриотизма и грозным предостережением тем, кому не нравится наша сила, наша свобода, наш социалистический строй»²⁰. Таким образом, займ получал дополнительную легитимность.

Некоторые выступления на митингах становились неприкрытым и нескрываемым выражением верноподданнических чувств: «Нет более возвышенных целей нашего народа как выполнение призывов нашего Правительства»²¹. Высказывание: «все средства, которые мы «даем займы государству», — почти всегда звучало как «дать в Займы»²², что меняло изначальный смысл обыденного выражения. Образно говоря, лексическая ошибка превращала «сделку» с государством в священное жертвоприношение, ритуал, обыденное проявление патриотизма. Простые призывы, еще не преисполненные нужного трепета, тоже содержали в себе мотив верного служения государству: «Чтобы государство было сильным, призываю ...»²³. От этих и им подобных призывов сталинскому человеку невозможно было отмахнуться, возразить или оспорить в компании и тем более публично.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 55. Л. 324.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 54. Л. 244; Д. 55. Л. 323.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 55. Л. 324.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 65. Л. 80.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 55. Л. 325.

²² Там же. Л. 324

²³ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 55. Л. 325.

Все это подкреплялось ссылками на «Великого Сталина» и уверениями: «Оправдаем доверие вождя, будем бдительными в охране завоеванного мира, поможем родине своими сбережениями»²⁴. На митингах участие в займе подавалось как моральный долг, этическое обязательство и подвиг служения отечеству: «Я бы, как и каждый советский человек, чувствовала себя морально подавленной, если бы не подписалась на новый заем»²⁵. Участников митинга отсылали к ценностям советского коллективизма. На волне обычного для таких мероприятий психологического подъема начинало казаться, что уклониться от подписки, вернее от ее непомерного увеличения, значит остаться в одиночестве, обмануть надежды товарищей, выпасть из сплоченных рядов патриотов, да еще и рискнуть показаться неблагонадежным. Люди попадали в клетку сталинского патриотизма, за ограду непререкаемых идеологических суждений. В результате: «мы все как один подпишемся на заем не менее чем на трехмесячный оклад»²⁶. Стандартные лозунги: «призываю товарищей последовать моему примеру» или «принимаю вызов капитана имярек» и подписываюсь на полуторамесячный оклад»²⁷, — окончательно закрепляли в сознании собравшихся простую мысль: дать денег государству в займы придется. Не исключено, что дать придется не сколько можешь, а сколько ему, государству, нужно. И сделать это надо, конечно, «добровольно» и «с пониманием». Дальнейшее было делом пропагандистской техники и финансовых работников.

Необходимо отметить важную отличительную особенность подписки 1946 г. в СВАГ. Мы специально искали во всех доступных нам документах хотя бы намек на недовольство или несогласие с повышенными суммами подписки. Но нам так ничего не удалось найти. Возможно в спокойном отношении к подписке 1946 г. сказались патриотическая инерция военных лет. Во всяком случае, на военную привычку относиться к подписным деньгам как к безвозмездному вкладу в общее дело, указывает следующий эпизод. В апреле 1947 г. незадолго до нового займа в комендатуре района Ауэрбах произошло странное событие. Офицер по оперативнo-строевым вопросам комендатуры капитан М. не захотел брать

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 65. Л. 80.

²⁵ Там же. Л. 81.

²⁶ Там же. Л. 84.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 55. Л. 323.

у начальника финансовой части оплаченные облигации 1946 г. на 2200 рублей. Он сказал, что «ему облигации не нужны — возьмите их обратно». Начфин настоял на своем, и капитану пришлось облигации забрать. Но на этом история не закончилась. После этого М. отправился в секретную часть и на глазах у изумленных сотрудников разорвал облигации и выбросил их в урну. Началось расследование. Оказалось, что капитан «не имел никакого умысла или недовольства». Он всегда подписывался на 3–4 оклада и всю войну сдавал облигации в фонд обороны. Вот и сейчас он решил сдать их государству, но раз их не взяли, а «деньги за облигации внесены государству», то сами облигации уже никакой ценности для государства не представляют. Потому он их и разорвал. Встал вопрос о строгом партийном наказании. Однако партбюро учло, что поступок капитана не был злонамеренным и не содержал в себе враждебного умысла. М. был объявлен простой выговор, но со строгой формулировкой: «за проявленную политическую отсталость и запущенность работы над собой». Начфину (беспартийному) тоже попало, поскольку он не разъяснил капитану, что нужно делать с облигациями²⁸. Судя по описанному эпизоду, 27-летний «политически отсталый» капитан продолжал относиться к займам как экстраординарным мерам военного времени, как к безвозмездной жертве на благо государства.

Намеки главпуровского и сваговского начальства (подписка на 3/4 или целый месячный оклад — это «добровольный» минимум, а стремиться надо к большему) были по-разному восприняты на различных уровнях управления СВАГ. Наиболее понятливыми оказались сотрудники Штаба СВАГ. Центральный аппарат дал 187,5% к фонду заработной платы, то есть почти две зарплаты²⁹. Достижения подписной кампании в Управлениях СВА провинций и земель были не такими впечатляющими. В УСВА федеральной земли Тюрингия — 151,7%³⁰. В УСВА федеральной земли Саксония — 145%³¹. УСВА провинции Мекленбург и Западная Померания поначалу оказалось в числе отстающих — 134,5%³². Но там

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 77. Л. 141.

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 6. Л. 162.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 54. Л. 240.

³¹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 65. Л. 84.

³² Общий итог по СВАГ для 1946 г. определить сложно, поскольку соответствующие данные по провинции Бранденбург и провинции Саксония-Ангальт нами не обнаружены.

уже через пять дней была объявлена дополнительная (повторная) подписка («доподписка»), что было явлением обычным, повсеместным и касалось как больших организаций, так и отдельных лиц. Как систематический метод работы она вообще-то не поощрялась: это означало, что заблаговременно в ход были пущены не все рычаги, и кое-кто из сотрудников сумел увернуться от завышенной суммы займа, и его пришлось отдельно уговаривать, но к ней постоянно приходилось прибегать. В результате «доподписки» 1946 г. УСВА Мекленбурга и Западной Померании вырвалось вперед в негласном соревновании — 203,4% месячного заработка потратили сотрудники этого управления на подписку³³. Практика «доподписок» продолжалась и в дальнейшем. Судя по доступным нам материалам, быстро добиться стопроцентного охвата сотрудников подпиской особого труда не составило. Сказывалась выработанная годами привычка к покорности — главный инструмент самозащиты личности в сталинской империи.

Как бы то ни было, рекомендации генерал-полковника Шикина — «трех-четырёх недельный заработок в заем» — в 1946 г. были перекрыты в руководящих органах СВАГ. Там и заработки были выше, и служило больше высокопоставленных чиновников. Они лучше других понимали, как важно успешно пройти тест на лояльность и не ударить при подписке лицом в грязь. Возможно, этой же демонстративной лояльностью объясняется и «большое единодушие, с которым подписывались на новый заем» люди с «пятном на биографии» — служившие в СВАГ репатриированные, бывшие военнопленные и т. д. Как правило, сумма подписки этих сотрудников, занимавших нижние должностные ступени, значительно превышала их месячное денежное содержание³⁴. Возможно, они воспринимали свою ударную подписку на заем не только как демонстрацию лояльности, но и как часть своеобразного обряда по очищению от «буржуазной скверны», которой они заразились во время пребывания «под немцем». Хотя это вряд ли могло повлиять на их дальнейшую карьеру в СВАГ.

В мае 1947 г. была объявлена подписка на II Государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР. На этот раз она носила более организованный характер. Политуправление СВАГ, которое было создано только летом 1946 г., в первой после-

³³ ГАРФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 49. Л. 200.

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 65. Л. 81.

военной подписной кампании участия не принимало. Теперь же оно активно включилось в формирование организационно-агитационных алгоритмов и шаблонов «принуждения к добровольности». Начальство хотело знать все. Прежде всего, был четко определён порядок контроля за ходом подписки. С незначительными изменениями он сохранялся и в 1948, и 1949 гг. В первые две недели кампании политотделы ежедневно представляли в Политуправление СВАГ по телеграфу или телефону следующие данные:

1. Общая сумма подписки среди военнослужащих и сотрудников.
2. Внесено ими наличными в счет погашения подписки.
3. Процент охвата подпиской военнослужащих и сотрудников.
4. Сумма подписки среди членов семей.
5. Внесено ими наличными в счет погашения подписки.
6. Процент охвата подпиской членов семей.

Вся эта информация изначально носила секретный характер. В донесениях следовало указывать только номер вопроса и соответствующую цифру³⁵. Количественная характеристика хода подписки отсутствовала и в газетах, и в агитационных материалах. Допускался только устный рассказ о локальных достижениях на закрытых партийных собраниях.

Как и в 1946 г. на совещаниях озвучивалась «установка» — сколько процентов от месячного оклада сотрудникам СВАГ «рекомендуется» отдать государству по подписке. Цифра всегда превышала правительственный норматив в полтора-два раза. Важным этапом подписной кампании стали партсобрания, обычно закрытые. Специально подготовленные выступающие заранее называли сумму, на которую они подпишутся, она всегда была намного выше официально рекомендованной Главпуrom. Это была генеральная репетиция будущих массовых митингов, которые должны были пройти в день объявления подписки на заем. В 1947 году стали более тщательно заниматься организацией таких митингов. Отбирали проверенных и надежных выступающих. Сложился своего рода митинговый стандарт. Должен был выступить офицер,

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 11. Л. 64. За небольшим исключением содержание сводок мало менялось из года в год. Например, в 1949 г. сумму подписки среди солдат, получающих денежное довольствие в иностранной валюте, вынесли в отдельный пункт.

кто-то из рядового состава, жена офицера, член ВКП (б), комсомолец, беспартийный, гражданский сотрудник...³⁶. Предполагалось, что каждая категория работников должна получить свое конкретное напутствие. Цифры на митингах всегда назывались завышенными — 150–200, а то и 300% месячного оклада, что было нехитрым, но, вероятно, действенным психологическим приемом.

Трудно определить, сколько правды было в политдонесениях, где приводились конкретные примеры митингового патриотического энтузиазма. В мае 1947 г. политотдел УСВА провинции Мекленбург проинформировал Политуправление СВАГ, что на митинге в одной из военных комендатур капитан Г. заявил: «Я на прошлый заем подписался на 10 000 рублей, а теперь подписываюсь на 9000 руб. и моя жена на 1500 руб. Пусть средства помогут Родине залечить раны, нанесенные войной, чтобы народ наш быстрее стал жить богато и весело»³⁷. Известно, что десять дней спустя вышел приказ, согласно которому этот капитан получил повышение по должности и стал старшим офицером³⁸. Видимо, в такой ситуации ему было неудобно отказываться выступить на митинге с повышенными обязательствами. Но откуда могла взяться совершенно немислимая цифра в 9 000 руб.? Средняя зарплата героя подписной кампании вряд ли превышала 2 000 руб. Скорее всего, нафантазировали политотдельцы, обрабатывая политдонесения. А чтобы сделать картинку более привлекательной, продемонстрировав семейное единодушие в важном политическом вопросе, присочинили холостому офицеру еще и жену-подписицу.

Основные темы подписной агитации 1947 г. остались прежними: ссылки на преодоление последствий войны и восстановление разрушенного хозяйства, апелляция к займам не только как к средству укрепления обороноспособности и защиты от врагов, но и способу «сделать жизнь еще краше, чем она была до войны»³⁹. Активное участие в подписке на заем рассматривалось вышестоящими как доказательство патриотизма, преданности режиму и «новое свидетельство высоких моральных качеств наших людей»⁴⁰. Наиболее простодушные митинговые ораторы говорили о подписке как о всенародной складчине: «Я даю скромную долю займа нашему госу-

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 68. Л. 252.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 20. Л. 152–153.

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 63. Д. 13. Л. 47.

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 50. Л. 219.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 71. Л. 185; Д. 77. Л. 163.

дарству, по своей сумме знаю, что все поднимутся на заем и будет солидная сумма»⁴¹. Выступавшие апеллировали к коллективным ценностям, отталкиваясь от заученных шаблонов: «мы все как один одобряем...», «мы все как один подпишемся»⁴².

Сформированная пропагандой логика передового «сталинского человека» позволяла ему воспринимать полную противоречий кампанию сбора денег для государства как целостный идеологический монолит: «наше собственное благополучие зависит от мощи и благополучия нашего государства, поэтому мы, прежде всего, должны думать об укреплении его»⁴³, т. е. давать ему деньги взаймы и без отдачи. В результате получалась вполне утешительная конструкция: давая государству займы, мы даем займы самим себе. Так утверждалась идея подчиненного личного благополучия, а служение интересам государства представало в образе заботы о самом себе. Понятная идея «все должны помогать нашей любимой родине», т. е. «жертвовать во имя», подавалась как забота о собственном благополучии. Это была психологическая подмена, учитывавшая, возможно, начало какого-то нового поворота и в массовом сознании, и в пропаганде. Концепт жертвенности трансформировался и замещался концептом «благодарности». И хотя государство по-прежнему требовало от человека именно жертв, пусть всего лишь финансовых, эти жертвы следовало приносить в благодарность за «заботу»⁴⁴. Говорить всерьез о «заботе» в тяжелом 1947 г. было, по меньшей мере, преждевременно. Новый послевоенный пропагандистский тренд возник раньше, чем для этого появились жизненные основания. Снижения цен еще не начались, целые районы страны пострадали от голода, денежная реформа и отмена карточек только намечались. Но первые намеки на трансформацию идеи «жертвы во имя» в концепт «благодарности за» советская пропаганда уже обозначила. И на стыке этих совершенно разных мироощущений оказалась странная логика займа государству как заботы о себе.

На митингах 1947 г. чувствовались следы уже проведенной подготовительной работы, часто звучала фраза: «значение займа

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 77. Л. 163.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 20. Л. 133; Оп. 38. Д. 51. Л. 55.

⁴³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 38. Д. 51. Л. 55.

⁴⁴ Интересные наблюдения за эволюцией концепта «забота» в советской идеологии см.: *Богданова Е. А.* Советский опыт регулирования правовых отношений, или «В ожидании заботы» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. № 1 (34). С. 81–82.

для нас, советских людей, уже ясно»⁴⁵... Особую роль играл личный пример начальства, которое в ряде случаев становилось мотором подписной активности своих подчиненных. Так было, например, с недавно назначенным на должность начальника УСВА провинции Мекленбург генерал-лейтенантом Н. И. Труфановым, который подписался на 20 000 рублей наличными⁴⁶. Нам известен и другой эпизод прямо противоположного свойства, но подтверждающий ту же мысль. Как следует из донесения начальника политотдела Управления окружной военной комендатуры Цвиккау, «при подписке имели место факты и отрицательных явлений». Так например, нач[альник] Штаба подполковник Л., выступая на митинге в заключение сказал, что он подписывается сам и призывает всех подписываться только на месячный оклад, что было намного меньше цифры, рекомендованной сверху. И его «выступление сказалось отрицательно на ходе подписки по Управлению среди офицерского состава». Из-за подписной расслабленности подчиненных, спровоцированной примером начальника, политработникам и агитаторам в последующие три дня пришлось заниматься не только «доохватом» сотрудников, находившихся в момент подписки в госпиталях и командировках, но и промыванием мозгов «товарищам, подписавшимся на низкую сумму»⁴⁷.

Основным показателем «несознательности» был не отказ от подписки (на это, кажется, никто в это время не решался), а борьба за уменьшение ее размера, за сокращение потерь семейного бюджета. Проблемы у организаторов подписки начинались там и тогда, где и когда из служилого человека принимались выбивать повышенный подписной процент, покушались даже не на месячный оклад или его большую часть, а на полтора, а то и два месячных оклада. Некоторые сотрудники пытались увильнуть от завышенных с их точки зрения сваговских подписных нормативов и остаться в пределах объявленных правительством норм («некоторые товарищи... колебались в определении суммы подписки»)⁴⁸. Ничего хорошего из этого не выходило. Сопротивление лишь приводило к повторной подписке.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 75. Л. 181.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 53. Л. 219.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 77. Л. 164.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 34. Л. 89.

Начиная с 1947 г. фиксируемые партийной властью недовольства шло в основном из провинций и земель. С мест докладывали: «Капитан М., член ВКП (б), подписался лишь на 45% денежного содержания. Когда его попытались убедить пересмотреть свое решение, он ответил: «Что вы меня агитируете? Во время войны вы не дали Родине, сколько я. Поэтому с меня достаточно подписаться и на трехнедельный заработок»; «полковник Г., начальник отделения пропаганды Дрезденского округа не подписался на 150%... Я еще мало живу за границей и не успел накопить денег на вкладную книжку. После беседы он подписался дополнительно на 200 рублей». Всего на 1000 рублей хотел подписаться инструктор по пропаганде Лейпцигского округа капитан К., а его жена просто отказалась от подписки на заем⁴⁹. В военной комендатуре Лимбах инструктор отделения пропаганды, майор Б., член ВКП (б), заявил: «Что вы меня агитируете, чтобы я подписался на два оклада, когда я не знаю свою судьбу в будущем и не уверен в завтрашнем дне, если я решил, то никакие разговоры на меня не подействуют. Б. подписался на 1,5 оклада»⁵⁰. В Управление Лейпцигской окружной комендатуры нашлись сотрудники, «умышленно уклоняющиеся от подписки и только после длительного воздействия с трудом подписались — и то менее месячного оклада». Начальник Политотдела окружной комендатуры доложил наверх, что материальное состояние и поведение таких людей «изучаются»⁵¹.

Общий итог кампании 1947 г. — подпиской охвачены 100% личного состава, сама подписка составила 176,4% к месячному фонду заработной платы⁵². Как оказалось, богатый СВАГ занял по подписке на займы «первое место в войсках Советской Армии»⁵³.

Объявление подписки 1948 г. проходило в сложных для парт-органов условиях. Им предстояло с помощью пропагандистского нажима и замаскированных намеков на карательные санкции перекрыть действие целого ряда неблагоприятных факторов. Только что прошло снижение зарплаты⁵⁴, а денежная реформа дека-

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 66. Л. 203.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 75. Л. 182.

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 73. Л. 252.

⁵² ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 20. Л. 153.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 14.

⁵⁴ В 1947 г. оклад военнослужащих — сотрудников СВАГ в немецких марках был снижен на 50%, гражданские работники стали получать в соответствии с должностными окладами 75% в немецкой валюте и 25% в советских рублях. В связи

бря 1947 г. оставила у части сваговцев не очень приятные воспоминания. Накопившееся недовольство частично повлияло на ход подписной кампании 1948 г. Недаром во время подписки капитан Р., член ВКП (б), следователь прокуратуры г. Коттбус, заявил: «Во время денежной реформы я потерял 19 тысяч, а сейчас у меня нет сбережений. Пусть подписываются те, кто здесь давно живет»⁵⁵. В дополнение к денежной реформе началась конверсия выпущенных в 1936–46 гг. займов⁵⁶. На деле это означало, что нужно было простить государству часть старых долгов без всякой компенсации. Фактически, власть, не спрашивая согласия «кредитора», переструктурировала долги в свою пользу, но ничем кроме нового займа обрадовать людей не могла. Разве что скорой победой коммунизма, во имя которой якобы и занимало новые деньги. Ситуация в СВАГ была осложнена еще и тем, что в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 21 февраля 1948 г., «обмен облигаций государственных займов, подлежащих конверсии... на облигации государственного 2% займа 1948 г. в войсковых частях и учреждениях, расположенных на иностранной территории» не производился⁵⁷. Владельцы облигаций должны были высылать их для обмена в СССР! Очень муторно и неудобно⁵⁸.

с этим Главнначальствующий «разрешил произвести снижение суммы подписки на заем», но не автоматически. Каждый должен был обратиться «с заявлением в индивидуальном порядке», его ходатайство должно было быть рассмотрено «администрацией с профорганами». Подчеркивалось: снижение суммы подписки на заем не должно было принять характер кампании. «Инициатива должна исходить от подписчика, оказавшегося действительно в затруднительном материальном положении». При этом ни в коем случае нельзя было снижать общий процент подписки, который уже был заявлен в начале кампании, а это значит, что часть бремени должна была лечь на других. См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 129. Л. 11.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 38. Л. 289–290.

⁵⁶ Обмен облигаций прежних займов производился с 3 мая до 1 августа 1948 года. Ранее выпущенные займы обменивались в соотношении три к одному на облигации конверсионного займа, подлежащего выпуску из 2% годовых в 1948 году. См.: Советская жизнь 1945–1953. М., 2003. С. 539–544.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 26. Д. 10. Л. 194.

⁵⁸ С получением облигаций на руки вообще происходило что-то непонятное. Рассрочка выкупа облигаций по займу 1947 г. заканчивалась 1 марта 1948 г. После 1 марта подписчики должны были получить свои облигации. Однако наверху было решено, что в войсковых частях и учреждениях Вооруженных Сил СССР, расположенных на иностранной территории, облигации на руки не выдавать, а выдавать «именные квитанции», по которым можно будет получить облигации в сберегательных кассах на Родине. Сотрудники должны были отправлять

Подписка на заем 1948 г. прошла в формате лицемерной государственной сдержанности. К этому времени мобилизационный ритуал подписки окончательно отстоялся, упростился и закостелел. В целом это был достаточно богатый организационно-пропагандистской арсенал, способный подготовить сотрудников СВАГ к «правильному пониманию». «Отрицательно настроенных» старались выявить заранее — по результатам предварительного зондирования или уже в ходе митингов и сразу после них. Если оказывалось, что «отдельные товарищи» собираются «подписаться *только* (Курсив наш. — Авт.) на месячный оклад» или просто отмалчивались, то с ними вели «дополнительные разговоры»⁵⁹ или индивидуальные беседы»⁶⁰. Доставалось и беспартийным. «Неправильных» коммунистов «переубеждали» особенно энергично. С ними торговались, уговаривали, пугали и, как правило, получали приемлемый для политорганов результат. В военной комендатуре района Борн коммунист капитан С. подписался всего на одну треть оклада, что, как утверждал замполит, «явилось ударом для всех». Но после, продолжал политработник свой пафосный доклад, «с ним побеседовали на партийном языке и доказали обо всех преимуществах, какие он имеет, находясь в условиях, где он вполне обеспечен и свободно может обеспечить семью ...». После крепких партийных слов С... «доподписался»⁶¹. Эти и им подобные методы психологического давления и административного принуждения (чем, в сущности, и была «просьба» командира подчиненному, а тем более личный пример вышестоящего начальника) действовали все четыре года существования СВАГ и были достаточно результативными. Недовольство и вялое сопротивление гасили в зародыше. Никому не хотелось попасть

свои квитанции в сберкассы СССР или доверенным лицам (родственникам) для «оформления сохранного свидетельства или получения облигаций». Родственникам нужно было выслать еще и правильно заверенную доверенность, квитанции в сберкассах должны быть проверены на «подлинность и правильность оформления», для оформления сохранного свидетельства требовалось переслать еще и специальное заявление, а хранили облигации сберкассы за установленную плату. Но главное, если ты не вышлешь вовремя правильно оформленные квитанции со всеми необходимыми справками, то можешь опоздать принять участие в розыгрыше облигаций. См.: ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 2. Д. 9. Л. 164–165.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 85. Л. 66–67.

⁶⁰ Там же. Л. 40.

⁶¹ Там же. Л. 79.

под пристальное наблюдение парторганов (и не только их) и про-
слыть «не нашим» человеком.

Партполитработники и вторившие им начальники, действуя
прежними методами «принуждения к добровольности», попы-
тались раздуть уже привычные, стихийно сложившиеся «нормы»
повышенной подписки. На профсоюзном собрании в Управле-
нии Политсоветника прозвучала «рекомендация» — «наиболее
эффективной будет подписка того товарища, который подпишет-
ся на 200%, и оплатит свою сумму подписки наличными в крат-
чайший срок или даже в майскую зарплату». Политсоветник до-
бавил аргументов: «Новый заем является одним из займов пере-
хода к коммунистическому обществу», — вполне серьезно заявил
высокопоставленный чиновник. И тут же объявил подписку на за-
ем 1948 г. «новой ступенью в нашем сознании, в нашем развитии
как людей социализма, идущих к коммунизму... К подписке на за-
ем мы должны подходить шире и смотреть на это дело глубже, чем
просто на подписку. Здесь проверяется социалистическое самосо-
знание людей...»⁶². И даже если на собрании повторили дежур-
ные высказывания о безусловной добровольности, как должны
были реагировать на слова и призывы своего начальника сотруд-
ники? Ведь их непосредственный руководитель, тот от кого зави-
села карьера и благополучие, прямо и недвусмысленно назвал под-
писку на заем экзаменом на «социалистическую сознательность». Умение прочитывать такие «намекы сверху» было очень важно
для самосохранения в условиях сталинского мира.

Демагогия намеков срабатывала не всегда. Количество недо-
вольных высокой суммой подписки росло. Стало заметно стрем-
ление уйти от завышенных обязательств по займовому «самооб-
ложению». Особенно это было видно в военных комендатурах.
Там и народ был попроще, и зарплаты поменьше. Многим стало
ясно, что экстраординарные (и в этом смысле приемлемые) воен-
ные и послевоенные меры по изъятию денег в пользу государства
вряд ли приведут к немедленному и долгожданному коммунизму,
а кормить семьи надо было сегодня и сейчас. Постоянные требо-
вания повысить процент подписки к окладу все больше походи-
ли на систематические поборы. К тому же правила игры все вре-
мя менялись. И не в пользу подписчиков на заем! На призывы под-
писаться, *как надо* (т. е. так, как намекает или прямо просит непо-

⁶² ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 31. Л. 24–27.

средственное начальство), стали отвечать: «Что мне займы дают? Только деньги плати, а толку от них нет. Пусть подписываются те, у кого денег много»; «Ваше дело агитировать за высокий процент, а я подпишусь, на сколько хочу»⁶³.

Некоторые прямо апеллировали к рекомендациям, спущенным сверху: в военной комендатуре Ауэрбах начальник сельхозотделения при месячном окладе в 1200 рублей подписался только на 1000 руб. «Когда его товарищи стали упрекать, как коммуниста, не выполняющего решения партсобраний, он ответил: «Мало ли вы каких решений ни вынесете! Я решение правительства о подписке на заем в размере трехнедельного заработка выполнил»⁶⁴. В военной комендатуре Пренцлау земли Бранденбург капитан М., беспартийный, подписываясь на заем, заявил: «Я подпишусь только на месячный оклад. Что мне золотую фуражку дадут, если я подпишусь на двухмесячный оклад. У меня свои взгляды на жизнь. Мой отец в колхозе полуголодный, жена в Ленинграде целыми днями стоит в очереди за хлебом»⁶⁵.

В комендатуре г. Гойерсверда некоторые офицеры не захотели подписываться даже на месячный оклад. Один из них «мотивировал это тем, что у него половина денег уходит на выплату алиментов и для семьи остается только половина оклада». А инженера К. и вовсе обвинили в «исключительной жадности»: имеет «на книжке свыше 10 тысяч, а... не пожелал ни копейки дать наличными, а его жена отказалась от подписки» и только после двукратного вызова дала согласие подписаться на... 50 рублей. Но самый большой грех коммуниста К., и это ему припомнили, состоял в том, что на партийном собрании, где обсуждался вопрос о подписке на заем, он посмел выступить «с заявлением о нарушении принципа добровольности»!⁶⁶

Подписка 1948 г. показала, что начал упираться и актив. В военной комендатуре района Гроссенхайм уполномоченный по подписке капитан М. «в личной беседе заявил, что он сам подпишется не более, как на месячный оклад». Под подозрением оказались и член партбюро майор Д. и кандидат ВКП (б) Р., которые попытались отделаться месячным окладом. После «проведенной с ними работы», «несознательные» отступили, «последовали при-

⁶³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 38. Л. 290.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 80. Л. 250.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 38. Л. 289.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 85. Л. 53–54.

меру коллектива» и подписались на полуторамесячный оклад⁶⁷. Появились и невиданные ранее в сваговской среде «полные отказчики», которых чуть ли не силой тащили к подписному листу. Капитан С., член ВКП (б), заявил, что у него по вине Госбанка в период денежной реформы пропало 26 тысяч рублей и подписываться ему не на что. Только после вразумляющей беседы с партработниками капитан согласился подписаться на 110% месячного оклада. Заодно выяснилось, что С. в 1946 и 1947 гг. подписывался на заем тоже после неоднократных уговоров⁶⁸.

С точки зрения декларируемых коммунистических норм такое поведение было просто неприличным, порочным, неправильным... Оно свидетельствовало о том, что человек не хочет расставаться с деньгами, материально помочь государству и «здесь за границей показать высокие чувства патриотизма и любви к родине»⁶⁹. Политработники и партийные активисты пускали в ход все более сильные аргументы. Недаром сотрудник отдела информации УСВА Саксонии-Ангальт капитан Кабаков подчеркнул, что «займы по существу являются референдумом, голосованием за нашу советскую власть»⁷⁰. После таких слов становилось как-то боязно прослыть чуть ли не антисоветчиком? Поэтому, несмотря на попытки отдельных отчаянных людей полностью ускользнуть от подписки, система «принуждения к добровольности» работала в СВАГ в основном без эксцессов. А недовольство одиночек, посмеявших возражать, подавляли жесткими «душеспасительными» беседами и пугающими намеками. Мало того за поведением и настроением таких людей партработники начинали внимательно приглядывать⁷¹.

На митингах, прошедших в день подписки, в силу новых политических реалий доминировали темы патриотизма, долга и преданности. Из выступлений 1948 г. почти исчезли упоминания о прошедшей войне. На первое место вышел тезис о подписке как демонстрации «единства нашего народа против поджигателей новой войны»⁷². Подписку на заем называли теперь ни больше ни меньше как «ударом по империализму»⁷³. Одновременно «подписные митинги»

⁶⁷ Там же. Л. 41.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 38. Л. 290.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 34. Л. 89.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 38. Л. 286.

⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 38. Л. 291.

⁷² ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 85. Л. 76.

⁷³ Там же. Л. 66.

1948 г. расширили ареал мечты о мирной и счастливой жизни после тяжелой войны⁷⁴, прибегнув к заведомым преувеличениям и утверждениям, что государство, якобы, уже смогло «обеспечить нашим советским людям зажиточную, культурную и радостную жизнь»⁷⁵. Нередко выступающие высказывались покорно и предельно лаконично: «Много говорить нечего, дело ясное»⁷⁶; «каждый из нас знает, какое значение имеет заем, каждый из нас знает, куда он идет»⁷⁷.

Итоги подписки на заем 1948 г.: 177,4% к месячному фонду заработной платы⁷⁸, практически столько, сколько было в 1947 г. и это несмотря на все предпринятые меры. В политдонесениях наверх пришлось все же отметить, что «среди офицерского состава нашлись такие люди, которые подписались на заем ниже, чем на месячный оклад, и с ними пришлось проводить вторичную подписку»⁷⁹. Борцов за семейный бюджет стало, если и не намного больше, то они стали заметнее на общем покорном фоне. И высказывались все откровеннее.

Вероятно, это открытое и скрытое недовольство Главное политическое управление Вооруженных сил СССР попыталось учесть в директиве № 107/III от 25 марта 1949 г. о предстоящем выпуске четвертого государственного займа, заметно усилив демагогию о добровольности подписки (по сравнению, например, с аналогичным документом 1946 г.). Как и раньше политическая кампания 1949 г. проводилась под лозунгом: «трех-четырёх недельный заработок в заем»⁸⁰. Все также ставилась задача провести подписку в короткий срок, с высокими финансовыми результатами и 100%-м охватом. В то же время директива заметно расширила само понимание добровольности и тот финансовый коридор, в который партийному аппарату и подписному активу предлагали втиснуть их подопечных. Директива не просто декларативно запрещала «применять меры принуждения». Теперь каждому подписчику было разрешено самому «определить размер своей подписки» и «подписаться на любую сумму по своему желанию»⁸¹.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 38. Л. 287.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 85. Л. 75.

⁷⁶ Там же. Л. 67.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 85. Л. 55.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 38. Л. 253

⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 85. Л. 46.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 74. Л. 14.

⁸¹ Там же. Л. 16.

Фактически формула новой подписки была двусмысленной. Подписаться «на любую сумму по своему желанию» вовсе не означало разрешения на минимальные значения подписки (ведь минимум был уже обозначен «партией и правительством»). Под прикрытием строгой добровольности директива развязывала руки карьеристам-политработникам, поднявшим планку до двух окладов. Достижение подобных целей, конечно, требовало очень тщательной «раскачки» подчиненных. Очевидно опасаясь повторения подписных коллизий 1948 г. всю подготовку к размещению займа было велено начать за месяц до правительственного объявления⁸². И работу эту проводить в закрытом порядке⁸³. Ясно, что никаких «смягчающих» изменений в практике и организации подписки не произошло.

Несмотря на оптимистические ожидания, было видно, что в этом году будет трудно добиться столь высокого процента подписки. Спротивлялись даже военные коменданты и их заместители по политчасти. Политотдел УСВА земли Тюрингии сообщал, что отдельные товарищи настроены подписаться не больше, как на 100% к фонду зарплаты. В военной комендатуре района Мюльхаузен на партийном собрании заместитель военного коменданта по политической части подполковник Азаров ориентировал коммунистов подписаться на 150% к фонду зарплаты. Когда же после собрания к нему обратился секретарь партбюро: «Как же быть с установкой начальника политотдела, который ориентировал дать взаймы государству не менее 175%». Азаров ответил: «Пусть начальник политотдела сам подписывается на 175%». «Уезжая в отпуск (в конце апреля) тов. Азаров назвал сумму, на которую должны его подписать на заем 3 мая: эта сумма составила только 142% к его фонду зарплаты. В день подписки военная комендатура дала 176,6%, заняв одно из последних мест в земле»⁸⁴.

Начальник Политотдела УСВА земли Саксония-Ангальт Смехов докладывал в Политуправление СВАГ, что «отдельные руководители военных комендатур самоустраились от проведения подписки. Например, военный комендант района Стендаль подполковник С. вместо того, чтобы мобилизовать личный состав... сам не явился на митинг, а разъезжал по району... причем уполномоченному

⁸² Там же. Л. 15.

⁸³ Там же. Л. 16.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 52. Л. 40.

по подписке передал по телефону, чтобы его подписали «на круглую». (100%?) В комендатуру С. прибыл только в 17.00, когда подписка фактически была уже закончена. В результате «такой несерьезности» и в отсутствие начальства в комендатуре Стендаль подписка 3 и 4 мая составила самый низкий процент по сравнению с другими комендатурами земли». Отдельные офицеры этой комендатуры «подписывались с нежеланием». Для выяснения причин неявки военного коменданта на митинг начальство уже 4 мая провело расследование. С. привлекли к партийной ответственности⁸⁵. О чем тут же доложили в Главное политуправление Вооруженных сил⁸⁶.

В земле Бранденбург совершенно «не по-советски» повел себя замполит комендатуры района Бад-Фрайенвальде. Мало того, что не проследил за исполнителями, которые чуть не сорвали организацию митинга. Он еще и проявил «личные нездоровые настроения», изображая жизнь в СССР, как сплошной голод и нищету: брат его такой худой, что хоть в гроб клади, мать чуть не по миру ходит и значит надо «всем им помогать, чтобы не умерли с голоду», потому и счел подписку в 200% «невозможной»⁸⁷.

Заместитель военного коменданта района Цвиккау по политчасти Р. докладывал начальнику Политотдела УСВА земли Саксония: капитан Ш., член ВКП (б) в личной беседе заявил: «Я подписался на 150%, да жена на 200 рублей, больше подписываться не буду. Имею на книжке 20 тысяч, собираюсь купить дом... я ведь своего дома не имею...»; лейтенант Т. — военпред, кандидат ВКП (б): «я подписался на 150% и больше не буду, пусть подписываются те, кто имеет больше тысячи на книжке, меня не агитируйте...»; майор Л., член ВКП (б), вначале подписался на 150%, а когда ему в беседе указали, «что... есть уже несколько человек, подписавшихся на 200%», то он сказал: «Что вы мне называете такие фамилии, вы мне назовите всех, а потом я подумаю...». Было срочно созвано внеочередное партсобрание и после публичного разноса все «уклонисты» подписались на 200%⁸⁸.

Как мы уже говорили, просто отказаться от подписки на заем было нельзя, это значило серьезно подмочить себе репутацию, а то и испортить карьеру. Но шла тихая борьба за свои деньги, свое

⁸⁵ Там же. Л. 18–19.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 50. Л. 116.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 54. Л. 333–335.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 93. Л. 307.

благополучие, а это уже было подрывом всей выстроенной сталинской системы: общественное выше частного! Безоговорочная покорность и готовность делать как должно, постепенно переходили в глухое недовольство, которое прорывалось в выступлениях на партсобраниях, в беседах, разговорах. То, что было спрятано внутри, стало вырываться наружу. Захотелось нормальной обеспеченной жизни. Путь, пройденный за четыре года: от капитана, который в 1946 г. просто не понимал, что ему делать с облигациями — к 1949 г., деньги мои собственные и мне решать, как их тратить! В приоритете оказалась семья, мечта о нормальной жизни. А невозможность следовать этому приоритету не могла не вызывать сильных политических эмоций, прикрытых демонстрацией покорности велениям руководства.

Глухое недовольство начальству все-таки удалось погасить. Одинокие голоса недовольных заглушили аплодисментами единодушного одобрения сильно завышенных цифр. 14 мая 1949 г. Начальник Политуправления СВАГ А. Г. Руссов доложил начальнику Главного Политического управления Вооруженных сил СССР, что общая сумма подписки (без семей) — 33 622 850 руб., что составляло 192,8% к фонду месячной зарплаты⁸⁹. Столь высокий результат объяснялся просто. Чтобы добиться требуемых 200% подписки, был усилен нажим всей организационно-пропагандистской машины, а «дефицит» подписки пришлось покрывать начальству, то есть тем, для кого пройти проверку на лояльность было жизненно важно. Особенно отличилось Управление военного коменданта советского сектора г. Берлина — 213,3%⁹⁰. Успехи Управления начальник политотдела П. Л. Базилевский объяснил следующим образом: «руководящие работники отделов, партийный актив, своим личным примером в значительной степени обеспечили успех в подписке на заем», они подписались на 300% и больше⁹¹. Правда и в среде начальства не обошлось без проблем. Высокооплачиваемым работникам СВАГ рекомендовали «50% погашать сразу»⁹², но процент досрочной уплаты составил лишь 23,7%⁹³. Другими словами, даже «богатые» начальники не торопились немедленно переводить половину суммы за облигации.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 50. Л. 115.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 52. Л. 11.

⁹¹ Там же. Л. 10.

⁹² ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 177. Л. 45.

⁹³ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 50. Л. 115.

В целом, послевоенные подписные кампании показали, что «сталинский человек» существует, его смирение и покорность воле государства являются опорой власти даже тогда, когда она затрагивала его материальные интересы и залезала в карман, идеологически обезоружив. Этот «сталинский человек» год от году выдерживал тест на лояльность, хотя и испытывал возрастающее раздражение бесцеремонностью режима. Принудительная, фальшивая добровольность, навязанный коллективизм и угроза прямого насилия способны были долгое время удерживать этого человека в рамках, достаточных для стабильности системы, оставлявшей еле видный зазор для свободы выбора. Требование 100% подписки на заем, которую следовало провести в чрезвычайно сжатые сроки, спущенные сверху повышенные нормы, повсеместное психологическое давление со стороны партийных, комсомольских и профсоюзных органов на местах — все это нельзя определить иначе, как насильственное, прекрасно организованное государственно-партийное принуждение. Принуждение психологическое, словесное, многоуровневое — в печати, на собраниях, в беседах с агитаторами и политработниками... Можно, конечно, провести водораздел между мягким и жестким принуждением, но это ни на гран не изменит сущности политики, которую проводило государство. Она вся носила тотальный характер и вся была «перегибом».

Подписку на займы превратили в проверку на патриотизм, тест на лояльность к советской власти, образец того, как должен был поступать советский человек. После войны огромная страна, по крайней мере, ее активная работающая городская часть сдавала раз в год зачет на покорность, получала оценку за поведение, подтягивала отстающих и пугала нерадивых, повторяла и закрепляла привычку слушаться, исполнять, а по мере возможности прятаться и уклоняться, хитрить и выкручиваться. Недоумение и недовольство накапливались очень медленно и систематическое добровольное займовое «самообложение» прекрасно вписывалось в общую систему воспитания «сталинского человека» — иногда недовольного, но покорного, готового при случае уклониться от требований государства, но, как правило, не решавшегося это сделать. Не удивительно, что главной причиной отмены системы займов в середине 1950-х г. было не столько недовольство граждан дополнительными поборами, сколько непомерно разросшийся государственный долг и неспособность государства обслуживать его.

ТУНИССКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ОТ ЕКАТЕРИНЫ II ДО ХАМУДА-ПАШИ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XIX ВЕКА)

ВВЕДЕНИЕ

Проблема тунисско-российских связей в новое и новейшее время по-прежнему является недостаточно изученной, несмотря на большие усилия, которые предпринимали как советские и российские исследователи¹, так и тунисские историки и специалисты по гуманитарным наукам, особенно после обретения Тунисом своей независимости². Для изучения данной проблематики также не следует забывать тот ценный вклад, который внесли французские историки, европейские и американские специалисты в процесс изучения истории Туниса и Северной Африки

¹ *Нерсесов Г. А.* К истории французского вторжения в Тунис 1881 г. (обзор русских архивных материалов и периодической печати) // *Африканский сборник*. М., 1963. С.171–230; Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? / Отв. ред. Наумкин В. В., Попов В. В., Кузнецов В. А. М., 2012; *Видясова М. Ф., Каздагли Н.* Преставления тунисцев о России и образ Туниса в глазах россиян (XVIII — начало XIX в.) // *Всматриваясь друг в друга ... Россия и арабский мир: взаимное восприятие*. М., 2013. С.138–163.

² *Kraiem M.* La Tunisie précoloniale. Tunis, 1973. Т. 1–2; *Tlili B.* Les rapports culturels et idéologiques entre l'Orient et l'Occident en Tunisie au XIX e siècle (1830–1880). Tunis, 1974; *Mahjoubi A.* L'Etablissement du protectorat français en Tunisie. Tunis, 1977.

в целом³. Важно отметить, что российские востоковеды-арабисты затрагивали вопросы, связанные с тунисскими событиями, в рамках своих исследований, касавшихся истории и культуры народов Востока, в том числе и Туниса⁴. Другие российские исследователи столкнулись с тунисскими проблемами в контексте их изучения внешних отношений России с крупными европейскими державами и Османской империей⁵. Как одни, так и другие используют собственный подход в анализе и изучении исторических процессов, происходящих в Тунисе.

Что касается тунисских исследователей и историков, то некоторые из них затронули в своих научных исследованиях и монографиях тему Советской России и Советского Союза. Они изучали вопрос о возникновении и развитии рабочего и коммунистического движения в Тунисе и их отношения с Коммунистическим Интернационалом и Советской Россией⁶. Работа тунисского историка Х. Р. Хамза была посвящена коммунизму и национальным движениям в ходе борьбы тунисцев за национальную независимость⁷. В другом исследовании были изучены позиции Советского государства по отношению к странам Магриба (Алжир, Тунис и Марокко) во время французской колонизации от Октябрьской революции до периода независимости Алжира⁸. Многие тунисские исследователи излагали отдельные аспекты отношений между СССР и нацио-

³ *Ganiage J.* Les origines du protectorat français en Tunisie (1861–1881). Paris, 1959; *Marsden A.* British diplomacy and Tunisia (1875–1902). New York, 1971; *Anderson L.* The State and Social Transformation in Tunisia and Libia (1830–1980). Princeton, 1986.

⁴ История отечественного востоковедения до середины XIX века / Отв. ред. Г. Ф. Ким, П. М. Шаститко М., 1990; *Видясова М. Ф.* Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы (1903–2000). М., 2005–2012. Т. 1–2; *Кириллина С. А.* Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010.

⁵ *Федосов И. А., Карасев В. Г., Киняпина Н. С., Билунов Б. Н.* Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981; *Рыбаченок И. С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993.

⁶ *Каздагли Х.* Развитие коммунистического движения в Тунисе / Публикации филологического факультета Мануба. Серия Истории. Тунис, 1992 (на арабском языке); *Kraïem M.* Le Parti communiste tunisien pendant la période coloniale. Institut Supérieur du Mouvement National / Université de Tunis I. Tunis, 1997.

⁷ *Hamza H. R.* Communisme et Nationalisme en Tunisie de la “Libération” à l’Indépendance (1943–1956) / Publications de la faculté des Sciences Humaines et Sociales, série 4: histoire, volume XXIII. Tunis, 1994.

⁸ *Hadhri M.* L’URSS et le Maghreb. De la révolution d’octobre à l’indépendance de l’Algérie (1917–1962). Paris, 1985.

нальными движениями народов Магриба в процессе освобождения страны от французской оккупации и обретения свободы.

Особенно важно отметить перемены, произошедшие в России в начале 90-х годов XX века, которые открыли двери российских архивных центров перед исследователями, в том числе зарубежными. Они стали часто приезжать в Россию для ознакомления с русскими архивными документами. В этом контексте появились новые поколения историков в России, в Тунисе и за рубежом. Они объективно подходили к изучению истории тунисско-российских связей в новое время. Они создали первые научные работы и монографии, некоторые из которых приводятся и здесь⁹. В каждом новом исследовании мы пытались расширить диапазон изучения и подключили новые источники данных, чтобы по-новому осветить этот вопрос. В научных работах касательно тунисско-российских отношений на первом этапе имели место общие проблемы целого исторического периода. Затем появились более специализированные монографии и собственные исследования для изучения отдельных аспектов тунисско-российских связей: позиции России по отношению к установлению французского протектората в Тунисе, регентство Туниса в отчетах и мемуарах российских путешественников, тунисско-российские отношения во время французского протектората.

Настоящее исследование также посвящено этому направлению и затрагивает тунисско-российские отношения до французской колонизации страны. В работе была предпринята попытка изучения первых консульских и дипломатических контактов между Тунисским регентством и Российской империей. Также удалось более подробно проследить и выяснить развитие торговых отношений между двумя государствами, а также выявить факторы, мешающие их развитию в то время и, прежде всего, распространению северо-африканского пиратства на Средиземном море. Тунисско-российские отношения охватывают частич-

⁹ *Каздагли Н.* Внешняя политика России в отношении Алжира и Туниса в годы их колонизации Францией (30-е — 80-е годы XIX века) / Исторический факультет Московского Государственного Университета имени М. В. Ломоносова. М., 1994 (диссертация); *Жерлицына Н. А.* История российско-тунисских отношений (конец XVIII — начало XX вв.) / Институт Африки Российской Академии Наук. М., 2005 (диссертация); *Жерлицына Н. А.* Россия и Тунис. Из истории отношений 1780–1917 гг. Архивные документы и свидетельства современников. М., 2008; *Жерлицына Н. А.* Советский союз и Тунис. Из истории отношений (1917–1991). Архивные документы и свидетельства современников. М., 2012.

но эпоху императрицы Екатерины II (1762–1796 гг.) до периода правления Бей Туниса Хамуда-паши (1782–1814 гг.). Другими словами, настоящее исследование охватывает исторические рамки от окончания русско-османской войны в 1768–1774 гг. до успешного завершения наступления коалиции против армии Наполеона и организации Венского конгресса в 1815 году.

В данной работе мы ссылались, главным образом, на документы московского архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и другие архивные источники на русском, французском и арабском языках, изданных в России, Франции и Тунисе. Довольно трудно определить точную дату начала тунисско-российских отношений из-за отсутствия конкретных данных. Самый старый документ, попавший в поле изучения, относится к 1780 году. Мы условно рассматриваем его как начало процесса установления тунисско-российских политических контактов.

1. ИСТОКИ КОНСУЛЬСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ТУНИСОМ И РОССИЕЙ

Очевидно, что тунисско-российские контакты берут свое начало в глубокой истории. Свидетельством этому можно считать русский документ от 18 апреля 1780 года, который был найден в архиве российского Министерства иностранных дел в Москве и относится к концу XVIII века. Он посвящен истории тунисско-российских отношений. Он представляет собой прошение консула Голландии в Тунисе А. Г. Ниссена¹⁰ к посланнику Российской империи при Османской Порте А. С. Стахиву (1775–1781) о возможности назначения его в качестве консула России в Тунисе¹¹. Главная мысль данного документа была выражена следующим образом:

¹⁰ Ниссен — это консульская семья, по происхождению она из Голландии, проживавшая в Тунисе с XVII века. Ее члены были, главным образом, консулами Голландии в Тунисе, а также занимались представительством разных европейских государств в отдельные периоды (Тосканы, Франции, Австрии, России ...) в Регентстве с конца XVIII века до начала XX века. Подробнее см.: *Kazdaqhli N. La famille Nyssen de Tunis et son rôle dans les relations extérieures de la régence (XVIII–XIX e. s.) // Mélanges Prof. Machiel Kiel. Etudes réunies et préfacées par Prof. Emérite Abdeljelil Temimi. Zaghouan (Tunisie), 1999. P. 335–352.*

¹¹ Архив внешней политика Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. 1780. Д. 557. Л. 36. Здесь мы хотим выразить особенную благодарность российскому коллеге Н. А. Жерлицыной, которая

«Имею честь представиться вашему превосходительству, так как узнал, что ее величество императрица повелела вести мирные переговоры с регентствами Варварии, чтобы расширить торговлю своих подданных в Средиземноморье. Житель Туниса, я являюсь консулом Голландии уже 25 лет, в течение которых имел честь с успехом поддерживать дружбу и согласие между Голландией и этим государством, удаленность которого могла бы повредить этим отношениям. Осмелюсь умолять ваше превосходительство оказать мне честь поддержать перед ее императорским величеством просьбу назначить меня консулом в Тунисе».

Далее консул Ниссен так продолжает свое письмо: *«Обязанности которого я обязуюсь исполнять со всей преданностью, старанием и аккуратностью, так же, как я всегда исполнял и продолжаю исполнять обязанности консула Голландии, оказывая всестороннюю поддержку и всевозможное внимание ее подданным, которые занимаются торговлей в этом регионе»*. Автор документа предлагал свою кандидатуру на должность консула России в Тунисе, поскольку он обладал солидным консульским опытом. Он был голландским консулом при дворе бея Туниса в течении 25 лет. Поэтому он просил посланника России при Османской Порте А. С. Стахиева поспособствовать ходу своего прошения и поддержать перед императрицей Екатериной II его кандидатуру на пост консула в Тунисе. При этом он обещал оказывать всестороннюю поддержку и всевозможное внимание подданным России заниматься торговлей в Тунисе и в районе Средиземноморья в целом.

Прошение Ниссена появилось через шесть лет после окончания ожесточенной русско-турецкой войны 1768–1774 гг., которая закончилась подписанием в болгарской деревне Кючук-Кайнарджи мирного договора. В то время еще не были найдены окончательные ответы на все спорные вопросы между Россией и Высокой Портой (статус Крымского полуострова, Кавказские территории, Грузия и др.), создавшие причины русско-турецких войн (1768–1774 гг. и 1787–1791 гг.)¹². Естественно, что после этих войн русско-османские отношения были чрезвычайно

любезно передала нам этот документ. Теперь он уже опубликован в книге: Жерлицына Н. А. Россия и Тунис. Из истории отношений 1780–1917 гг. С. 59–60.

¹² Павленко Н. И., Андреев И. А., Федоров В. А. История России с древнейших времен до 1861 года. М., 2004. С.349–355.

напряжёнными. Для укрепления своих военных и политических успехов Россия предприняла решение о присоединении Крыма к России. Русские войска в 1783 г. взяли Крымский полуостров, который окончательно вошел в состав России. Дальше позиции России в регионе укрепились в результате Георгиевского трактата в 1783 г., по которому Россия приняла Восточную Грузию под свое покровительство¹³. Политический курс России вел к твердому утверждению присутствия Петербурга на Черном море. Такое положение создало благоприятные условия для расширения связи России со странами Средиземноморья и в том числе с Тунисским регентством.

Несмотря на все усилия, которые предпринимал А. Г. Ниссен для достижения своей цели, он не смог ее добиться. Просьба голландского консула не нашла положительного ответа у руководства Коллегии иностранных дел России. В русском архиве не был найден собственный документ об официальном отказе России на пожелания консула А. Г. Ниссена. Очевидно, что инициатива последнего осталась без ответа со стороны российского правительства. Тем не менее А. Г. Ниссен вошел в историю как один из первых инициаторов, который много сделал для установления консульских связей между Тунисским регентством и Российской империей. Заслуги консула А. Г. Ниссена заключаются в том, что он обратил внимание российской дипломатии на ценный вклад, который может внести Тунис в развитие российской торговли в Северной Африке и Средиземноморье.

Однако есть все основания предполагать, что российская сторона отдала свое предпочтение шведскому консулу в Тунисе, который стал выполнять обязанности консула российского государства при дворе бея Туниса. Различные услуги, которые шведский консул оказывал для защиты интересов Российской империи были признаны правительством России. При принятии указаний императрицы Екатерины II, шведский консул в Тунисе был вознагражден целым рядом ценных подарков в мае месяце 1787 года¹⁴. Важно отметить, что пребывание шведского консула на этой должности не было долгим. Российский посланник А. Я. Италинский (1743–1827 гг.) при Высокой Порте в 1799 г. попросил посланника Голландии в Турции барона Г. Раткеля «поручить консулу Гол-

¹³ Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. А., Сивохина Т. А. История России. М., 2009. С. 173.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. 1787. Д. 293. Л. 1.

ландии в Тунисе А. Ниссен оказывать помощь всем российским подданным, посетившим регентство, пока не будет назначен русский консул»¹⁵. Таким образом, мы можем сказать, что с того времени А. Ниссен стал «фактически выполнять обязанности российского консула» в Тунисе. В таком контексте бей Туниса Хамуда-паша подписал договор о «дружбе и торговле» с Северо-Американскими Соединёнными Штатами 26 марта 1799 года, и американский сенат его ратифицировал 10 января 1800 года¹⁶. Это означает, что Тунисское регентство в это время стремилось установить и развивать свои отношения с разными странами и даже с некоторыми дальними, такими, как Америка, Россия и др.

В отличие от других государств, между Россией и Тунисом не было подписано никакого совместного договора. Причина такого положения заключается в том, что Российская империя относилась к Тунису не как к самостоятельному государству, а как неотъемлемой части Османской империи. В этом случае российско-османские договоры обычно имели отдельные статьи по поводу Северной Африки, в том числе и Туниса. В начале XIX века были установлены консульские отношения между Тунисом и Россией. Таким образом, голландский консул А. Ниссен стал представителем российских интересов в Тунисе с 1803 г. Начиная с этого времени и вплоть до 1912 г. разные члены и представители многих поколений из семьи Ниссена занимали посты российских консулов в Тунисе. Исследователь Кристиан Виндлер охарактеризовал консула из семьи Ниссена следующим образом: «Долгие годы их проживания в Тунисе, Ниссенны превратились в ключевые фигуры в отношении между христианскими нациями и двором бей. Они поддерживают сеть контактов, и часто эффективны в Бардо. Никто не сомневается в большом вкладе Антуана Ниссена в расширении связей и знакомств»¹⁷. Кристиан Виндлер продолжал анализировать свои мысли о месте и роли консула Ниссена в регентстве, как о его отношениях со двором, так и с обществом. Он пришел к следующему выводу: «Ниссенны, как Солеры¹⁸, их характеризует степень интеграции, которая

¹⁵ Там же. Л. 41–42.

¹⁶ Carthage. Revue trimestrielle tunisienne. Tunis, 1967. N° 8. P.56–71.

¹⁷ Windler Ch. La diplomatie comme expérience de l'autre. Consuls français au Maghreb (1700–1840). Genève, 2002. P. 137.

¹⁸ Солеры, в форме множественного числа, — консулы Испании в Регентстве Туниса в это время.

их и сближает с тунисским двором. Их знания и поведение дают им равное положение с подданными бея. Они говорят на одном языке, не хватает только костюма»¹⁹.

В русском архиве было дано четкое определение личности голландского консула Антуана Ниссена таким образом: «*Единственный христианин, который действительно пользуется личным доверием Бейя и его Министра»²⁰*. Наверняка, эти данные в карьере консула Ниссена были учтены со стороны России при определении ее выбора о его назначении в качестве российского консула в Тунисе. Он считался достойнее всех остальных представлять в Тунисском регентстве интересы России. Скорее всего эти факторы сыграли определенную роль при таком выборе. Это их долгое нахождение в стране, и консулы Ниссены долгое время пребывали на службе Российской империи при Тунисском дворе, больше одного века. Накануне первой мировой войны правительство Петербурга приняло решение о смене последнего консула Ниссена в Тунисе, и оно перевело его в Египет. Может быть, министерство иностранных дел России хотело лучше использовать опыт консула Ниссена в таком стратегическом регионе для России, как Египет. И учитывая мировое положение, Россия хотела подготовить свои планы для участия в мировой войне. В связи с этим в 1912 г. консул Г. Ниссен был переведён на работу в город Порт-Саид в Египте, и консульскими делами России в Тунисе стал заниматься шведский консул Отто Минкс вплоть до 1917 года²¹.

На рубеже XVIII–XIX веков были приняты важные инициативы для установления консульских контактов между Тунисом и Россией. Как же обстояло дело между ними в области торговли?

2. РОССИЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ВАРВАРИЙСКОЕ ПИРАТСТВО (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XIX в.)

В результате успешного окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Россия получала выход к Черному морю, право иметь свой флот на Черном море и право прохода через проли-

¹⁹ Windler Ch. La diplomatie comme expérience de l'autre. P. 138.

²⁰ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517 (1). 1802. Д. 1529. Л. 3.

²¹ Жерлицына Н. А. История российско-тунисских отношений: конец XVIII — начало XX в. С. 73–75.

вы Босфор и Дарданеллы. Российское правительство подготовило большие планы для развития торговли в Средиземном море. Оно использовало юридические и политические положения, которые были утверждены в Кючук-Кайнарджийском договоре от 1774 года. Что касается северо-африканских османских владений, в статье 12 данного трактата говорится:

«Когда Российский Императорский Двор захочет сделать коммерческие трактаты с Африканскими, то есть Триполитанским, Тунисским и Алжирским канонами, Блистательная Порта обязывается употребить власть свою и кредит к приведению в совершенство упомянутого Двора намерения, и быть в рассуждении выше реченных канонов, ручательницею в наблюдении ими всех тех кондиций, которые в оных трактатах постановлены быть имеют»²².

Российское правительство приняло другие меры для расширения торговли с северо-африканскими регентствами, чтобы защитить свои корабли от нападения пиратов, базирующихся в Тунисе, Алжире и Триполитании. Возможно оно хотело добиться нейтрализации османских владений в Северной Африке (Тунис, Алжир, Триполитания), поскольку они часто представляли Высокие Порты сильной военной опоры в случае военного конфликта с Российской империей, как это случилось при последней войне²³. Русскому капитан-лейтенанту М. Г. Коковцеву в мае-июне 1776 г была поручена задача посетить Тунис и Алжир, чтобы ознакомиться с военными объектами и портами страны. Ему поручено было также познакомиться с местными обычаями и нравами жителей этих стран. И он должен был изучить любые возможности для расширения торговли и мореплавания в этом регионе Средиземноморья. Основная цель Коковцева состояла в изучении степени готовности правителей Тунисского регентства и Алжира подписать с Россией мирный договор²⁴.

Несмотря на неофициальный характер пребывания М. Г. Коковцова в Тунисе, российский «гость» был принят беём Али (1759–

²² Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 35.

²³ Бей Туниса решил в апреле-мае 1771 г. предоставить военную помощь Османской империи в её войне с Россией (1768–1774). См. подробно: *Ибн Аби Ди-аф А.* «Итхаф ахль аз-заман би-ахбар мулук Тунис ва Ахд аль-аман». (Хроника королей Туниса и фундаментальный пакт). Тунис, 1989. Т. 2. С. 207–208 (на арабском языке).

²⁴ *Canard M.* Une description de la côte barbaresque au XVIII e siècle par un officier de la marine russe // *Revue Africaine.* Année 1951. N° 95. P. 121–129.

1782 г.). В своём дневнике М. Г. Коковцов отмечает: «В разговорах его (бея — Н. К.) нетрудно было заметить истинное его желание к заключению мира с Российской Державою, если на то будет воля Ея Императорского Величества»²⁵. Так как договор не был заключен, то можно предположить, что заявление бея по вопросу об установлении дружественных отношений с Россией имело в большей степени учтивый характер. Российские инициативы в отношениях с северо-африканскими регентствами были продолжены на следующий год. По этому поводу французские источники упоминают, что в 1777 г. Россия пыталась установить прямые контакты с Алжиром и Тунисом и стремилась подписать с ними мирные договоры. Но алжирский и тунисский правители отказались подписать предлагаемые соглашения²⁶, так как их внешняя политика была в определенной степени зависима от Османской империи. Важно отметить, что переговоры между Россией, Тунисом и Алжиром для подписания мирных соглашений не были успешными. Скорее всего, что северо-африканские регентства отказались лишиться свою казну крупных доходов, которые она получает от пиратства. Вопреки этому, в 1783 г. Россия через своего посланника Я. И. Булгакова (1743–1809 гг.) в Константинополе подписала новый торговый договор с Турцией, согласно которому Высокая Порта предоставила России права наиболее благоприятствуемой нации, а ее купеческим судам — право прохода через Босфор и Дарданеллы. Этот договор должен был распространяться во всех областях Османской империи и в том числе на Тунисское регентство, что и предусматривалось Кючук-Кайнарджийским трактатом²⁷. Кроме того, Высокая Порта взяла на себя полную ответственность в оказании помощи судам России в случае, если они подвергнутся нападению со стороны корсаров. Более того, Турецкое правительство брало на себя обязательства содействовать Российской империи при заключении коммерческих трактатов с Алжиром, Тунисом и Триполитанией и выступать их гарантом²⁸.

²⁵ Коковцов М. Г. Описание Архипелага и Варварийского берега, изъясляющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей, число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, с тремя чертежами. СПб., 1786. С. 89.

²⁶ Alphonse Rousseau. Annales Tunisiennes. Tunis, 1980. P. 188–189.

²⁷ Дружинина Е. И. Ближайшие экономические последствия выхода России на Черное море (1774–1782). М., 1957. С. 90–96.

²⁸ Дружинина Е. И. Мирный договор Кючук-Кайнарджи. М., 1955. С. 353.

Кроме того, в эпоху императрицы Екатерины II были приняты новые решения для укрепления и развития российской торговли по южному направлению с зарубежными государствами Средиземного моря, в том числе арабскими провинциями Османской империи. В этом контексте Российский Сенат издал декрет от 18 ноября 1784 г., по которому были определены очередные задачи внешней политики России: *«Попытаться установить торговые связи с Яффою, Александрией и Египтом, ввиду того, что в этих местах существует большая потребность в большом количестве разнообразных металлических изделий: гвоздях, сукне, красной русской коже, оконном стекле»*, и *«мы можем поставлять в Варварию металл и разнообразные металлические изделия, русскую красную кожу, стекло и деревянную утварь»*²⁹. Принимая во внимание российские планы и желание установления и развития торгового соглашения со средиземными странами, был заключен ряд контрактов между Россией и некоторыми государствами, в частности с Османской Портой. Тем не менее, в 1786 г. в Тунисе был осуществлен захват российского купеческого судна *«Святая Доротея»*, который вызвал возмущение царицы Екатерины II, в связи с чем был подготовлен проект ее письма в Константинополь с требованием положить конец подобным *«дерзостям»*.

Об этом событии в проекте рескрипта императрицы Екатерины II к посланнику России при Османской Порте было написано следующее:

«С особым неудовольствием известились мы от нашего во Флоренции Полномочного Министра Графа Моцениги о захвате в Тунисе российской купеческой полаки «Святая Доротея». Хотя она вскоре и была освобождена: но дерзость тунисцев тем не менее требует справедливого возмездия, и для того повелеваем Мы, извещая Министерство Почты Оттоманской о сем неприятном происшествии, настоять и требовать сильнейшим образом от имени Нашего, по содержанию 61 статьи торгового трактата (т. е. с Турцией от 1783 г. — Н. К.)... [и] скорого и удовлетворительно поправления случившемуся беспорядку и воздержания от Пор-

²⁹ Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по одной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия. СПб., 1786. Т. 2. Кн. 1. С. 533.

ты на будущее время тунищев и других им подобных африканских корсаров от всякого прикосновения к нашему торговому флагу, ибо Порты должны оной охранять не меньше, как и флаг подданных Его Величества Императора Римского, инакоже всякую африканских корсаров дерзость будем мы ставить на счет самой Порты и требовать от нее полного и безоговорочного удовлетворения»³⁰.

Императрица Екатерина II заняла решительную позицию по отношению к туниским корсарам. Она также указала о политической и юридической ответственности Османской Порты за действия северо-африканских корсаров. Разногласия в позициях между Россией и Турцией приняли новые формы, что вело к возникновению новой войны между ними, продолжавшейся четыре года (1787–1791). Русско-турецкая война завершилась подписанием мирного договора в городе Яссы от 29 декабря 1791 года. Российское правительство вынуждено было включить в текст мирного соглашения специальную статью, относящуюся к северо-африканским корсарам. По Ясскому мирному договору Высокая Порты «обязалась с целью более полного обеспечения интересов русской торговли в Алжире, Тунисе и Триполитании возместить русским купцам все убытки, причиненные им корсарами»³¹. Очевидно, что новые правовые и договорные соглашения между Россией и Турцией начали давать свои первые плоды. Так, по случаю кораблекрушения российского судна у берегов Туниса в 1792 г. один из членов экипажа нашел свое убежище в Тунисском регентстве, и об этом он сообщил императрице Екатерине II в своем письме от 20 января 1792 г.³². Другой случай был связан с алжирскими корсарами, которые захватили русский корабль «Агнета-Элизабет» в 1794 г. После выступления шведского консула перед правителем Алжира все члены экипажа со своим грузом были освобождены³³.

В начале XX в. северо-африканские корсары не прекратили своей деятельности. В 1802 г. туниские пираты захватили три сардинских судна, которые сопровождался российским военным кораблем. В донесении полковника Бартге³⁴ от 18 декабря 1802 г.

³⁰ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. 1786. Д. 666. Л. 8–9.

³¹ Оболенский Г. А. Император Павел I. Смоленск, 1996. С. 235.

³² АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. 1792. Д. 192. Л. 3.

³³ Мусатова Т. А. Россия-Марокко: далекое и близкое прошлое. М., 1990. С. 31.

³⁴ Швейцарский полковник, его направил король Сардинии с миссией к бею Туниса.

из Туниса, направленном посланнику России при Высокой Порте, было написано следующее:

«Я думаю, что рассказал достаточно Вашему Превосходительству, чтобы убедить вас, что ничто не заставит правителей этой страны вернуть захваченное. Только если заставить их вернуть силой или основательно поугатать. Бей все еще не получил фирман, который Ваше Превосходительство вручил Блистательной Порте по поводу освобождения без выкупа всех невольников с острова Сан Пьетро³⁵. Я опасаясь, что этот фирман ждет печальная судьба предыдущих»³⁶.

Прошло несколько месяцев, и полковник Бартге посылает другое донесение от 16 февраля 1803 г. к посланнику России А. Я. Италинскому в Турции, в котором сообщил, что бей Туниса Хамуда-паша отказался выполнять фирмана Османской Порты для возвращения сардинских судов и их имущества. В донесении было написано следующее: «Известно, что издавна Бей Туниса не уступает ничему, кроме золота или принуждения»³⁷.

В 1803 г. произошел другой несчастный случай для российско-го мореходства в Средиземном море. Тунисские корсары захватили одно судно под российским флагом «Мадонна дель Кармине». По донесению голландского консула А. Ниссена в Тунисе от 26 июля 1803 г. к посланнику России в Константинополе о тунисском бее было указано следующее: «Совершенно определено, что он не может и не хочет уступить мне (т. е. консул А. Ниссен — Н. К.) этот трофей. Он будет признавать только те российские суда, которые будут иметь имперский паспорт и фирман Блистательной Порты, относительно которой ему поступит точное распоряжение, также, как и предписание обращаться во всех случаях, касающихся русских, к Генеральному Имперскому Агенту, аккредитованному при нем, пока не будет назначен Консул России в Тунисе»³⁸.

Через месяц поступило другое донесение из Туниса российско-му посланнику в Османской империи. Полковник Бартге утвер-

³⁵ Острова у юго-западных берегов Сардинии, были захвачены тунисскими корсарами в 1798 г. и удерживались ими около 4 лет.

³⁶ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517 (1). 1802. Д. 1529. Л. 3–4.

³⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517 (1). 1803. Д. 1529. Л. 6.

³⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517 (1). 1803. Д. 1530. Л. 3–6.

дил свою позицию в своем новом донесении от 29 августа 1803 г. российскому посланнику А. Я. Италинскому при Высокой Порте. Он призывал Россию принять решительные меры против тунисского пиратства и бея Туниса. Полковник Бартге подчеркнул следующее: «*Ваше Превосходительство еще ничего не сделали, чтобы остановить Бея в его дерзком и наглom заблуждении, что у него есть право никого не уважать и не щадить. Невозмутимо верный этим правилам, он играючи относится ко всем угрозам, которые считает тщетными, не сомневаясь в своей безнаказанности*»³⁹. Автор донесения изложил сострадание членам экипажа и невольным христианам, которые попали в руки пиратов: «*В ожидании решительных действий Вашего Превосходительства экипаж и пассажиры захваченного почтового судна страдают на самых тяжелых работах*»⁴⁰.

Голландский консул А. Ниссен в Тунисе разделял мнение полковника Бартге о необходимости принять решительные действия против северо-африканских корсаров для освобождения российских судов, их экипажей и их пассажиров. В письме от 25 апреля 1804 г. посланнику А. Я. Италинскому консул А. Ниссен написал:

«Принимая во внимание пагубные последствия неповиновения трех Варварийских монархий, в особенности Алжира, с которого берут пример две другие страны, я осмелюсь заметить, что, по моему мнению, в интересах развития навигации великих держав нужно требовать от Высокой Порты решительно обуздать нарушителей безопасности мореходства. Принять действенные и наиболее эффективные меры, чтобы заставить власти этих стран исполнять османские приказы, вместо того, чтобы слать бесконечные фирманы, от выполнения которых здесь благополучно уклоняются».

Важно отметить, что консул А. Ниссен входил в близкое окружение бея Туниса и пользовался его доверием в это время. Он написал в своем донесении от 20 июля 1804 года о правителе регентства и о его политическом курсе следующее:

«Я весьма разочарован, милостивый государь, тем образом действий, который избрали тунисцы в последнее время, он полностью противоречит моим ожиданиям и доброму мнению, которое

³⁹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517 (1). 1803. Д. 1529. Л.8.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517 (1). 1804. Д. 1530. Л.9.

у меня сложилось об этом Регентстве, глава которого является самым просвещенным монархом в Варварии. Для меня было неожиданным, что он по собственной воле избрал для своего окружения людей жадных до грабежа и добычи. И это при том, что в течение 22-х лет (т. е. с 1782 г. — Н. К.), что он правит и что я его знаю, он не испытывал никаких невзгод, и все его прихоти исполнялись».

Дальше консул А. Ниссен продолжает выражать свое возмущение таким образом:

«Мне не терпится узнать о результатах похода, предпринятого его 16-ью лучшими пиратскими судами. В начале этого года (т. е. 1804 г. — Н. К.) он вооружил и снарядил в море корсаров в количестве 50-ти человек. Еще неизвестно, как этот сброд ведет себя в море. Когда они отправлялись в море, им, конечно, были даны соответствующие распоряжения и разумные приказы, но, едва отчалив, эти бездельники все позабыли, что позволяет сделать вывод, что между Беем и его подчиненными существовала молчаливая договоренность. В противном случае можно подумать, что подручные Бея его совсем не уважают и не боятся, чтобы сохранить их на службе у себя, вынужден их поддерживать, иначе бы они никоим образом не смогли заниматься грабежами и разбоем».

Здесь представлено совершенно верное замечание, которое сделал А. Ниссен о существовании определенной связи между политической властью и корсарской деятельностью. И корсары пользовались прямым политическим покровительством со стороны государя Тунисского регентства.

Консул А. Ниссен в своей переписке с посланником России А. Я. Италинским в Турции поддержал критический и откровенный подход по отношению к тунисскому бею Хамуда-паше. Он писал: «Многочисленные доводы мешали мне до сего дня полностью разоблачить Бея, рядом с которым мне приходится находиться. Но сегодня, когда я должен давать объяснения Его Величеству Императору России о причинах ущерба и препятствий его навигации, моя честь и репутация требует от меня быть совершенно откровенным»⁴¹. Голландский консул в Тунисе в своей переписке с российским представителем при Высокой Порте не стал только информировать последнего о событиях, связанных с тунисскими и северо-африканскими корсарами в регионе. Наряду с этим, он стал думать об этих про-

⁴¹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517 (1). 1804. Д. 1530. Л.13.

блемах и стал не стесняясь высказывать свою позицию. Также он предлагал свой подход для решения вопроса пиратства.

В этом контексте консул А. Ниссен написал: *«Результатом такой терпимости по отношению к преступному и позорному пиратству, возмутительной торговле белыми людьми являются продолжающиеся похищения и страдания несчастных, уже попавших в неволю. Конечно, любая военная операция против Варварии потребовала бы от христианского мира больших затрат средств, времени и сил, а результат не очевиден. Не легче придется и Османской Порте, пожелай она обуздать безобразия, творящиеся в регентствах Варварии»*. Далее консул А. Ниссен развил свою мысль и пришел к твердому убеждению: *«Если бы Османская Порта осуществила подобный план, то она бы приобрела новый высокий статус среди европейских держав. Обуздав господство этих разбойников, поборов пиратство, Порта будет уверена в повинности своих провинций и избавлении от постоянных жалоб, которые они навлекали на нее своим самоуправством»*⁴².

Без сомнения, общее политическое положение в конце XVIII в., сложившееся в результате русско-турецкой войны, оказало прямое влияние на развитие российской торговли с средиземноморскими странами, в том числе с Тунисом.

Несмотря на особое положение голландского консула А. Ниссена, который стал посылать периодически с 1799 г. свои письма посланнику России при Высоком Порте, он стал сообщать всю информацию, относящуюся к России на территории Туниса. По данным российских архивных материалов, в 1799 г. два судна под российским флагом посетили Тунисское регентство, в 1800 г. — 8, в 1801 г. — 6, в 1802 г. — их было 19, в 1803 г. — 13, в 1804 г. — их стало 17, в 1805 г. — 53 корабля⁴³.

В это время движение российских судов, заполненных разными русскими товарами, и, в основном, это были сельскохозяйственные товары (зерно, ячмень, мука), довольно часто стало наблюдаться в тунисских портах. Российские товары были предназначены для продажи на тунисском рынке, или для продажи в европейских средиземноморских странах, и в таком случае для российских кораблей тунисские порты были лишь стоянкой по пути к пунктам прибытия. В рамках

⁴² АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517 (1). 1804. Д. 1532. Л. 44–47.

⁴³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517 (1). 1807. Д. 1532. Л. 31–36. Переписка консула А. Ниссена в Тунисе с посланником России в Османской империи Г. А. Строгановым.

такого оживленного процесса торговых отношений между Россией и Тунисом, безусловно, консул А. Ниссен сыграл немалую роль в подготовке наилучших условий для российских судов. Голландский консул принимал в своем консульстве капитанов российских судов и брал у них плату по тем же правилам, которым следовали голландские моряки. Картина выглядит следующим образом: «В соответствии с утвержденными голландскими тарифами, собственник груза должен был заплатить 1% от его стоимости за уведомление о прибытии, 2% за уведомление о выходе в море. За груз, идущий в Европу или из Европы, следовало однократно заплатить 50 тунисских пиастров⁴⁴. Налог в размере 2% взимался за продажу или покупку груза»⁴⁵.

Следует отметить, что после начала войны между Россией и Турцией в 1806 г. произошло сокращение количества российских кораблей, которые вели торговлю с Тунисом регентством: в 1806 г. в Тунис прибыло около 12 судов под российским флагом. Кроме этого, 17 января 1808 г. российский уполномоченный министр в Неаполе А. Я. Италинский послал инструкцию консулу Голландии в Тунисе А. Ниссену, в которой он разъяснял консулу новые условия работы во время русско-турецкой войны. А. Я. Италинский дал следующее указание А. Ниссену: «Обо всем, что будет касаться российских интересов, Вы должны сообщать господину Консулу Антуану Рено Каркасу на Мальту. Он оценит Ваше усердие по этим донесениям. Избегаю подробных наставлений в Ваш адрес. Вы достаточно доказали, что в торговых делах, которые имеют и будут иметь место в Тунисе, обладаете весомым влиянием на Бея и на его Министра Юнеса Бен Юнеса»⁴⁶.

Несмотря на некоторые успехи, которые были достигнуты в торговых связях между Тунисом и Россией в это время, общий торговый объем между ними находился на низком уровне и был далек от первых мест, которые занимали крупные европейские державы, прежде всего, Англия и Франция. И около половины общего торгового оборота Тунисского регентства осуществлялось этими двумя великими державами. Кроме этого, евро-

⁴⁴ Европейцы называли тунисскую денежную единицу «риал тунсий» пиастр. Здесь можно сказать, что один «риал тунсий» был равен 1,40 французским франкам. См.: Лимам Р. Политика Хамуда-паша в Тунисе (1782–1814) / Публикации Тунисского Университета. Тунис, 1980. С. 296 (на арабском языке).

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517 (I). 1807. Д. 1532. Л.31.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517 (I). 1808. Д. 1532. Л.16.

пейские средиземноморские государства занимали более половины объема всех торговых отношений с Тунисом. Несмотря на то, что Тунис входил в состав Османской империи, его внешняя торговая связь с Высокой Портой была незначительна. Что касается торговых отношений Туниса с Россией, то они были очень слабые и находились на низком уровне⁴⁷. Возможно, это объясняется двумя причинами. Во-первых, это большое расстояние, которое отделяет русские земли от Туниса. Вторая причина связана со структурой внешней торговли России и Туниса. Они оба являются значительными экспортерами товаров за границу (зерна, оливкового масла для Туниса и зерна, растительного масла для России). Важно отметить, что в конце XVIII — начале XIX в.в Тунис прибыло больше ста русских судов с грузами зерна, ячменя, муки, вина, растительного масла, угля. В таком же контексте, российский консул А. Ниссен прислал посланнику России в Константинополе список кораблей, которые посетили Тунис под российским флагом, с указанием типа корабля, названия и имя капитана, численности экипажа, даты и пункта прибытия и убытия, а также груза⁴⁸. Безусловно, распространение пиратства в Средиземном море оказывало отрицательное влияние на развитие российской торговли с Тунисом и с северо-африканскими регентствами в целом.

По окончании русско-турецкой войны был подписан Бухарестский мирный договор между двумя государствами в мае 1812 г. Бухарестское мирное соглашение имело большое значение для России. Одна из статей Бухарестского мирного договора *«гарантировала России удовлетворение за убытки, причиненные поданным и купцам российского императорского двора корсарами пиратств алжирского, тунисского и триполийского, а также рассмотрение всех жалоб, связанных с торговлей»*⁴⁹. Кроме того, мир-

⁴⁷ В 1816 г. участие иностранных государств в тунисской торговле было: Англия — 25,3%, Франция — 22,5%, Сардиния — 19,6%, Испания — 10,8%, Австрия — 2%, Османская империя — 6,49%, Россия — 0,02% (всего на сумму 1 700 франков). См.: *Bardin P. Algériens et Tunisiens dans l'Empire Ottoman de 1848 à 1914. Paris, 1979. P.206.*

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517 (I). 1818. Д. 1532. Л. 31–36. По данным русского архива, в период с 1799 по 1818 прибыло 137 русских судов. Русский консул А. Ниссен в 1818 г. составил список кораблей, которые посетили Тунис. Вот некоторые примеры: магона «Динати», ноябрь–декабрь 1799 г., бригантина «Питагоро», 1804 г., полака «Новгород», сентябрь–октябрь 1805 г., полака «Граф Орлов», март 1818 г..

⁴⁹ *Мусатова Т. А. Россия-Марокко: далекое и близкое прошлое. С.31–32.*

ный договор был заключен за месяц до начала нападения армий Наполеона на Россию. Мирный договор с Турцией позволил русской армии сосредоточить все силы для сопротивления и борьбы против агрессии Наполеона. Таким образом началась отечественная война 1812 г. в России. После освобождения России от французской армии, русские военные силы продолжали свой победоносный поход для освобождения Европы от господства Наполеона. 31 марта 1814 г. пал Париж. Наполеон был сослан на остров Эльба в Средиземном море, и французский престол занял Людовик XVIII Бурбон⁵⁰. Это историческое событие не осталось без внимания со стороны представителя российских интересов в Тунисе А. Ниссена. Последний в своем донесении от 13 июня 1814 г. к посланнику России А. Я. Н. Италинскому в Турции написал следующее: *«Воспользуюсь этим случаем, чтобы сказать, что я разделяю радость Вашего Превосходительства по поводу памятных и счастливых событий, которые способствуют укреплению стабильности в мире, и еще раз предложить мои услуги, которые могут быть полезны Императорскому двору России»*⁵¹.

Известно, что с начала XIX в. деятельность северо-африканских корсаров стала представлять постоянную угрозу российской морской торговле на Средиземном море. Поскольку Россия не добилась защиты своего торгового флота от пиратов дипломатическим путем, она была вынуждена искать решительных мер для поддержания своих интересов в Средиземноморском бассейне. Прежде всего, Россия неоднократно пыталась противостоять действиям северо-африканских корсаров на Средиземном море самостоятельно⁵². Россия также пыталась координировать все действия в рамках международной инициативы для борьбы с пиратством, которые проявились впервые во время Венского конгресса в 1815 г. Одно из его решений — отмена пиратства варварийских государств и освобождение белых рабов-европейцев⁵³. Между тем, российское правитель-

⁵⁰ Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. История России. М., 2009. С. 201–215; Marie-Pierre Rey. 1814 un Tsar à Paris. Paris, 2014.

⁵¹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517 (1). 1814. Д., 1531. Л. 9.

⁵² De Maureau. Les premiers Russes en Méditerranée (1770–1807). Les corsaires moscovites // Revue de la Défense Nationale. Paris, 1947, mois d'avril.

⁵³ Charles-Roux F. France et Afrique du Nord avant 1830. Les précurseurs de la conquête. Paris, 1930. P.504; Larguèche Dalenda. Territoire sans frontières. La contrebande et ses réseaux dans la régence de Tunis au XIXe siècle. Tunis, 2001. P. 27–28.

ство приняло решение, информируя Великобританию дважды двумя донесениями 4 и 16 марта 1816 г., в которых Россия проявила сильную волю, гарантировав все условия для безопасности своего торгового флота на Средиземном море⁵⁴.

Россия рассчитывала на прямое вмешательство со стороны Священного союза, чтобы установить безопасность мореходства и европейской навигации, и она предполагает два способа для достижения таких целей: поставить безопасность навигации под гарантию Англии или передать задачу для «насификации» Средиземного моря при помощи общей военной силы европейских держав⁵⁵. Что касается российской дипломатии, то она не скрывала свои предпочтения первого варианта для решения данного вопроса. Историческая тенденция была на стороне российского политического курса. Для осуществления политического выбора европейских наций комендант морских британских сил на Средиземном море Лорд Эксмаут был назначен руководителем для проведения кампании, чтобы наказать варварийские государства в 1816 г. Бей Туниса и Триполи заявили свои согласия на требования Эксмаута, и они выдали христианских пленных. Они также дали обещание запретить пиратство на своих территориях. Напротив, алжирский бей ответил отказом соблюдать условия великих держав. Затем, в результате бомбардировки г. Алжира, он был вынужден подписать договор о запрете пиратства и уничтожения рабства христиан в регентстве Алжира⁵⁶.

Двумя годами позже, 30 сентября 1818 г., на конгрессе Аис ла Шапел (Aix la Chapelle) было высказано европейское решение положить конец пиратству в Северной Африке. В результате этого на конгрессе было принято одно важное постановление прекратить радикальным образом деятельность корсаров в трёх регентствах: Алжир, Тунис и Триполитании⁵⁷. Российский интерес к навигации на Средиземном море продолжил развитие в последующие двадцатые годы XIX в. Позже российские дипломаты заявляли неоднократно, что одной из причин их поддержки французского колониального проекта в Алжире было желание помочь Франции

⁵⁴ *Khélifa Chater. Dépendance et mutations précoloniales. La régence de Tunis de 1815–1857. Tunis, 1984. P. 241.*

⁵⁵ *Ibid. P. 240–242.*

⁵⁶ *Ibid. P. 243–258; Мусатова Т. А. Россия-Марокко: далекое и близкое прошлое. М., 1990. С.32.*

⁵⁷ *Plantet E. Correspondance des Deys d'Alger avec la cour de France (1579–1833). Paris, 1889. T. 2. P. 542–545.*

в усилиях по ликвидации северо-африканского пиратства и установлению благоприятных условий для развития европейской торговли на Средиземном море⁵⁸. В результате решительные меры, которые приняли великие европейские державы против африканского пиратства, нанесли сильные удары по позиции корсаров в бассейне Средиземного моря.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце работы мы пришли к некоторым выводам и хотим подчеркнуть следующие положения.

Важно отметить, что Россия при правлении императрицы Екатерины II продолжала свое развитие по следам реформаторской деятельности, начатой императором Петром Первым (1682–1725 гг.), чтобы перестроить Россию и укрепить её статус как одной из мировых держав в Европе и в мире. И без её участия невозможно было решить какие-либо международные дела в XVIII в. В таком духе, при подготовке морской экспедиции на восток в царствование Екатерины II 1786–1787 гг., в инструкции российской императрицы о подготовке необходимых условий для экспедиции указывалось следующее:

«Граф Иван Григорьевич! (т.е. Чернышев — Н. К.), прочитав бумаги, представленные от вас касательно отправления из Балтийского моря в Восточное судов, Мы нашли распоряжения Адмиралтейской Коллегии, к исполнению того производимые, основательными и Нашу апробацию заслуживающими», и дальше: «Сверх запасения судов некоторыми вещами для подарков диким, взять также на опыт для заведения торгу как с ними, равно с Японцами и Китайцами, часть хотя небольшую товаров, таких наипаче, к которым обитатели тамошние, по описаниям прежних мореплавателей почитаются склонными»⁵⁹.

Несмотря на то, что русско-турецкая война в 1787 г. заставила российское правительство отказаться от экспедиции, но такие

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия Министра. Оп. 470. 1829. Д. 200. Л.80. Письмо министра иностранных дел России Нессельроде к послу в Париже от 30 октября 1829 года.

⁵⁹ Россия и Африка: документы и материалы XVIII в. — 1917 г. / Отв. ред. Р. Р. Вяткина, А. Б. Давидсон М., 1999. Т. 1, С. 15–16. См.: Инструкция Екатерины II графу И. Г. Чернышеву о подготовке кораблей (1787)

планы не были отменены полностью. Они были лишь перенесены на другое время. Известно, что главные направления во внешней политике России в конце XVIII — начале XIX в. сосредоточились на Дальнем Востоке и азиатском континенте, на Северном море, на Балканском полуострове, на Черном море и его проливах, на Ближнем Востоке⁶⁰. Для регентства Туниса важные направления во внешней торговле развивались совместно с западными европейскими странами, прежде всего с Францией и Англией, и со средиземноморскими странами. Также Тунис сумел наладить крепкую торговую связь с Османской империей и её владениями в Северной Африке и на Арабском Востоке.

Тунисское регентство при правлении бея Хамуда-паши проводило активную внешнюю политику *«для освобождения страны от всякого внешнего господства, и включить Тунис в состав суверенных государств. Для достижения таких целей бей Туниса определил два способа: путь борьбы и войны и путь для развития дружбы с зарубежными государствами»*⁶¹.

Очевидно, что Тунисское регентство и Российская империя имели разные национальные интересы и большие культурные и религиозные расхождения, которые существовали между ними. Также нельзя не принимать во внимание большое расстояние, которое отделяло их территории. И, наконец, они проводили разные внешние стратегические политические курсы. Каждый из них был вне стратегического направления другого. Но эти расхождения между Тунисом и Россией в то время не служили препятствием для появления различных контактов в политических, консульских и в торговых областях. Правда, Тунисское регентство и Российская империя не считали необходимым установить свои консульства на территории друг друга. Тем не менее, они пытались решить свои проблемы при помощи иностранных консулов. Так можно охарактеризовать отношения России с Тунисом. В Министерстве иностранных дел России поступила первая переписка от голландского консула в Тунисе А. Ниссена в 1780 г. Но российская дипломатия сделала свой выбор на шведском консуле в Тунисе, чтобы защитить российские интересы в регентстве на первом этапе. Далее, в последний год XVIII века, российский посланник

⁶⁰ Зидане Н. Роль России на Ближнем Востоке и в Северной Африке с Петра Первого до Владимира Путина. Бейрут, 2013. С.38–50 (на арабском языке).

⁶¹ Лимам Р. Политика Хамуда Паша в Тунисе (1782-1814). С. 282–287, 343–345.

в Константинополе попросил голландского посланника в Турции поручить голландскому консулу в Тунисе А. Ниссену оказать помощь подданным России в регентстве и, в частности, российским торговым судам, посетившим Тунис.

Важно сказать, что тунисско-российские торговые отношения были очень незначительными, меньше, чем 1% в торговом обороте регентства Туниса того времени. Тунисские порты служили для российских коммерческих судов на Средиземном море больше всего транзитными пунктами. Вопрос, который сильно волновал Российскую империю, — это проблема нападения тунисских пиратов на российские суда в Средиземном бассейне. Россия пыталась вначале противостоять северо-африканскому пиратству и заключить мирные договоры с северо-африканскими регентствами (Триполитания, Тунис, Алжир), но ей не удалось достичь положительных результатов. Она также пыталась осудить деятельность морских пиратов в рамках некоторых двусторонних трактатов с Высокой Портой, но не добилась успехов. Поэтому у России не осталось другого выбора, кроме координации своей деятельности в рамках общих международных усилий, чтобы противостоять пиратству в Средиземном море. Россия поняла, что только принятие мировых политических решений может положить конец или ослабить действие тунисских и северо-африканских корсаров в регионе.

Было ясно, что тунисско-российские отношения в конце XVIII — начале XIX в. были тесно связаны с мировым политическим положением того времени. В связи с этим контакты между Тунисом и Россией перешли от двухсторонних и прямых отношений между ними к трёхсторонним отношениям, включая в себя Тунисское регентство, Российскую империю и Османскую империю. Несмотря на их усилия, они не смогли достичь положительных результатов для решения спорных проблем, связанных с нападением тунисских пиратов на российские корабли. Такое тупиковое положение заставило Россию пересмотреть свою позицию к вопросу пиратства. Таким образом, она приняла новый подход к данному вопросу. С точки зрения российской дипломатии, было необходимо координировать усилия всех великих держав для ликвидации северо-африканского пиратства. Поэтому пиратство стало одним из главных вопросов международного конгресса в Вене в 1815 г., на котором были приняты решительные меры против пиратов и их покровителей. Осуществление этой задачи было поручено Великобритании. При помощи дипломатии и силы оружия

великие европейские державы достигли больших успехов в борьбе против пиратства на Средиземном море.

Правда, тунисско-русские отношения в это время входили в общий контекст политических и юридических договоров, которые усилили российско-османские связи. И, в частности, Высокая Порта настаивала на восприятии тунисско-русских отношений в таком русле. Они оба разделяли такую позицию о необходимости уважения влияния Османской империи в Северной Африке и в Тунисе. С другой стороны, тунисский правитель Хамуда-паша, несмотря на его заявление о вхождении Туниса в состав Османской империи, направил свою внешнюю политику на освобождение Туниса от иностранного давления и угрозы со стороны Высокой Порты и правителя Алжира и превращение Туниса в «развитое и суверенное государство»⁶². Вне всякого сомнения, тунисский бей Хамуда-паша принимал крупные решения для преобразования страны во всех областях, и другие тунисские реформаторы продолжали его дело в течение XIX в.

Важно отметить, что первые шаги тунисско-русских связей проходили во время правления императрицы Екатерины II в России и Хамуда-паши в Тунисе. Они были правителями в разных пространствах, в разных культурных сообществах, но в какой-то степени они были близки. Один завершал то, что начинал делать другой. Без сомнения, они были высокообразованными людьми, стояли во главе движения модернизации и просвещения в своих государствах. Они являлись необычными двумя историческими фигурами, их объединяли, прежде всего, любовь к своим подданным и к своей родине. Возможно, в этом заключается суть их человеческой судьбы. В конце работы мы хотим лишь вспомнить слова русского историка Н. М. Карамзина: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего».

⁶² Там же. С. 429–430.

О. Р. Айрапетов

В. В. ПОЛИКАРПОВ.
РУССКАЯ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ
ПОЛИТИКА. 1914–1917.
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ
И ЧАСТНЫЕ ИНТЕРЕСЫ. М., 2015

Обстоятельства сложились таким образом, что мне приходится уже во второй раз писать рецензию на работу видного специалиста по истории русской промышленности д.и.н. В. В. Поликарпова. Первая была опубликована в 2009 году¹, и, судя по рецензируемому ныне тексту, она не осталась незамеченной. Новая работа Поликарпова во многом продолжает линию, намеченную сборником статей 2008 года, включая сюда сильные и слабые стороны этой линии. Книга и ее сильные стороны, а равно и недостатки, в 2016 году были весьма глубоко проанализированы в рецензии д.и.н. М. Ю. Мухина².

Безусловно присоединяюсь к тем высоким положительным оценкам, которые были даны в этой рецензии. В. В. Поликарпов действительно давно занимается проблемами военной промышленности начала XX века, его интерес к ним никоим образом не вызван столетием 1914 года³, которое дало нам немало замеча-

¹ Айрапетов О. Р. [Рец. на:] В. В. Поликарпов. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008 // Русский Сборник. Т. VI. М., 2009. С. 299–309.

² Мухин М. [Ю.] [Рец. на:] Поликарпов В. В. Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М., 2015. 383 с. // Отечественная история. 2016. № 6. С. 185–189.

³ Там же. С.185.

тельных по оригинальности работ. Будучи известным специалистом по истории советской авиационной промышленности, рецензент сумел последовательно проанализировать позиции автора рецензируемой монографии. Мухин внимательно и детально рассмотрел видение автором предмета исследования и верно, как мне кажется, отметил явное отсутствие формулировки предмета исследования, а именно военно-промышленной политики⁴. Последний недостаток автор компенсирует хлесткими формулировками, которые были присущи и другим его текстам. Прежде всего — это склонность к бескомпромиссности идеологического характера, которая проявляется в оценках и подходах к политическим и научным визави.

Странное сочетание задора новопрочтенцев-ленинцев 1960-х годов и современных адептов Солженицына приводит к тому, что от первых автор монографии унаследовал революционное неприятие Российской империи, а от вторых — антисоветизм. Очевидные противоречия позиций Ленина и Солженицына были им успешно преодолены. Вообще-то я никогда не был сторонником политизации истории и внесения в историческую дискуссию эмоциональности, свойственной неопитам революции, что уже и отметил в первой рецензии.

Мне уже приходилось обращать на внимание на странный обличительный пафос В. В. Поликарпова в моей первой рецензии на сборник его статей. Тогда, устав от постоянных обвинений противников концепций автора в мыслимых и немыслимых грехах, я решил пошутить: «Не исключено, что за факты, которые я сейчас вновь приведу, я буду подвергнут критике, как черносотенец и сторонник “псевдопатриотического приукрашивания монархически-имперского дореволюционного государства”, но все же...»⁵ Юмор был оценен в весьма своеобразном стиле на стр. 283: «доверчивость исследователя к источнику делает избыточно патетическим его заявление о готовности патриотически пострадать за правду: пусть-де “за факты, которые я сейчас вновь приведу, — пишет О. Р. Айрапетов, — я буду подвергнут критике как черносотенец и сторонник “псевдопатриотического приукрашивания монархически-имперского дореволюционного го-

⁴ Там же. С.186.

⁵ *Айрапетов О. Р.* [Рец. на:] В. В. Поликарпов. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. С.303.

сударства”» Интересно, что при этом Поликарпов не указывает в ссылке № 1 к этой цитате, что она взята им из моей рецензии на его работу: Русский сборник. Исследования по истории России. Т. VI. М., 2009. С. 303.

Моя книга «Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907–1917» (М., 2003) вызвала политический гнев В. В. Поликарпова. Но что-то хорошее в моей книге, наверное, все же было. Вслед за разоблачением моей готовности патриотически пострадать за правду у Поликарпова следует: «К сожалению, автор не указывает, откуда взяты сведения о том, что Путиловскому заводу доставалось по 9 тысяч рублей за пушку. В используемом им обычно источнике данных о Путиловском заводе — в истории завода — этого нет». Мне непонятно, почему работа М. И. Мительмана, Б. Д. Глебова и А. И. Ульяновского о Путиловском заводе названа источником, но это не меняет сути дела. В книге «Генералы, либералы и предприниматели» ссылки на такую цену действительно нет⁶. Нет ее и в упоминаемой выше работе Мительмана и его соавторов. Зато она есть в классической работе А. А. Маниковского, где указаны цены за трехдюймовку: цена Путиловского завода — 9 тыс. руб. (на 25 июля 1915 г.), Царицынская группа — 10 600 руб. за пушку., а ЦВПК предлагал за 12 000 руб. за пушку⁷. При этом казенные Петроградский и Пермский, как я и воспроизвел в «Генералах и либералах», поставляли за 5 тыс. и 6 тыс. руб. за пушку. Цены ЦВПК, таким образом, на 2 тыс. рублей превосходили высшую цену на пушку⁸.

Что до Царицынской группы — 5 самых мощных заводов — то в июле 1915 года они получили заказ на 2 500 3-дюймовых орудий с конечным сроком исполнения заказа в августе 1917 года. К июлю 1916 года производство должно было выйти на уровень 150 орудий в месяц, но в 1916 году сдали 0 (ноль) орудий, первые пушки подали в апреле 1917 — 6 штук, а декабрю 1917 подали всего 800 орудий.⁹ Не буду называть работу Маниковского источником, но В. В. Поликарпов очень активно использует ее. Неужели он не заметил этих данных? Интересно, что и здесь, и далее, когда автор рассуждает

⁶ Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели. Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003. С. 107.

⁷ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. Ч. 3. М., 1923. С. 162.

⁸ Там же. С. 161.

⁹ Там же. С. 160.

о причинах секвестра Путиловского завода, автор решительно ничего не говорит о главном — о срыве заводом поставок 6-дюймовых бомб, а ведь это главное, о чем говорится в том отрывке рецензии, из которой в глаза ему бросился лишь мой псевдопатриотический пафос (или просто — патриотический, в зависимости от того, оценивается он с солженицынских или ленинских позиций)¹⁰.

Жаль, что д.и.н. Поликарпов, очевидно, по привычке, не может обойтись без борьбы с черносотенцами и адептами самодержавия и советской власти, а идеологическая борьба такого рода, как известно, не требует доказательств и внимания к нюансам. Идеологический характер советской историографии вообще и ее отношения к проблеме развитости (не-развитости, средне-развитости, средне-слабо-развитости) промышленности дореволюционной России, в частности, не вызывает у меня ни малейшего сомнения, но стоит ли заменять одну идеологическую формулу другой? Идеологии в оценках, звучащих в рецензируемой работе, — сколько угодно. Полностью согласен с М. Ю. Мухиным в следующем утверждении: «Конечно, каждый имеет право на свою политическую позицию и её свободное изложение, однако научная работа — место для этого вряд ли подходящее»¹¹.

Идеологически мотивированным представляется мне, например, объяснение публикаций в России работ Б. Такман и А. И. Яковлева исключительно успехом книг Солженицына (с. 8), отмечу при этом декларативность критики книги Нормана Стоуна «Восточный фронт», значимость которой для западной историографии не подлежит сомнению (с. 9). Впрочем, некоторым авторам, очевидно, повезло вызвать особую неприязнь Поликарпова. Норман Стоун, к разным работам которого у меня лично весьма неоднозначное отношение¹², явно из их числа. Некоторые обороты речи Поликарпова о Стоуне иногда вызывают изумление — на стр. 24 автор монографии просто-запросто называет своего идеологического неприятеля «старинной Стоуном». Что бы это значило — остается только гадать.

¹⁰ Айрапетов О. Р. [Рец. на:] В. В. Поликарпов. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. С. 303–304.

¹¹ Мухин М. [Ю.] [Рец. на:] Поликарпов В. В. Русская военно-промышленная политика. С. 187.

¹² См.: О. Р. Айрапетов. Ну очень краткая история... N. Stone. World War One. A Short History. Penguin Group. 2007 // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XI. М., 2012.

Неясным остается и то, о чем, собственно, идет иногда речь в книге, кроме того, что она гневно осуждает тех историков, которые, не поняв мысли К. Ф. Шаццлло, узрели в политике России некие государственные интересы: «Многие авторы, писал он, «вольно или невольно считавшие себя последовательными марксистами... превращались в заурядных великодержавников, апологетов милитаризма», отстаивая задним числом претензии властителей империи на «место в «европейском концерте»» — претензии, несоизмеримые военно-экономическим возможностям страны, при губительных для ее развития последствиях. Ввязываясь в войну, режим Николая II ставил перед собой невыполнимые задачи, противоречившие «нуждам и состоянию России». В своем анализе военно-экономической политики Шаццлло проводил различие между «общегосударственными» интересами сточки зрения «правлящей бюрократической клики» и насущными интересами большинства народа» (с. 20).

В этом отрывке поражает многое — и обвинительный стиль, и обилие кавычек, и странные утверждения. Поражает утверждение, что Николай II «ввязался в войну». Очевидно, по мнению Шаццлло и Поликарпова, только апологет милитаризма или недостаточно последовательный марксист может утверждать, что Германия и Австро-Венгрия объявили войну России, а Турция при начале военных действий обошлась без этой формальности. Ну и само собой разумеется, что разоблачение мыслепреступных попыток анализа политики России с точки зрения ее интересов (если таковые вообще могут существовать, с. 21) являются игнорированием насущных интересов большинства народа, проанализированных уважаемым д. и. н. К. Ф. Шаццлло. В упоминаемом сборнике статей Поликарпов по вопросу войны и мира более всего солидаризировался с утверждением С. Фуллера о том, что в 1914 году не было для России той цены за мир, которая была бы чрезмерной. В первой моей рецензии на этот сборник статей мне уже приходилось высказать свои сомнения, и я до сих пор не знаю: можно ли найти в истории пример государства, решившегося спастись ценой собственного уничтожения. А в том, что революция при щедрой готовности пойти на самые нечрезмерные меры была неизбежной в 1914 году, сомневаться не приходилось¹³.

¹³ Айранетов О. Р. [Рец. на:] В. В. Поликарпов. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. С. 302.

Разумеется, определявшая политику Российской империи «каста», смотревшая на мир, по мнению автора, исключительно сквозь призму «вульгарных личных доходов», эти интересы не понимала, так как была не только некомпетентна, но еще и руководствовалась «в своих действиях не интересами России, а собственными корыстными интересами» (с. 36). Этот рецидив языка М. Н. Покровского был отмечен и в рецензии Мухина, обратившего внимание и на странные заявления относительно начала Первой мировой войны¹⁴, и на гневные оценки дореволюционной «правлящей клики»: «Подобные рассуждения должны, вероятно, навести на мысль, что европейские державы создавали свои вооруженные силы исходя из национальных интересов, а царская Россия — исключительно из административного восторга»¹⁵. К сожалению, автор решительно отказывает государству, политика которого, казалось бы, является предметом исследования, в праве на такую политику.

Будем объективны — автор достаточно последователен и все, кто имеет несчастье вызвать интерес в его бдительной борьбе с «кликлой» и «административным восторгом», немедленно получают политические клейма, столь действенно действовавшие в осуждаемом им же политизированном советском прошлом. С сожалением вспоминая об ушедшей оттепели, принесшей свободу мысли (очевидно в одном, отдельно взятом направлении), Поликарпов обвиняет В. А. Никонова в полицейском мышлении на том простом основании, что тот считает, что часть элиты готовила революцию: «Для полицейского ума наиболее привычно убеждение, что беспорядков просто так не бывает, должен быть «элитарный зачинщик», побуждающий массы к революционным действиям» (с. 21). Показательны и другие утверждения автора, например: «Перешагнуть порог (победы. — А. О.) помешали происки то ли масонской, то ли еврейской, то ли просто купленной («проплаченной» у одних авторов немцами, а у других одновременно и англичанами) агентуры, прикрывавшейся либеральной оппозицией и революционерами» (с. 22).

Представляется, что в научной работе подобного рода тезисы неплохо бы подтвердить цитатами из сочинений авторов, а не до-

¹⁴ Мухин М. [Ю.] [Рец. на:] Поликарпов В. В. Русская военно-промышленная политика. С. 186.

¹⁵ Там же. С. 187.

мыслями за В. А. Никонова и Б. Н. Миронова. Следует отметить, что такого рода прием — не единственный в рецензируемой работе. На стр. 23 вслед за привычными уже обвинениями Н. Стоуна, Б. Н. Миронова, В. Н. Виноградова и Ю. С. Пивоварова вместе с упоминанием их работ следует и ссылка на мою книгу (ссылка № 3¹⁶). Но на указанной странице этой книги нет решительно ничего, связанного с цитатами и информацией, за которыми следует эта ссылка. Представляется, что Поликарпову, призывающему к точности и научной порядочности, **следует следовать** этим принципам самому. Подобные приемы просто удивительны, и, наоборот, если есть что-то хорошее в изменениях, произошедших в последние десятилетия в любезном Отечестве нашем, так это то, что подобного рода обвинения и призывы уже не подразумевают, как раньше, административных последствий и оргвыводов.

Не буду судить о том, какой административный восторг испытывали в явно лишенных признака клик правящих кругах монархий Габсбургов и Гогенцоллернов, но почему-то наши западные коллеги без обвинений в пристрастии к полицейским приемам спокойно пишут о политическом масонстве. Например, в 1904 году во Франции, где грандиозным скандалом закончилась попытка генерала Луи Андре провести чистки армии через местные масонские организации от тех офицеров, кто обвинялся в приверженности (и даже принадлежности!) к церкви и консервативным убеждениям (как правило, это были представители дворянских фамилий)¹⁷. Кстати, эти тенденции и скандалы в политике Французской республики не прошли незамеченными и в органах русской дореволюционной печати, военной и либеральной¹⁸. Наверное, знание этих фактов по отечественным источникам является проявлением полицейского мышления, а по американской исторической работе — проявлением *crime think*. Кто знает?

Что касается Великобритании — то её конституционная монархия явно обеспечивала связь правящих кругов и с народом и его интересами. Особенно на войне. Главнокомандующий Британскими экспедиционными силами во Франции ген. Дуглас Хейг был обеспечен даже связью с высшими силами. И не только поли-

¹⁶ Айранетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 212.

¹⁷ *Tanenbaum J. K. General Maurice Sarrail, 1856–1929. The French Army and the left-wing politics. The University of North Carolina Press, 1974. P. 9, 22–23.*

¹⁸ Разведчик. 1899. № 453. С. 537–538; Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1904. № 12. С. 819–820.

тическими, через семейные связи со Двором. Его сестра Генриетта накануне наступления на Сомме сообщила ему, что их умерший брат Джордж явился к ней через медиума и сообщил, что Бог разрешил Наполеону советовать генералу¹⁹. А к кому мог обратиться Главнокомандующий, если, по признанию Ллойд-Джорджа, недолюбливавшего Хейга Девида, «..для солдата обратиться к какому-либо гражданскому судилищу, подвергая сомнению стратегический план или компетентность своих начальников, является само по себе таким прегрешением против профессиональной этики, которое делает его отщепенцем»²⁰. Впрочем, примеров такого рода слишком много, вернемся к рецензируемой книге.

Последовательное отсутствие принципа сравнения в рецензируемом исследовании порой просто удивляет. Годы после русско-японской войны и опыт этой войны для мобилизации промышленности на нужды обороны даны автором обзорно, и фактический разговор о проблеме, которая заявлена в названии книги и в принципе не определена в постановочной части, начинается с 1912 года. Совершенно не ясно, какие проблемы возникали со снабжением русской армии в довоенный период (хотя бы с начала XX века) и как подобного рода проблемы решались в других воевавших странах. А ведь перед войной проблемы в отношениях с частным капиталом были настолько велики, что нашли свое отражение и в переписке военных чинов, и в стенограммах Государственной Думы, и во всеподданнейших отчетах государственного контролера.

Вместе с ростом военного бюджета синдикаты «Продуколь» и «Продамет» взвинчивали цены на уголь и металл, срывали сроки их поставки, поставляли продукцию, качество которой не удовлетворяло, по словам представителей Военного министерства, «повышенным требованиям современной техники»²¹. До 1909 года по действующим контрактам в Киевском окружном арсенале цены по контрактам на сортовое железо и на поделочную сталь равнялись 1,4 и 1,6 рубля за пуд. Но в этом году произошел перелом — «Продамет» включил в свой ассортимент эти товары и на первых же торгах они подорожали до 1,92 рубля за пуд. С 1908 года они только увеличивались. С 1908 по 1911 г. рост цен

¹⁹ *Sebag-Montefiore H. Somme. Into the breach. Penguin. Random House. UK, 2016. P. 27–28.*

²⁰ Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. Т. 3. М., 1935. С.260.

²¹ АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 7/1. Д. 371. Л. 3 об.

составил: на железо сортовое — на 90% (с 1,4 до 2,65 руб.); на железо угловое — на 66% (с 1,4 до 2,33 руб.); железо листовое — на 15% (с 2,13 до 2,45 руб.); на сталь подделочную — на 47% (с 1,6 до 2,35 руб.)²².

«Указанному выше возрастанию цен на железо Хозяйственный Комитет, — отмечалось в журнале данного комитета Киевского арсенала от 26 сентября (9 октября) 1911 года, — не видит пределов и не имеет в распоряжении средств воздействовать на Общество («Продамет») в целях снижения цен».²³ Эти ожидания оправдались. С 1910 года резко возросли и цены на топливо, при том, что добыча их постоянно увеличивалась. Так, например, с 1910 по 1913 годы добыча каменного угля выросла почти на 50%, с 1,552 до 2,214 млн пудов. Добыча нефти не увеличивалась, но и не сокращалась²⁴. Тем не менее, если в 1910 году пуд рядового паровичного угля стоил 8,5 коп., то в 1913 г. — уже 12,5 коп., а в июне 1914 г. — 13,5 коп. Те же показатели по литейному коксу составили 15,6 коп. (1910 г.), 29,7 коп. (1913), 24 коп. (июнь 1914 г.), а по сырой нефти в Баку — 15,4 коп. (1910 г.), 42,7 коп. (1913 г.), 45,1 коп. (июнь 1914 г.). С 1910 по 1913 год цена на уголь увеличилась в 1,47 раза, на кокс в 1,9 раза и на нефть в 2,77 раза. При этом цены на нефть и уголь росли интенсивнее, чем в предшествующие годы, что было результатом спекулятивной политики «Продугля», «Нобель-Мазута», «Шелл» и др.²⁵

Не отставали от них и металлурги. В 1912 году «Продамет» сумел даже оказать влияние на руководство Коломенского завода, в результате которого оно вынуждено было отказаться от контракта на поставку высококачественной стали на нужды флота. Синдикат нуждался в этом контракте сам и на своих условиях²⁶. В 1913 году цены угловое и листовое железо выросли до 2,95 и 2,94 руб. за пуд, на подделочную сталь — до 2,65 руб. за пуд. Несколько понизились лишь цены на сортовое железо — до 2,6 руб.

²² АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 7/1. Д. 371. Л. 24.

²³ Там же. Л. 24.об.

²⁴ *Погребинский А. П.* Государственно-монополистический капитализм в России. М., 1959. С.27.

²⁵ *Сидоров А. А.* Экономическое положение России в годы Первой Мировой войны. М., 1973. С.503.

²⁶ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1912 год. СПб., 1913. С. 76.

за пуд²⁷. В марте 1914 года Хозяйственный Комитет Петербургского Арсенала отмечал — увеличение объема военных заказов провоцировало рост количества синдикатов, в них начали сливаться не только производители стали, железа, кожи, угля, кокса, но даже дров. Менее чем за год до этого на ту же закономерность обращал внимание и соответственный комитет Шосткенского порохового завода — за последние годы цены на лесные материалы повысились более чем на 40%, а на дрова — до 75%. Этому было только одно объяснение — сговор «между лесопромышленниками».²⁸ Завод в этом году заканчивал модернизацию, которая позволила увеличить дневное производство пороха с 240 до 360 пудов пороха.²⁹ Строительство казенных заводов дорожало. На Самарский завод взрывчатых веществ к концу 1910 г. потребовались не запланированные 1,6 млн руб., а 2 млн³⁰. К завершению строительства в 1912 г. цена выросла до 4,2 млн руб.³¹

Кроме того, синдикаты систематически уклонялись от принятия формальных обязательств при заключении контрактов, и в результате казенные заводы не имели гарантий точного и своевременного исполнения заказов. Бывали и случаи отказа частных заводов от производства железа и стали по нормам, предъявляемым арсеналами, при этом частные заводы на этапе предварительной борьбы за заказ были достаточно активны³². «Огромное предложение, — заявил в Думе 7 (20) мая 1912 года ген. Н. А. Данилов, — имело следствием конкуренцию, но эта конкуренция выдвигала зачастую несолидные предложения; зачастую заявлялись заводчиками такие сроки, которые не оправдывались заводом»³³. Жалобы руководителей казенных военных заводов и арсеналов на синдикаты были нескончаемыми. «... Начальник завода, — отмечалось в журнале Хозяйственного Комитета Шосткенского порохового завода от 18 (31) августа

²⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 7/1. Д. 371. Л. 30.

²⁸ Там же. Л. 10, 13.

²⁹ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1913 год. СПб., 1914. С. 37.

³⁰ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1910 год. СПб., 1911. С. 64–65.

³¹ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1912 год. СПб., 1913. С. 45–46.

³² АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 7/1. Д. 371. Л. 4 об., 27, 27 об.

³³ Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Ч. 4. СПб., 1912. С. 744.

1913 г., — предложил Комитету переобсудить вопрос о борьбе с синдикатами, приняв во внимание тот материал, который совершенно ясно указывает, что синдикат, стачка и стговор приносят казне громадный убыток»³⁴.

Подобного рода мелочи явно ускользают из сферы внимания уважаемого доктора Поликарпова. Возможно, в результате такого подхода и возникает, например, утверждение, что «... самодержавие в годы войны отбросило последние «буржуазные» предрассудки и энергично пользовалось благоприятной обстановкой для присвоения военных предприятий путем экспроприаций» (с. 6). На мой взгляд, оно не выглядит убедительно. В ходе войны было реквизировано 28 предприятий из более 5200, работавших на оборону. Одним из них был Путиловский завод. Как верно отмечает один из американских исследователей русской военной экономики 1914–1917 гг., эта мера была скорее исключением, чем правилом³⁵. Исключительными были и обстоятельства, вызывавшие подобные действия правительства. Это подтверждает пример Путиловского завода, который после перехода в военное управление в 1916 году резко увеличил производство, — если, конечно, не игнорировать причины «Путиловской истории» с заказом на 6-дюймовые бомбы, что автор рецензируемой книги делает весьма удачно. Гораздо удобнее утверждение вроде такого: «Действительно, российская индустрия получила от военных ведомств столько заказов, что оказалась не в состоянии покрыть их запросы» (с. 14). Оно решительно позволяет избегать обсуждения проблемы *борьбы* российской частной индустрии за заказы, которые она потом не могла выполнить.

Между тем, опыт проблем с разного рода военными заказами перед 1914 годом у правительства был. Еще в ходе русско-японской войны Путиловский завод взял большое количество военных заказов, которые не смог выполнить в срок, несмотря на требования правительства³⁶. Справедливости ради следует отметить, что срывы поставок позволяли себе и казенные заводы. Мобилизацию военной промышленности в 1904–1905 гг. трудно было назвать

³⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 7/1. Д. 371. Л. 12.

³⁵ Grant J. A. Big business in Russia. The Putilov Company in Late Imperial Russia 1868–1917. University of Pittsburgh Press, 1999. P. 116.

³⁶ Мительман М. [И.], Глебов Б. [Д.], Ульяновский А. [Г.] История Путиловского завода 1801–1917. М., 1961. С. 159.

успешной³⁷. Неудачным был и опыт заказов снарядов за границей. В частности, сорвала условия французская фирма Шнейдер, которая должна была поставить с августа 1905 по март 1906 года 0,5 млн. снарядов к 3-дюймовой пушке³⁸. Неудачным было и сотрудничество с Крупном, который должен был наладить производство 6-ти, 10-ти и 11-дюймовых бронебойных снарядов на Пермском казенном заводе³⁹. После окончания войны ряд казенных заводов продолжал срывать поставки. Например, Обуховский завод должен был сдать к 1914 году заказ для 11-дюймовых орудий (2 тыс. бомб) для береговой артиллерии Севастополя, но не смог выполнить его, в то время как Путиловский сумел изготовить снаряды такого калибра⁴⁰. Думается, все это имело значение при выработке решения по Путиловскому заводу.

Картина теряет inferнальный характер, созданный исследователем, разумеется, в случае учета всех этих обстоятельств. Разумеется, невозможно использовать все источники по столь обширной теме, но тем не менее трудно удержаться от вопроса, можно ли оценивать деятельность Военно-Промышленных комитетов, не используя документы ВПК, утверждая при этом, что допуск общественности к организации снабжения был хитрым маневром Романовых, целью которого был уход от ответственности (с. 272) или делая заявления, подобные этому: «К снабжению армии были допущены Земский и Городской союзы, заводчикам разрешено создать независимые от власти военно-промышленные комитеты, депутаты Государственной думы, члены Государственного совета и Центрального военно-промышленного комитета включены в состав Особого совещания по обороне» (с. 273).

Вообще-то Земский и Городской союзы, в отличие от ЦВПК, существовали с самого начала войны. Что до их независимости от власти, то она была очень странной. Помощь Земскому и Го-

³⁷ Параскевов В. С. Деятельность государственных и военных органов России по развитию артиллерии русской армии в ходе военных реформ 1905–1912 годов. Военный университет Министерства обороны Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2016. С. 18, 22–23.

³⁸ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1906 год. СПб., 1907. С. 41–42.

³⁹ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1904 год. СПб., 1904. С. 30.

⁴⁰ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. Ч. 3. М., 1923. С. 120.

родскому союзу в 1914 году составила 75 925 000 руб.⁴¹, в 1915 году она выросла до 270 млн руб.⁴² Для сравнения заметим, что собственные расходы земств в 1912 году составили 220 168 200 руб., из которых только 74 млн было обеспечено доходами, остальное приходилось расписывать по земским плательщикам (основная тяжесть падала на сборы с земель и лесов — 103 млн руб.)⁴³. Для сравнения отмечу, что с августа по конец октября 1914 г. в Земский союз поступило 360 283 руб. частных пожертвований⁴⁴.

Невозможно не отметить и другое: можно ли, говоря о работе по созданию заводов по производству взрывчатки (с. 239–242), воздержаться от ссылок на труды и воспоминания главы Химического комитета ген.-м. академика В. Н. Ипатьева?⁴⁵ Я вполне допускаю, что Норман Стоун был не прав (борьба с ним приобретает принципиальный для Поликарпова характер), и завод в Кондопоге по производству азотной кислоты не построили, и не справились с использованием гидроресурсов Карелии, но ведь общие показатели были не так уж и плохи.

В начале войны взрывчатку изготавливали на 1 частном и 2 казенных заводах, этих мощностей более чем хватало для потребностей мирного времени⁴⁶. Их годовая производительность в 1912 году равнялась 290 000 пудов⁴⁷. С 1913 г. государственные заказы пороховым заводам выросли почти в 2 раза по сравнению с 1912 годом, достигнув суммы в 6 215 085 руб.⁴⁸ Дальнейший рост производства взрывчатых веществ происходил уже не в мирных условиях. Для воюющей страны требовалось уже более широкое использование частных заводов. С февраля 1915 г. по март 1916 г. взрывчатка производилась уже на 2 казенных и 10 частных заводах.⁴⁹ Кстати, к этой работе ВПК вообще не имели никакого от-

⁴¹ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1914 год. Пг., 1915. С. 3–4, 22.

⁴² Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1915 год. Пг., 1916. С. 109.

⁴³ Львов Г. Е., Полнер Т. И. Наше земство и 50 лет его работы. М., 1914. С. 29–30.

⁴⁴ Голос Москвы. 2 (15) ноября 1914. № 253. С. 5.

⁴⁵ Ипатьев В. [Н.] Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920; Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Т. 1. Нью-Йорк, 1945.

⁴⁶ Ипатьев В. [Н.] Работа химической промышленности. С. 5.

⁴⁷ Параскевов В. С. Ук.соч. С. 83.

⁴⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 7/1. Д. 370. Л. 1–3.

⁴⁹ Ипатьев В. [Н.] Работа химической промышленности. С. 34.

ношения. «Непосредственно за объявлением войны, — отмечал Ипатьев, — выяснилось, что наша химическая промышленность находилась на такой ступени развития, что не могла удовлетворять тем потребностям, которые стали предъявляться Военным Ведомством. Необходимо отметить также, что в учрежденном сравнительно незадолго до войны Министерстве Торговли и Промышленности не имелось еще достаточно обработанных данных относительно возможного добывания в России тех или других необходимых материалов, привозимых из заграницы, без которых нельзя было обойтись при создании той или другой отрасли химической промышленности. В особенности это должно было сказаться в области изготовления взрывчатых и других химических веществ, для обороны страны потребовалось значительное количество серной и азотной кислоты, а также ароматических углеводородов, фенола и пр. Надо было с самого начала объявления войны принять энергичные меры к насаждению у нас химической промышленности и разработке широкого строительства необходимых химических заводов. К сожалению, в первые месяцы войны почти ничего не было сделано в этом направлении, так как, с одной стороны, полагали, что война будет непродолжительна, а с другой стороны, надеялись, что все необходимое могло быть закуплено или у союзников, или в Америке. Но когда убедились, что по части химической промышленности у наших союзников дело обстоит немногим лучше, чем у нас, а в Америке надо строить новые заводы для получения необходимого для нас толуола и бензола, то Военному Ведомству пришлось принять все меры к тому, чтобы наладить производство взрывчатых веществ и исходных для них материалов внутри страны»⁵⁰. Вынужденное обстоятельствами решение оказалось наиболее продуктивным.

Впрочем, это другая история и она не имеет отношения к тому, можно ли, заявляя об исчерпании снарядных запасов военного времени до окончания Гражданской войны ссылаться на работы А. К. Соколова и Д. А. Коваленко, которые об этом не пишут. Все это уже описано в рецензии Мухина и я не вижу смысла повторять эти положения⁵¹.

⁵⁰ Там же. С. 3.

⁵¹ Мухин М. [Ю.] [Рец. на:] Поликарпов В. В. Русская военно-промышленная политика. С. 188–189.

Отдельная и весьма важная тема — генерал Маниковский. Автор к нему явно неравнодушен. Не будем придирааться к названию главы, описывающей действия генерала против бастовавших рабочих казенной военной промышленности. Она называется «Генерал Маниковский и немецкие диверсанты» (с. 287–292). Разумеется, это шутка. Поликарпов объясняет ее позже: «Ныне Маниковский разоблачен как соучастник «целенаправленной подрывной акции с целью свержения существующего строя, организованной группой лиц», включавшей военное руководство заводов, в интересах американских банкиров и при содействии “немецких диверсантов”». Эта замечательная во многих отношениях цитата из книги П. В. Мультатули «Император Николай II и заговор 1917 г.» (М., 2013) в сноске № 1 на стр. 289 почему-то приписывается и работе В. А. Никонова. Почему? Тайна сия велика была бысть. Мне не хочется вдаваться в детали последовавших за этим рассуждений о том, сочувствовали ли военные февральскому перевороту, внезапно для многих оказавшемуся революцией, или нет, но все же... Призывая к чистоте доказательств, стоит быть аккуратнее с цитатами.

Поликарпов защищает светлый образ верноподданного генерала (с. 292), но он приобретает infernalную окраску в другом: «Помимо задач, имевших острое внутривластное значение, военно-промышленная деятельность государственного аппарата определялась также представлениями верхов о перспективах сотрудничества с союзниками. Видя цель войны в овладении турецкими проливами, правители России ожидали противодействия со стороны союзников в момент «дележа добычи», когда мог повториться провал всех усилий, как уже случилось на Берлинском конгрессе после военной победы над Турцией» (с. 293). Сомневаюсь, что внешнеполитическая ситуация 1914–1917 годов была сравнима с 1878 годом. Не припоминаю, например, союзников России из числа Великих Держав в войне 1877–1878 годов. Моей фантазии не хватает для того, чтобы найти те силы, которые смогли в 1917–1918 годах сыграть ту роль, которую могли позволить себе в 1878 году Австро-Венгрия, Англия и Германия. Не уверен, но, возможно, при рассуждениях о возможном конфликте с Парижем и Лондоном о судьбе Константинополя и Проливов стоило бы вспомнить о том, что именно британская сторона выступила первой с заявлением о готовности учесть интересы России в зоне Проливов. Об этом 10 ноября 1914 года министр иностранных

дел Великобритании Э. Грей сообщил британскому послу в России⁵². А 13 ноября того же года русский посол в Лондоне сообщал своему министру о разговоре с королем Георгом, в ходе которого тот сказал: «Что касается Константинополя, то ясно, что он должен быть вашим»⁵³.

21 ноября 1914 года в разговоре с французским послом в России император Николай II, говоря о целях войны, включил в них приобретение Империей Константинополя и Проливов⁵⁴. Обсуждение условий этой программы затянулось до конца февраля 1915 года⁵⁵. Но в общих чертах все было ясно. 1 марта 1915 года на приеме императором генерала Поля По Николай II твердо сформулировал программу присоединения этих территорий к Российской империи («... город Константинополь и южная Фракия должны быть присоединены к моей империи. Впрочем, я допущу для управления городом особый режим, с принятием во внимание иностранных интересов»⁵⁶).

Этим же временем датируется и всеподданнейшая записка С. Д. Сазонова, одобренная императором и переработанная совместно с французским и английским послами в меморандум, направленный в Лондон и Париж 4 марта 1915 г.⁵⁷ Текст этой памятной записки Сазонова от 4 марта 1915 года был опубликован: «Ход последних событий приводит Его Величество императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и Проливах должен быть разрешен окончательно и сообразно интересам России. Всякое решение будет недостаточным и непрочным в случае, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос-Мидия не будут впредь включены в состав Российской империи. Равным образом и в виду стратегической необходимости, часть азиатского побережья, в пределах между Босфором, рекой Скарией и подлежащим определению пунктом на берегу Имидского залива, острова Имброс и Тенедос

⁵² Константинополь и Проливы по секретным документам б. министерства иностранных дел / Под ред. Е. А. Адамова. М., 1925. С. 230.

⁵³ Там же. С. 232.

⁵⁴ Палеолог М. Дневник французского посла. М., 2018. С. 114.

⁵⁵ Константинополь и Проливы... С. 243.

⁵⁶ Палеолог М. Дневник французского посла. С.144.

⁵⁷ Проливы. Сборник / Предисловие Ф. Ротштейна. Дополнительная статья Е. А. Адамова. М., 1923. С.91.

должны быть включены в состав империи».⁵⁸ Союзникам предлагали благожелательно учесть их интересы в этой зоне, а также «сочувствие осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам»⁵⁹.

Союзники не замедлили с ответом. Уже 8 марта 1915 г. французское посольство в России вручило памятную записку, в которой обещалась поддержка русских планов. 12 марта то же самое сделало и британское посольство⁶⁰. В британской записке, составленной Греем, было отмечено, что русское предложение в Англии «было принято исключительно благожелательно»⁶¹. Возможно, эти слова кто-то предпочтет назвать декларацией, но в таком случае стоит вспомнить о соглашении Сайкса-Пико 1916 года, подтверждавшем поначалу раздел Ближнего Востока между Англией и Францией. Это было преодоление противоречий, ничуть не менее острых, чем те, которые были у этих стран с Россией⁶². Соглашение имело продолжение.

Марк Сайкс и Жорж Пико в феврале 1916 года отправились в Петроград, в том числе и для того, чтобы русская сторона приняла участие в составлении плана раздела Оттоманской империи, а её интересы были учтены⁶³. Переговоры были успешны. «Таким образом, — отмечает современный американский историк, — заручившись поддержкой России, к маю 1916 года союзники сумели достичь всеобъемлющей договоренности по послевоенному разделу Османской империи и, что немаловажно, сохранить все это в полной тайне от своих арабских союзников — шерифа Хусейна и его сыновей»⁶⁴. Учитывая ту роль, которую в кампаниях 1916, 1917 и особенно 1918 гг. сыграла арабская кавалерия, действовавшая на турецких коммуникациях, это умолчание имело смысл. Осенью 1918 года войска ген. Э. Алленби имели перед собой 17 тыс. турок, в то время как принц Фейсал — 12 тыс. ту-

⁵⁸ Константинополь и Проливы ... С. 252.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Проливы... С. 92.

⁶¹ Константинополь и Проливы ... С. 253.

⁶² *Роган Ю.* Падение Османской империи. Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1929. М., 2018. С. 354–355.

⁶³ Раздел азиатской Турции. По секретным материалам б. министерства иностранных дел / Под ред. Е. А. Адамова. М., 1924. С. 152, 160–161.

⁶⁴ *Роган Ю.* Падение Османской империи ... С. 355.

рок в Хеджазе и 14 тыс. — в Сирии⁶⁵. Думается, что прав и другой американский историк, учитывающий и внимание к соглашению Сайкса-Пико британских и американских про-сионистских кругов (О ужас! О явное полицейское мышление!) и их расчеты на еврейское будущее Палестины⁶⁶.

Что касается России, то формулировка «всеобъемлющая договоренность» полностью подтверждается и опубликованными документами.

Телеграмма председателя Совета министров Б. В. Штюрмера от 24 августа (6 сентября) 1916 года на имя послов России в Лондоне и Париже гр. А. К. Бенкендорфа и А. П. Извольского гласила: «Во время переговоров между правительствами Великобритании, Франции и России по вопросам, касающимся Востока, было установлено: 1. Франция и Великобритания не выставят никаких возражений против того, чтобы город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, южная Фракия до линии Энос-Мидия, часть азиатского побережья, в пределах между Босфором, рекою Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, равно как острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос были включены в состав России»⁶⁷. Это была реализация программы, изложенной Сазоновым в марте 1915 года.

В высшей степени характерно, что свидетельства страхов русских и британцев в отношении друг друга за пределами лета 1915 года автором рецензируемой монографии не приводятся. Представляется, что следует иметь в виду и тот очевидный факт, что Маниковский по должности не мог знать о секретных соглашениях между Францией, Англией и Россией (а позже и Италией) о разделе османского наследства. Это легко объяснимо. Даже британское командование в Каире, которое напрямую было связано с восставшими арабами, получило информацию обэтом соглашении только в апреле 1916 года⁶⁸. С другой стороны, для историка они не представляют секрета. Добавлю, что лично я считаю, что Россия пришла бы и к победоносному исходу войны в состоянии, которое исключало возможность ширококомасштабных и за-

⁶⁵ *Faulkner N. Lawrence of Arabia's war. The Arabs, the British and the remaking of the Middle East in WWI. New Haven and London. 2017. P. 449.*

⁶⁶ *Op. cit. P. 260–263.*

⁶⁷ Раздел азиатской Турции ... С. 225.

⁶⁸ *Faulkner N. Lawrence of Arabia's war ... P. 258.*

тратных действий на Проливах. Вряд ли при демобилизации армии при заключении мира можно было выделить несколько корпусов для эффективного контроля над зоной Проливов. Это, разумеется, мое мнение и факт англо-франко-русско-итальянского соглашения по разделу Турции в любом случае отрицать невозможно. Что до Маниковского, то он старался защитить предлагаемую им программу расширения казенной военной промышленности всеми способами, в том числе и ссылками на опыт Берлинского конгресса (с. 298).

Стоит ли делать из этого подобные выводы: «В официальных документах, разработывавшихся на протяжении всей войны, создание все новых и новых заводов разъяснено прямыми словами как последовательные шаги в подготовке к неизбежному противоборству с Антантой, к реваншу если не за Крымскую войну, то во всяком случае за Берлинский конгресс. С учетом такой направленности политики царизма в 1914–1917 гг. правомерно утверждать, что крушение режима под тяжестью военных и экономических испытаний, февральские выступления военно-промышленных рабочих и солдат избавили страну и Европу от второго акта трагедии «Великой войны»» (с. 300).

Направлением *if-history* мне не приходилось заниматься, но все же ... Представляется, что вторым актом этой великой трагедии была Вторая Мировая война, а в 1918 году невозможно было найти в Лондоне или Париже людей, готовых открыть этот акт немедленно. Если вернуться на почву реалий из сослагательного наклонения (даже под угрозой обвинений в полицейщине и злобном патриотизме!), то мы увидим, что публикация секретных документов МИД в ноябре 1917 года едва не поставила союзников перед угрозой столкновения с вождями Арабского восстания⁶⁹. Что до русской революции, то уже Февраль сразу же сказался самым негативным образом на завершении войны и именно на турецком направлении. Весной 1917 года планировалось в результате скоординированного наступления объединить русскую армию численностью в 70 000 чел. и армию ген.-л. Ф. Моца в районе к северу от Багдада⁷⁰. Группа русских войск в составе VII Кавказского Армейского и I Кавказского кавалерийских корпусов —

⁶⁹ Роган Ю. Падение Османской империи ... С.436.

⁷⁰ Hopkirk P. Like hidden fire. The plot to bring down the British Empire. N. Y.; Tokio; London, 1994. P. 249.

свыше 27 тыс. чел. должна была начать наступление на Мосул, в то время как англичане — нанести удар на Багдад⁷¹. Создание единого фронта в Малой Азии полностью изменило бы стратегическую обстановку в регионе и сказалось бы на положении остальных турецких фронтов, не исключая и района Проливов. 25 февраля англичане вновь овладели Кут эль-Амарой, а в ночь с 10 на 11 марта взяли Багдад, еще через 4 дня они отбросили турок и вышли к западному берегу Тигра на 50 км выше Багдада⁷². 11 марта 1917 г. Багдад был взят⁷³. Развить этот успех союзникам не удалось. Вскоре им пришлось искать на Кавказе точку опоры для продолжения войны, и, естественно не с Россией⁷⁴. После победы над Турцией все эти попытки завершились интервенцией. В любом случае, кроме действий на пространстве бывшей Российской империи, англичанам и французам пришлось потратить немало сил для установления контроля над подмандатными территориями на Ближнем Востоке. Более того, волнения начались в Египте, оккупированном еще в 1882 году и с 18 декабря 1914 года ставшим британским протекторатом⁷⁵. С марта 1919 года здесь начались студенческие выступления, сразу же поддержанные горожанами, последовали забастовки рабочих и волнения феллахов. Египетская армия и полиция казались надежными, но британское командование предпочло перебросить сюда европейские армейские части — несколько десятков тысяч человек, которые давно уже ждали демобилизацию. Солдаты торопились домой, и действовали жестко. В кратчайший промежуток времени более 1 тыс. протестующих было убито, более 1,5 тыс. арестовано, 57 казнено. Но вместе с тем в частях наблюдались и отказы от выполнения приказов по подавлению забастовок⁷⁶. Положение в победившей Франции было тоже нелегким. О большой войне с Россией в случае ее сохранения в качестве члена союза победителей и речи не могло быть.

⁷¹ Арутюнян А. О. Кавказский фронт 1914–1917 гг. Ереван, 1971. С. 271.

⁷² Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы Первой Мировой войны 1914–1918 гг. Военно-политический очерк. М., 1966. С. 93.

⁷³ The Times History and Encyclopedia of the War. Part 154. Vol. 12. July 31, 1917. P. 416.

⁷⁴ Hopkirk P. Like hidden fire ... P. 257.

⁷⁵ Объявление английского протектората над Египтом // Известия МИД. Пг, 1915. № 1. С. 73–74.

⁷⁶ Faulkner N. Lawrence of Arabia's war ... P. 459.

Даже в 1922 году, когда силы Мустафы Кемаля после победы над греками вошли в соприкосновение с британскими оккупационными силами в районе Проливов, Англия оказалась не в состоянии вести войну с турецкой армией, за спиной которой была разоренная многолетней войной страна без намека на какую-либо промышленность. Лондон отказались поддерживать доминионы, а Франция и не думала этого делать⁷⁷. Большая война с кем видится Поликарпову на Проливах в 1918 году? Что является основанием этих видений? Что касается России, то спасли ли выступления рабочих и солдат в 1917 году нашу страну от столкновения с бывшими союзниками? Если не забывать о краткосрочной, но все же достаточно масштабной интервенции англичан и французов, весьма длительной японской интервенции японцев на Дальнем Востоке, то на этот вопрос вне всякого сослагательного наклонения, как мне представляется, следует дать отрицательный ответ.

Думается, задача рецензируемого исторического исследования — не только отвечать на вопросы, но и ставить их. Если принять эту формулу — то новая работа Поликарпова является примером, каким должен или не должен быть исследователь, и ставит массу вопросов, которые относятся к проблеме русской военно-промышленной политики. Наверное, это хорошо.

⁷⁷ Проливы... С. 95–96.

М. А. Колеров

ВОИН ЕВРАЗИЙСТВА И ЕГО ВОЙНА

Константин Чхеидзе. Путник с Востока. Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма / Сост. А. Г. Гачевой. М., 2011

Это первое собрание сочинений деятеля евразийского движения из его даже не второго, а третьего разряда — и деятеля, скорее, литературного и практического, чем теоретического толка. Из таких офицеров и строится главная практическая сила и влияние общественных движений. Обширное наследие имперского и белого офицера, а в эмиграции — чернорабочего, студента, евразийского активиста и публициста Константина Александровича Чхеидзе (1897–1974) впервые собрано, подготовлено, откомментировано, сопровождается обширным, мини-монографическим исследованием — и, можно сказать, фактически создано для науки как единый текст — видным специалистом, в частности, по истории евразийства А. Г. Гачевой¹. Публицистика К. А. Чхеидзе, наиболее важная для автора этих строк, хронологически относится в 1924–1936 гг., времени наивысшего развития евразийства.

Определение места К. А. Чхеидзе в движении требует навигации.

Идейный капитал евразийского движения после 1991 года уверенно стоит в центре внимания в России. Вожди евразийства

¹ Известно, что наследие К. А. Чхеидзе содержит и другие сочинения, прежде всего, воспоминания, а также обширную переписку. Если они, по каким-либо произвольным причинам, не будут опубликованы и тем спасены, это нанесёт большой вред русской национальной культуре XX века.

Н. С. Трубецкой и П. Н. Савицкий вниманием издателей и исследователей общественной мысли прямо избалованы (и такое активное *научное* внимание к движению продиктовано, прежде всего, огромным и содержательным архивом Савицкого в ГАРФ, который обеспечивает предмету до сих пор не исчерпанные источники)². Евразийцы первого ряда — Г. В. Флоровский, Г. В. Вернадский, Д. П. Святополк-Мирский — тоже ценимы современной печатью, но известны более своими трудами, не сводимыми к евразийству. Авторы из евразийского круга, как, например, Р. О. Якобсон, П. М. Бицилли, Л. П. Карсавин, Н. Н. Алексеев, В. Н. Ильин, тоже снижали издательский интерес, но не как именно евразийцы, да и, несмотря ни на что, вряд ли могут быть признаны действительно идейными евразийцами, а не попутчиками, сделавшими ставку на публичную солидарность с движением, любимым благодетелями, из идеократических и материальных соображений. Как известно, среди авторов евразийских изданий поначалу были и абсолютно независимые от него А. В. Карташёв и С. Л. Франк, но и здесь следует согласиться с тем, что ими руководили не столько идейные, сколько гонорарные и компромиссные (адресованные поколению эмигрантской молодёжи) соображения. В конце концов, из этих же соображений неофициальный, частный диалог с евразийцами одно время вели даже публично столь радикально враждебный им И. А. Ильин и столь холодный к ним П. И. Новгородцев. Очень уж была активна и велика в эмиграции их читательская аудитория. Руководящий идейный триумvirат движения в лице Трубецкого, Савицкого и П. П. Сувчинского (член высшего руководства П. С. Арапов изначально состоял в нём по заданию ГПУ СССР) долго был открыт для внешних коалиций с представителями старшего поколения и смотрел на их привлечение вполне цинично³, стремясь удовлетворить крайний кадровый голод на философскую литературу, которая бы наполняла не только аги-

² Существуют и иные архивные источники по истории евразийства, придающие ей новые черты. О них см.: М. А. Колеров. О любви евразийства к СССР: письмо Л. П. Карсавина к Г. Л. Пятакову (1927) // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том XIV. М., 2013; Михаил Соколов. Евразиец пишет генералиссимусу (По материалам архивно-следственного дела П. Н. Савицкого) // Исследования по истории русской мысли [11]: Ежегодник за 2012 / 2014 годы. М., 2015.

³ Об этом, в частности, см.: М. А. Колеров. Братство св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925) // Вопросы философии. М., 1994. № 10.

тационным, но и качественным культурным содержанием их амбициозную издательскую программу. Идеократические претензии евразийцев поначалу колебались между пафосом идейной полноты (то есть интеллектуального наследия всей старой России) и амбициями власти (то есть, на деле, всего лишь партийного участия во власти Советской России). В итоге победили амбиции и вместе с ними критерии партийной «идейной чистоты», которые исходили либо из той надежды, что большевики немногих из них допустят к руководящему соучастию во власти (гораздо более высокому, чем «сменовеховцев»), либо из той утопии, что будущая власть самих евразийцев будет диктаторской и тоже делом немногих.

Этим критериям и должны были служить собственные евразийские кадры, воспитанные в партийных рядах на основе партийной литературы. Чхеидзе стал именно таким политически подкованным воином евразийства. И его индивидуальность выразилась в том, что Чхеидзе поставил идейное качество выше наивных амбиций.

После того, как советские деньги и инструкции ГПУ коррумпировали и в 1929 году раскололи руководство евразийцев, Чхеидзе остался верен той его части во главе с Савицким, что решила сохранить независимость (но, конечно, не изоляцию) от властей СССР. После войны, в Праге, Чхеидзе сполна заплатил за эту независимость, 1 июня 1945 года отправившись вслед за Савицким в советский ГУЛАГ, из которого ему в 1955 году посчастливилось вернуться в Прагу к семье.

В русском XX веке фигура Чхеидзе невольно сравнивается с фигурами, помимо коммунистов Сталина, Орджоникидзе и Берия, других ярких выходцев из среды имперского грузинства, которые несли в себе связь с грузинским происхождением одного из своих родителей, — эстетического революционера и грузинского империалиста И. М. Зданевича (Ильязда)⁴ и революционера этниче-

⁴ *Ильязд (И. М. Зданевич)*. Письма Моргану Филиппу Прайсу / Предисл. Режиса Гейро. М., 2005; *Ильязд в портретах и зарисовках* / Автор-сост. Режис Гейро. М.; Paris, 2015. С. 30–32, 50–51, 84. См. также: *Марина Могильнер*. Ното Іmpегіі. Історія фізическої антропології в Росії (кінець ХІХ — початок ХХ в.). М., 2008. С. 285, 287; *В. Б. Каширин* : Е. В. Ключин. Юго-Западная Кавказская республика : очерк политической истории. СПб., 2002 // *Русский Сборник: Исследования по истории России*. Т. IV. М., 2007; *Л. Кацис*. Заметки читателя историко- (анти) философской литературы. IV. Илья Зданевич («Филосо-

ского и этнографического Н. Я. Марра⁵. Все они вступили в союз с политической практикой, пытаясь эксплуатировать её для больших целей: Зданевич сотрудничал с британской и советской разведками, чтобы служить независимой Грузии и выживать в эмиграции, а Марр — с самим Сталиным, чтобы создавать новые нации вокруг Грузии. А Чхеидзе служил Исторической России, чтобы — в том числе — сохранить благодаря ей хрупкую этнокультурную амальгаму Кавказа. Но значение Чхеидзе больше этих усилий.

Труд А. Г. Гачевой доказательно демонстрирует судьбу идеологического творчества, когда оно превращается из потребительского продукта «духовного производства» в инструмент профессионального ремесла. Чхеидзе — ремесленник. Но не пропагандист. И из материалов книги хорошо видно, как он растёт вместе с принятой верой и зримо становится лучше как писатель, важнее — как свидетель, ответственней — как самоотверженный солдат своей проповеди. Рубежом этого превращения ученика пражской русской профессуры (в 1923–1928 гг. Чхеидзе учился на Русском юридическом факультете и окончил его, заслужив право остаться на нём для приготовления к профессорскому званию, но этим правом не воспользовался) в живого деятеля русской культуры — зримо становится 1926 год. Именно тогда Чхеидзе язык своих текстов переводит на понятия евразийства, которое открывает ему нечто важное в старом и новом мире: *государство-материк, идеократия, «правящий отбор», геополитика, месторазвитие*.

Уже в 1927–1929 гг. становится видно, как новый язык Чхеидзе избавляется от ученических оговорок вокруг простых положений — и определяет растущую ясность его мысли, а мысль всё больше обнажает не воспринятую из евразийских прописей риторику, а реальный, фатальный конфликт между самоотверженностью человека — и тем, чему она посвящена. В начале 1930-х он становится последователем Н. Ф. Фёдорова (главным научным открывателем этого круга ныне выступает та же А. Г. Гачева и можно предположить, что именно эта логика привела исследователя к евразийской тематике, обеспечив нечастую ныне благодать, критическую от неё отстранённость). Несмотря на хорошее академиче-

фия») и антифилософия С. В. Кудрявцева // Исследования по истории русской мысли [13]: Ежегодник за 2016 / 2017 годы. М., 2017.

⁵ В. А. Миханкова. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л., 1935. С. 169–170, 174–176.

ское образование и детально выработанную фёдоровцами картину мира, в этот момент Чхеидзе снова учится описывать мир.

Здесь важно заметить, что, несмотря на хорошо известное интеллектуальное и литературно-художественное взаимопроникновение Советской России и эмиграции (особенно в 1920-е гг.), логика борьбы лишала это взаимопроникновение содержательной перспективы. Свершившийся разрыв между русской эмиграцией и историческим социальным взрывом в России надолго породил взаимные глухоту и пустословие, которое равно немоте. Не успела эмиграция описать 1917-й год революций, 1918-й год «черного передела» и Брестского мира, 1920-й год поражения Врангеля и 1922-й год первой идеологической чистки в России, как 1929 год принёс новое «крепостное право» коллективизации, равное ещё одной социальной революции. За этим непрерывным изменением правил мысли и языка в России русский эмигрант, посвятивший свою жизнь стране и национальному выживанию, неизбежно искал особого смысла, которое выше его жизни и, наверное, выше его обыденного понимания. Пытаясь оправдать практическое бессилие своей подлинной любви к Родине, русский эмигрант искал для себя философии «мыслящего тростника», который находит смысл своего существования в том, чтобы просто лечь в холодную или горящую землю своей страны, чтобы продлить её вечность.

Чхеидзе находит свою вечность в мировом, интернациональном соединении континентальных пространств, — видимо, для того, чтобы избавиться от слишком уж безальтернативной обречённости евразийства на согласие с советской властью во главе России. И растворяет национальный масштаб в планетарном, и уничтожает действительное историческое и научное открытие евразийского *месторазвития* — в давно открытом христианством вселенском, религиозном предназначении человека.

Но Чхеидзе не может просто так смириться с поражением в национальной борьбе, даже упакованным в мировое страдание. И сначала пытается объяснить, почему само развитие коммунизма в России требует от него стать национально-патриотической силой и для этого использовать опыт белой эмиграции: «Пока был Ленин, коммунистическая партия справлялась с очередными практическими задачами. И своим действиям давала то или иное практическое обоснование. А теперь — совершенно ясно революция переросла коммунистическую доктрину...» (с. 342). И здесь Чхеидзе, в отличие от большинства тех, кто изображал коммуни-

стический термидор и бонапартистское перерождение Советской власти, глядя на него из коммунистической оппозиции или эмиграции, не стал искать подходов к будущему диктатору — будь он красным военачальником (например, Тухачевским, чьё имя часто звучало в этом контексте), или красным бюрократом (как Сталин), или новым Корниловым, новым Колчаком, новым Врангелем — из числа внешних врагов большевизма (что скоро выродилось в противоестественную любовь к Муссолини и Гитлеру). Чхеидзе неожиданно выступает против белой теории новой диктатуры — и соглашается искать национального диктатора не из своей партийной, белой среды и так становится на путь личной жертвы⁶, противопоставляемой простому белому антикоммунизму. «От ожидания «русского Наполеона» нужно отказаться», — пишет он. «Неужели мы признаем «героем» и «наполеоном» того, кто приведёт в нашу страну иноземные полки и таким образом «освободит» её? — Неужели тот, кто повернёт течение русской революции не вперёд — к Новой России; а назад — и таким образом создаст реакцию — неужели этот человек будет в наших глазах «героем»?» (с. 345).

И прямо о себе и своей судьбе, которую он выбирает задолго до своей встречи с ГУЛАГом:

«В современности героическое и состоит в величайшем самопожертвовании во имя идеала. Таким идеалом может быть отнюдь не *личный* «наполеоновский» идеал. Напротив, идеал, к которому надо стремиться и который надо создавать, — должен быть *общий*, всенародный идеал. А призыв к самопожертвованию относится опять-таки не к какому-то «герою русской революции» — а каждому из нас, к каждой отдельной личности, живущей в современности. Наполеоны и сверхчеловеки нам не помогут и Россию из коммунизма не выведут. Только постоянное стремление к *живым силам страны*, только непрерывная работа и мысль — что же там, как и куда идти, — только это сейчас нужно России и нам самим. Россия без нас проживёт. Но вот — проживём ли мы без Рос-

⁶ О другом опыте личной жертвы, приносимой антикоммунистической эмиграцией коммунистической диктатуре, — в проповеди и судьбе Н. В. Устрялова — я подробно писал здесь: М. А. Колеров. «Аще не умрет, не даст плода»: власть и жертва Устрялова // Н. В. Устрялов. Национал-большевизм. Избранные статьи 1920–1927 гг. М., 2017.

сии? Но жить вместе с Россией — это и значит идти по пути героическому...» (С.346).

Утверждая вслед за Н. А. Бердяевым *пореволюционность* (с. 347, 351) идеологии тех, кто готов признать необратимость главных буржуазных и социалистических результатов Октябрьской революции 1917 года, и таким образом волей или неволей соглашаясь с лидерством большевиков во главе общенациональной коалиции, а на деле — с капитуляцией белой эмиграции перед большевиками ради права умереть вместе с ними за общенациональное дело ныне большевистской России, Чхеидзе вместе с большевиками фактически хоронит старую Россию. Он пишет уже в 1925 году:

«мы свидетели кончины последних «детей» и «внуков», не давших следующего поколения. «Дети и внуки» — отошли и отходят в историю. Между ними и нами — пропасть в несколько веков (1917–1925 гг.)... Нет сейчас «отцов и детей», а есть «они» — «дети и внуки» предреволюционной и революционной России — и «мы»... мы, идущие своими путями к своей цели жизни: к творчеству во имя России. Они и мы — два разных мира, две разные исторические эпохи (...) исторически и идеологически именно нам выпала доля начать (хотя бы за рубежом) новую страницу жизни России» (с. 311).

Однако в 1929 году, в момент раскола евразийства на агентуру ГПУ СССР и тех, кто остался неподкупным, Чхеидзе выбирает для активности своего поколения белой эмиграции утопический и провокационный, словно прямо приготовленный для обоснования сталинский репрессий, курс на антибольшевистское подполье, идущее к власти:

«для Евразийства проблема России совпадает с проблемой ВКП (б), поскольку ВКП (б) содержит в себе зёрна будущего правящего отбора России-Евразии. Внимание и усилия Евразийства должны сосредоточиться на партии и вокруг партии. Такая установка сводится к ставке на живую современную Россию, выдвинувшую свой актив в партию и её вольных и невольных сотрудников. «Беспартийные» в госорганах, «спецы» в госпредприятиях, крепкие государству чины Армии, «попутчики» в литературе и т. д. — все эти разряды людей, несомненно, примкнут к органи-

затарам победы над коммунизмом и преобразования ныне правящей группы в духе подлинного правящего отбора» (с. 328).

Отрицая антибольшевистскую интервенцию, которой присягали в эмиграции многие, логично закончив в 1941–1945 гг. гитлеровским коллаборационизмом, прямым соучастием в гитлеровском геноциде своего собственного народа, Чхеидзе выбирал путь революционного подполья:

«Условия диктатуры ВКП (б) исключают возможность легальной правовой борьбы. Поэтому до образования исторически оправданного правящего отбора главное усилие «подданных добра» должно быть направлено на раздробление и ликвидацию другого — противостоящего полюса «подданных зла» — всеми доступными средствами. В дальнейшем фактическим победителям предстоит трудная и благодарная задача государственного оформления правящего отбора» (с. 329).

Здесь видно, что одних лишь этих предвоенных публичных признаний при вступлении Красной Армии в Прагу в 1945 году было бы достаточно, чтобы оказаться в ГУЛАГе, но вряд ли именно они стали тому причиной.

Великая русская культура, собирающая живой мемориал своих простых воинов, каждый из которых в культуре менее великой составил бы главу в истории национальной литературы и мысли, привыкает (да, привыкает, несмотря на припадки партийности и упорное вызывание духа гражданской войны) не делить своих воинов на белых и красных. Она даже терпимо относится к тем, кто запятнал себя службой или сочувствием Гитлеру — смертельному, геноцидному врагу своего народа, — например, П. Н. Краснову, Б. П. Вышеславцеву, Н. С. Арсеньеву, С. А. Аскольдову⁷, И. С. Шмелёву...

К. А. Чхеидзе не требует таких скидок: он был честен в своей борьбе.

⁷ Новые материалы об этом см.: Б. Ковалев. Философские беседы в умершем городе: С. А. Аскольдов и оккупанты в Великом Новгороде в 1941–1943 гг. Приложение: Статьи С. А. Аскольдова из оккупационной печати 1943–1944 годов // Исследования по истории русской мысли [11]: Ежегодник за 2012 / 2014 годы. М., 2015.

Леонид Кацис

В. ЖАБОТИНСКИЙ
НА СТРАНИЦАХ КНИГ И ЖУРНАЛОВ
«НОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ОБОЗРЕНИЯ» 2016–2018 гг.

В самое последнее время неожиданно обострился интерес к фигуре и творчеству В. Е. Жаботинского, причем обострился он в очень специфической области, которая охватывает библиографию этого автора и проблему атрибуции ему текстов и псевдонимов. Издательский дом «Новое литературное обозрение» («НЛО») выпускает, как известно, и книги, и журналы. Поэтому в нашей статье мы и разделим нашу реакцию на указанную продукцию по жанровому признаку.

І. «Юс» или «Юст»? В. Жаботинский или
И. Шехтман в «Словаре псевдонимов русского
зарубежья в Европе. 1917–1945». К теории
и практике идентификации носителя псевдонима
в сионистском «Рассвете»

Концепт «псевдоним» к сложным
не принадлежит.

Манфред Шруба

В издательстве «Новое литературное обозрение» вышел в свет первый в своем роде труд Манфреда Шруба о псевдонимах рус-

ской эмиграции¹. Разумеется, ни о какой рецензии на такого рода объемнейший труд сразу по его выходе речь не идет. Однако сравнить наш опыт работы по идентификации носителей нескольких псевдонимов с предложенным в Словаре вполне возможно уже сейчас. Здесь наибольший интерес представляют именно методологические принципы поиска, атрибуции текстов для словаря и процесс идентификации носителя псевдонима. Составитель их перечисляет: «Не лишним будет рассказать об объеме работ, выполненных при составлении настоящего издания. Книга не содержит (да и не может содержать) сколь-нибудь полного репертуара псевдонимов русского зарубежья межвоенных лет. Работа над данным словарем заняла в общей сложности около четырех лет. В сроки, отведенные для выполнения проекта, исчерпывающая полнота была бы целью утопической».

Уже здесь качество работы можно было бы оценить сразу. Не говоря уже о том, что даже комплекты самых главных и многодесятилетних органов эмигрантской печати рассмотрены «репрезентативно» ...

Составитель продолжает: «Цель была более скромной: собрание репрезентативного набора по указанной в заглавии области в максимально полном объеме. Задача предполагала проведение таких работ, как 1) сведение воедино известной на сегодня информации по теме путем изучения биобиблиографических справочников и прочей литературы; 2) выявление и атрибуция не учтенных до сих пор псевдонимов путем просмотра и анализа периодических изданий русского зарубежья; 3) изучение доступных архивных источников на предмет информации о псевдонимах и их носителях» (с. 12).

Здесь ничего нового нет. И далее по пунктам дается разъяснение. В частности, естественно, говорится о персональных библиографиях и биографиях, а также о специальных работах по раскрытию псевдонимов тех или иных лиц (с. 12–13): «У видных писателей имеются зачастую *персональные библиографии*, созданные, как правило, специалистами по их творчеству. Они и указывались в качестве авторитетного источника псевдонимов данного литератора» (с. 13).

¹ Шрубá М. Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе. 1917–1945 / Под ред. О. Коростелева; при участии О. Коростелева, П. Лавринца, А. Меймера, Б. Равдина, Р. Тименчика, А. Флейшмана и др. М., 2018. 1064 с. с илл.

А вот следующее умозаключение мы принять не можем: «Атрибуция тому или иному автору обнаруженного в периодике псевдонима, не раскрытого до сих пор в справочной литературе, проводилось путем анализа содержания псевдонимного текста и поиска подходящего лица, в первую очередь из числа сотрудников данного издания» (с. 13). Прежде всего, здесь описывается абсолютно невозможная в науке ситуация: подбор подходящего лица из числа сотрудников соответствующего органа. К чему это может приводить, мы сейчас увидим на примере атрибуции в словаре и в подготовительном томе псевдонимов литераторов круга В. Жаботинского и, соответственно, эмигрантского «Рассвета» русских сионистов.

Речь идет о псевдонимах «Юсь» и «Юс» и «Юст», которые в словаре для круга «Рассвета» приписаны, или пользуясь терминологией М. Шруба, «раскрыты в справочной литературе». Проблема здесь в том, что «Юсь» — не только название буквы старого русского алфавита, но и возможная усеченная анаграмма слова «ЮриСт», а вот непосредственный «Юсть» — уже никакая не буква, а анаграмма слова «ЮриСТ». Поэтому, если какой-то автор использует только «Юс», то сказать о смысле или происхождении этого псевдонима мы ничего не можем, а вот если он использует и «Юсь», и «Юсть», и «ЮрэкСь», то здесь ситуация существенно иная. Перед нами тогда не старославянская буква, а комплекс взаимосвязанных по смыслу и объединенный одной личностью автора псевдонимов, проверяемых не случайной театральной рецензией, а годами журналистского труда автора. Не будем пока говорить какого, когда и где.

И еще один момент. В Словаре рассматриваются только послеволюционные псевдонимы русских эмигрантов, но в массе случаев герои Словаря печатались и до революции. Но составитель указывает, что просматривал только издания после 1917 г., а для дореволюционных псевдонимов пользовался «Словарем псевдонимов» Масанова, который и сам считает цензурированным и далеким от совершенства (с. 7–8). Посмотрим, что мы тут имеем для Жаботинского в разделе «Автонимы»: «Псевд.: Альталена; 2) И. П.; 3) М. Г. А.; 4) Altalena [псевд. до эмиграции также: В. И.; Владимир Ж.; Старый журналист; Эгаль и др]» (с. 577).

За исключением почему-то отсутствующего здесь усеченного «Вл. Ж.», все имена из электронного Масанова (<http://feb-web.ru/feb/masanov/man/0.htm>).

Однако «Старый журналист» — это общеизвестный псевдоним И. Оршера — Оль д’Ора. Ему же Масанов приписывает и два псевдонима в «Вольни» 1901–1903 гг. — «Омега» и «Иорик». И делает это на основании того, что позже, с 1906 г. Оршер использовал их в «Одесском листке» и т. д. Между тем, в книге мемуаров «Старого журналиста» речь не идет о том, что он вел в «Вольни» две громадные еженедельные рубрики, и, более того, в мемуарах И. Оршера, вышедших в свет при жизни Жаботинского, есть две главы о нашем герое. А «Иорик» в своей «вольнской» подвальной драматической сценке «Юбилей печати» издевается над «Старым журналистом». Не говорим уже о том, что «Омега» «отмечает» годовщину знаменитого фельетона Жаботинского «Рыжие», а авторство подтверждается письмом Лазаря Кармена к Корнею Чуковскому. Эту историю в научной литературе мы давно описали².

Таким образом, у Масанова и Шруба мы имеем явно лишний псевдоним Жаботинского.

Однако в случае с «Юст»’ом и т. д. мы имеем еще более вопиющий случай. В полном соответствии с правилами поиска псевдонимов и их носителей, мы не можем понять, каким образом в разделе «Условные сокращения» (с. 34–37) отсутствуют два издания персональных библиографий В. (З.) Жаботинского!?!?³

Для пользы дела приведем список псевдонимов эмигрантского Жаботинского, который мы выбрали при сплошном просмотре библиографий с 1918 г. И здесь нас ждут неожиданности. Список: А. Г., В. Ж., Х., Юст, I. П. (а не И. П.), А. М., Altalena, А., М. Г. А., С. Г.

Нетрудно видеть, что псевдоним *Юст* отнесен здесь к Жаботинскому «Рассвета». Разумеется, возникает вопрос: а почему Манфред Шруба решил иначе? Здесь дается ссылка на научную атрибуцию, не принадлежащую составителю словаря: «Ист.: Хазан 2016» (С. 75). Итак, речь идет о работе В. Хазана с привлекательным названием «О некоторых псевдонимах деятелей эмигрантской русско-еврейской печати (парижские еженедельники “Еврейская трибуна” и “Рассвет”)⁴», где он коснулся, в числе проче-

² Кацис Л. «Бездна» Леонида Андреева: атрибуция пародийных откликов 1903–1929 года // Вопросы литературы. 2012. № 5. С. 356–400.

³ Вот они оба: The Writings of Zeev Jabotinsky. 1897–1940. A Bibliography. Ed. by Israel Yevartovich. Tel-Aviv, 1977; The Writings of Ze'ev Jabotinsky. A bibliography (1897-1940). Ed. by Mina Graur. Tel-Aviv, 2007.

⁴ Хазан В. О некоторых псевдонимах деятелей эмигрантской русско-еврейской печати (парижские еженедельники «Еврейская трибуна» и «Рассвет») //

го, именно «Юса» и «Юста». Более того, автора заинтересовали эти псевдонимы, фигурирующие в ближайшем окружении Жаботинского. В этой работе нас предельно непосредственно касается главка «Михаил Берхин, Иосиф Шехтман и другие».

Разумеется, глава о псевдонимах ближайших сотрудников Жаботинского, тем более, если один из них еще и главный биограф нашего героя⁵, не могла пройти мимо нашего внимания, да еще если ему приписываются публикации под псевдонимом «Юст» в жаботинском «Рассвете», которые нам известны по указанным библиографиям и которые никогда не подвергались сомнению в их авторстве. Однако указаний на существование двух изданий Библиографии Жаботинского в статье из сборника, сопровождающего составление Словаря нет как нет. В. Хазан пишет: «Нам неизвестно участие Шехтмана в каких-то русскоязычных периодических изданиях эмиграции, кроме еврейского РАС (сокращение автора от «Рассвета». — Л. К.). Однако даже если отвлечься от того, что сам по себе РАС представляет неотъемлемую часть проекта псевдонимов эмигрантов (единого?! — Л. К.), следует особо подчеркнуть, что некоторые журналистские тексты Шехтмана, (чаще не под собственной фамилией, а именно под; псевдонимами) расширяют наше знание о культурной жизни русского зарубежья и его деятелях» (Хазан. С. 78). После этого следует ссылка на очерк «Юста» о фотографе З. Бриле от 18 марта 1928. Пусть так, любой автор имеет право на любые предположения. Однако однозначно приписанный И. Шехтману текст указан в обеих библиографиях Жаботинского (Еварович: № 1277; Граур № 1357). В таком случае необходимо было указать на свои расхождения с предшественниками. Но ссылок на библиографию В. Хазан не дает.

Поэтому стоит сопоставить и остальные приведенные В. Хазаном тексты «Юст»'а с библиографиями.

Мы ограничимся несколькими примерами. Так В. Хазан пишет: «На то, что за Юст'ом скрывается именно Шехтман, среди прочего указывает и такой факт, что под этим псевдонимом описаны кровавые события в Киеве, живым свидетелем которых являлся автор» и дается ссылка на: «*Юст*. Из недавнего прошлого. Дени-

Псевдонимы русского зарубежья. Материалы и исследования. М., 2016. С. 54–90. Далее: (Хазан. С...).

⁵ *Schechtman Josef B. Rebel and Statesman. The Early Years.* N. Y., 1986. 447 pp.; *Schechtman Josef B. Fighter and prophet. The Last Years.* N. Y., 1986. 643 pp.

кинщина в Киеве // РАС. 1923. 3 июня. № 22. С. 17–18» (Хазан. С. 76). У Граур этого текста «Юст'а» нет, № 1129 — это «Рассвет» уже от 1 июня 1923, а следующий номер — уже «Рассвет» от 8 июля 1923. Остаются два варианта: либо у составителя не было данного номера журнала, либо составитель счел этот текст не текстом Жаботинского. Однако в библиографии Еваровича номер от 3 июня 1923 есть, но под № 1087 там указан еще один текст Юст'а на абсолютно ту же тему: «Библиография: Георгий Покровский. Деникинщина. Рассвет № 22 (59), 3.6. 1923. С. 19». Он тоже известен Хазану, но почему-то идет в большом списке рецензий Юста, но не сопоставляется с аналогичными по теме текстами Жаботинского. В. Хазан не указывает, что текст находится на обороте последней страницы статьи о деникинщине в Киеве.

Странно, кстати, что В. Хазан не заинтересовал и еще один текст Юст'а из № 19 (56) от 13 мая 1923 с рецензией на «Архив русской революции», он тоже дается в списке рецензий, как будто рецензии и статьи одного автора не имеет смысла сопоставлять с аналогичным набором текстов Жаботинского в целом. Таким образом, ясно, даже взаимная библиография исследователя русской эмиграции и библиографов Института Жаботинского однозначно неполна. Сам же факт, что Жаботинского и его ближайшего соратника Шехтмана интересовали одни и те же проблемы — деникинщина, Петлюра, погромы и т. д. — никак не дает нам возможность идентифицировать псевдоним «Юст», даже если разорвать статьи и рецензии «Юста», равно как и статьи и рецензии Жаботинского, хотя бы в «Последних новостях».

На наш взгляд, единственно правильным подходом было бы сопоставление комплекса несомненных текстов Жаботинского и Шехтмана с комплексом текстов «Юста» и «Юса», но как раз Жаботинский в сопоставительной процедуре и отсутствует, а источники, где этот псевдоним (псевдонимы) отдан другому автору, не упоминается вообще. Кстати, странно: как удалось так прочитать сам «Рассвет» безо всяких библиографий, чтобы не заметить там называемые нами тексты лидера реформистского сионизма??!

Еще несколько примеров. Шехтман под своим именем пишет статью «Культ Петлюры», под псевдонимом «Ю. Борисов» он же, и мы в этом не сомневаемся, пишет в РАС 22 мая 1927 статью «Новая опасность» на примерно ту же тему. Но вот мы встречаем такой пример: «Описание добровольческих зверств по отношению к евреям оказывается и в центре внимания авто-

ра, подписывающего свои материалы псевдонимом «Юст», также, как мы считаем, принадлежавшим Шехтману, см., например, его очерк «К истории проскурковского погрома» (Ср.: Еварович № 1225, Граур № 1299. — Л. К.) или — как продолжение темы Ш. Шварцбанда — рецензию на книгу, посвященную судебному процессу над ним и написанную его защитником, французским адвокатом Анри Торресом... РАС 20.05.1927. № 21. С. 14 или рецензию на книгу Н. Махно. «Le revolution russe un Ukraine. 1917–1918» (Paris, 1927) от 25.12.1927. № 51–52. С. 11» (Хазан. С. 76).

Между тем, в библиографиях Жаботинского за период с мая по конец декабря 1927 года мы находим:

1227. *Юст*. Французские антисемиты и дело Шварцбанда № 22. 5 июня 1927. С. 9–10. (указана: Хазан. С. 78)

1235. *Жаботинский*. Г. Торрес. № 31. 7 августа 1927. С. 3–4.

1240. *Жаботинский*. Об интервью Г. Торреса. № 33–34. 28 августа 1927. С. 24.

1248. *Жаботинский*. Петлюра и погромы. Письмо в редакцию. Последние новости. 11 октября 1927.

и наконец:

№ 1260 — известная нам статья о французской книге Махно. Правда, в той же библиографии есть и № 1256, со статьей Юст'а о Якове Лещинском. И это не единственный текст Жаботинского о нем.

Если теперь поместить сюда статью Юст'а из «РАС 1923.29.07. С. 18» о «Сентиментальном путешествии» Виктора Шкловского, чья судьба не раз пересекалась с судьбой Жаботинского, то, зная все, что писал Жаботинский о погромах, помня, как он менял маски, лица и т. д. (здесь достаточно вспомнить лишь «В. Владимирова» или «В. Г-ского»⁶), мы можем с большой уверенностью сказать, что нескольких очень внешних и поверхностных сведений о Шехтмане, приводимых В. Хазаном, для переидентификации псевдонима «Юст» абсолютно недостаточно.

⁶ См. подробно: *Кацис Л.* «В. Владимиров» в судьбе и творчестве В. Жаботинского (1902-1907) // Русский Жаботинский. Сборник трудов Международной Конференции «Russian Jabotinsky: Jabotinsky and Russia», посвященной 130-летию В. Е. Жаботинского (Еврейский университет в Иерусалиме, июль 2010). Иерусалим, 2010 (Stanford Slavic Studies. Vol. 44. Stanford, 2013). С. 34–67.

Впрочем, исследователь, не чуждый и творчеству Жаботинского, и комментатор его произведений в Полном собрании Жаботинского, каким-то странным образом отказал себе в удовольствии сравнить учителя и ученика, героя биографии и его биографа и т. д. Более того, В. Хазан готов счесть и псевдоним Юс из «Рассвета» псевдонимом Шехтмана на том основании, что «Юс» и «Юст» якобы происходят от одной и той же фонетической игры в уменьшительно-ласкательных вариациях имени Иосиф. Если же мы знаем о существовании «Юста» и «Юриста» в дореволюционной практике Жаботинского (вскоре мы опубликуем специальную работу на эту тему), то и приводимые ниже этимологические объяснения В. Хазана убедительными не окажутся. Вот они: «Резонно предположить, что имя Юст является производным от Юс (еще один псевдоним Шехтмана в РАС), которое, в свою очередь, вероятно, восходит к уменьшительно-ласкательному имени Юзик, Юсик, Юс — детско-юношеской и домашне-приятельской трансформации Иосифа, Иосефа, Йоси» (Хазан. С. 77).

Эти обоснования даются в связи с серьезнейшими статьями о сионистской стратегии и тактике, но, разумеется, без каких-либо связей с дореволюционной деятельностью Жаботинского, без учета взаимоотношений Жаботинского и Шехтмана, без сравнения их взглядов на одни и те же вопросы и даже без чтения книги Шехтмана о своем кумире. Таким образом, мы получаем важный методологический урок, демонстрирующий, к чему приводит нарушение едва ли не всех принципов идентификации носителя псевдонимов, которые были разработаны еще в 1950–1960-е годы. Итог перед нами.

Однако Библиография Жаботинского, коли прочесть ее подряд и со вниманием, дает нам и еще один убийственный пример, который полностью уничтожает все атрибуции В. Хазана и Словаря, лишая их именно сопоставительной базы. Не будем забывать, что русская часть Библиографии Жаботинского практически полностью, за исключением технических пропусков, воспроизводит работу Еваровича, которая создавалась еще при жизни всех или большинства интересующих нас людей и уж И. Шехтмана — точно! Но в ней нижеследующего примера не будет. Он есть только в новейшем издании Института Жаботинского.

На С. 357–359 издания Мины Граур неожиданно находим поразительное описание № 35 «Рассвета» за 1931 г., где сначала читаем по-русски или латинскими буквами:

«№ 1677. Задачи НСО. Рассвет, vol. 27, #35, 30 August 1931, pp. 3–5. Signed Z. Tiomkin».

К этому месту на иврите дается пояснение со ссылкой и на архив Жаботинского, и, главное, на книгу Шехтмана, правда, на иврите, о причинах помещения этого текста, подписанного именем видного и реального сиониста, в библиографию лидера Сионизма Ревизионистского. Все это касается единственного официально описанного случая написания Жаботинским чуть ли не целого номера «Рассвета». Хотя тот же Шехтман приводит многие другие подобные случаи, но открыто не в таком объеме. Пока читаем дальше:

«№ 1678. За и против. Рассвет, vol. 27, #35, 30 August 1931, p. 5–7. Signed Michael Berchin».

Это еще один герой В. Хазана.

«№ 1679. Помеха. Рассвет, vol. 27, #35, 30 August 1931, p. 7–8. Signed Schehtman».

Похоже, ловушка захлопнулась. Библиограф обосновывает свое решение об авторстве ссылкой, естественно, на Шехтмана! Но и это не все.

«№ 1780. Идеиное вырождение сионистской организации. Рассвет, vol. 27, #35, 30 August 1931, pp. 8–10. Signed B. Weinstein.

№ 1781. Этика независимости. Рассвет, vol. 27, #35, 30 August 1931, pp. 31–35. Signed B. Ж.

№ 1682. Проект основ устава Н. С. О. Рассвет, vol. 27 #35, 30 August 1931, pp. 11–12. Unsigned.

№ 1683. Н. С. О. Рассвет, vol. 27, #35, 30 August 1931, pp. 3–4; № 38, 20 September 1931., pp. 3–5; # 39 27 September 1931, pp. 2–4”.

И, раз подпись не указана — это гарантированный Жаботинский. Итак, при приписывании близкому соратнику Жаботинского массы литературных статей, к которым он не имеет отношения, не учтена самая главная отсылка — свидетельство секретаря, биографа и мемуариста лидера Новой Сионистской Организации, который рассказал все это в главе «Between Opposition and

Independence» в подглавке «The Calais Compromise»⁷, не говоря уже про архивную ссылку.

На этом небольшом, но предельно показательном, примере мы видим: доверять Словарю Манфреда Шрубы, осененному большими именами «при участии...» нельзя. Эта работа, к несчастью, лишь добавила проблем, которые наука уже 50 лет расхлебывает с Масановым. Странно, зачем понадобилось издавать этот громадный том на бумаге в условиях, когда даже Масановым, как указывает Шруба, можно пользоваться (при предельной осторожности!) лишь электронным? И почему такая работа велась закрыто, не публиковалась постепенно на соответствующем сайте, где все сказанное здесь могло бы быть обсуждено с коллегами, как говорил старый чеховский Фирс «до Беды». Неужели один даже громадный грант может быть достаточен в такой работе?? Вопросы это теперь чисто риторические.

А тексты Юст'а — Жаботинского, как оказалось, были просто приписаны его секретарю в условиях, когда все принципы составления Словаря были элементарно нарушены по абсолютно недоступной для нас причине. А ведь узнать о существовании Библиографии Жаботинского было так просто. Другое дело, что потребовалось бы даже элементарную библиографическую запись читать сразу на трех языках и шрифтах, включая и квадратичное семитское письмо. Но там, где живет автор атрибуции, это, кажется, не проблема. Но таков уж русско-еврейский берлинско-парижский «Рассвет», попавший в историю и литературу русской эмиграции 1917–1945 как пример того, «что такое хорошо, и что такое плохо».

II. ЖАБОТИНСКИЙ НА СТРАНИЦАХ СПЕЦИАЛЬНОГО ВЫПУСКА «НЛО» № 149 «FINS DE SIÈCLE: АНТРОПОЛОГИЯ ПЕРЕЛОМНЫХ ЭПОХ».

1. М. МОГИЛЬНЕР

Пойдем по порядку. Начнем с монографической статьи широкого охвата: *Могильнер М. Fin de siècle империи: островная утопия Владимира Жаботинского. С. 175–197.*

⁷ Schechtman Josef B. Fighter and prophet. The Last Years. N. Y., 1986. P. 154.

Начнем с того, что казанско-американская исследовательница, специалист по истории империй и, как она считает, еврейской антропологии в России, ничтоже сумняшеся встраивает очень небольшие цитаты из Жаботинского и его современников в актуальный сегодня пост-имперский, пост-колониальный, пост-ориентальный и — далее везде, дискурс. Разбираться в этом всем очень не хочется. Поэтому приведем лишь один, но очень показательный, пример: «Славинский рассуждал об империи *Fin de siècle* уже исключительно как о “многонациональном государстве” и указывал на необходимость найти разумный вариант сочетания общеимперской политической нации с принципом свободного национального самоопределения ...». Это и есть пример изящного приписывания взглядов людей типа Б. Андерссона к теориям украинского национализма начала XX века, но даже по-немецки к 1910 г. лишь немец Ф. Майнеке «Мировая буржуазия и национальное государство» (1907) впервые предложил выделять «**государственную нацию**», до политической тогда еще надо было дожить. Но идем дальше:

«... обеспечив тем самым “живое разнообразие национальностей единой Российской империи” [Славинский 1910: 229]. Принцип национального сепаратизма, или, как любил выражаться Жаботинский, “национального индивидуализма”, Славинский критиковал за узость и искусственность, настаивая на том, что центробежные тенденции в империи не обусловлены естественными законами, а искаженно понимаемыми политическими интересами [Славинский 1910: 230]».

Оставив идеи Славинского, зададимся вопросом: синонимичен ли «национальный индивидуализм» Жаботинского и вполне традиционный «национальный сепаратизм»? Ответ, к сожалению, отрицательный. Жаботинский принадлежал к тем, кто считал нации индивидуальностями, т. е. личностями. Прочитируем знаменитый текст «Вместо апологии»:

«Нам не в чем извиняться. Мы народ, как все народы; не имеем никакого притязания быть лучше. В качестве одного из первых условий равноправия, требуем признать за нами право иметь своих мерзавцев, точно так же, как имеют их и другие народы. Да, есть у нас и провокаторы, и торговцы живым товаром, и уклоняющиеся от воинской повинности, есть, и даже странно, что их так мало при нынешних условиях. У других народов тоже много это-

го добра, а зато еще есть и казнокрады, и погромщики, и истязатели, — и, однако ничего, соседи живут и не стесняются. Нравимся мы или не нравимся, это нам, в конце концов, совершенно безразлично. Ритуального убийства у нас нет и никогда не было; но если они хотят непременно верить, что «есть такая секта» — пожалуйста, пусть верят, сколько влезет. Какое нам дело, с какой стати нам стесняться? Краснеют разве наши соседи за то, что христиане в Кишиневе вбивали гвозди в глаза еврейским младенцам? Нисколько: ходят, подняв голову, смотрят всем прямо в лицо, и совершенно правы, ибо *так и надо*, ибо *особа народа царственна, не подлежит ответственности и не обязана оправдываться*. Даже тогда, когда есть в чем оправдываться. С какой же радости лезть на скамью подсудимых нам, которые давным-давно слышали всю эту клевету, когда нынешних культурных народов еще не было на свете, и знаем цену ей, себе, им? Никому мы не обязаны отчетом, ни перед кем не держим экзамена, и никто не дорос звать нас к ответу. Раньше их мы пришли и позже уйдем. Мы такие, как есть, для себя хороши, иными не будем и быть не хотим».

Выделенные слова, понятно, восходят к «Общественному договору» Ж.-Ж. Руссо, который, например, еще А. Радищев переводил как народ «представляет собой нравственную особу»⁸. Давным давно, в самом начале 1990-х, когда Могильнер еще не знала Жаботинского, мы писали, что и во французской, и в русской традициях это положение было оправданием террора против августейших особ. Не будем углубляться, но «нравственная особа» суду подлежит, а вот «царственная» — нет! Впрочем, отношение к террору в эти годы у Жаботинского было очень непростым⁹.

Но не будем углубляться. Ведь на таком уровне надо разговаривать с профессионалами, а вот Могильнер к ним не относится. Ведь профессионал никогда себе не позволит написать: «Цитаты привожу по репринтному переизданию сборника «По вехам...» под редакцией Ф. Мускатблита...» (с. 192), потому что и первое переиздание этого сборника М. А. Колеровым в 2000 г., и совсем

⁸ См.: Кацис А. Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование дела Бейлиса. М.; Иерусалим, 2006. С.440 и далее.

⁹ Кацис А. Ф. Моральные проблемы индивидуального террора от убийства Плева до гибели Столыпина: точка зрения Владимира Жаботинского // Исторический вестник: История — свидетельница времен. Т. 4 [151]. М., 2013 (июнь). С. 100–135.

недавнее второе в серии «Исследования по истории русской мысли» — не являются репринтными вообще!¹⁰ Но и это еще цветочки. А вот и первые ягодки:

«Даже сионистская «Еврейская жизнь» в 1904 году заявляла, что пьеса Чирикова «художественно объективна», близка «к реальной правде» и главный герой Лейзер «очерчен автором правдиво» (хотя рецензент тут же оговаривался, что правда эта «внешняя», только и доступная для нееврея) [Эйзенбет 1904: 140, 143]».

Теперь внимание:

«Другое еврейское издание (Sic!!), «Altheuland» (Sic!!!)? в 1906-м писало... [Литературные наброски 1906: 167–168]».

Знание немецкого языка не обсуждаем, хотя орган этот немецкий. Но есть и русский вариант, который М. Могильнер называет «другим еврейским изданием» по сравнению с «Еврейской жизнью». Но вот библиография русской периодики думает иначе:

Altneuland. Ежемесячный журнал, посвященный экономическому исследованию Палестины. Приложение к журн. «Еврейская жизнь». СПб. 1906. Ред. З. Соскин, д-р. 23 см., пагин. продолжающаяся, всего 344 с. 1906 № 1 (январь) — № 10–11 (октябрь). Журнал представляет перевод берлинского ежемесячного органа Сионистской комиссии для исследования Палестины «Altneuland», выходившего на немецком языке. Перев. под ред. З. Соскина. Вброш. в номера журн. «Еврейская жизнь», 1904–1907 (см. № 2457).

Так что журнал это тот же самый, но вот только в экономическом приложении о Палестине статей по-немецки и по-русски о Чирикове мы не знаем. А неизвестное исследователю-антропо-

¹⁰ Оба сборника, в которые, кроме прочего, полностью вошёл текст книги «По вехам...» (1909), отнюдь не являются библиографической редкостью, общедоступны в библиотеках и потому каждый, обратившийся к ним de visu, может убедиться: они — не «репринтное переиздание», а заново составленные М. А. Колеровым антологии: 1) Национализм. Полемика 1909–1917. Сб. ст. М., 2000; 2) Национализм. Полемика 1909–1917. Сб. ст. 2 изд. М., 2015. Именно в эти сборники вошла важная для темы статья М. А. Славинского «Русские, великороссы и россияне» (Отв. ред.).

логу немецкое грамотное «Altneuland» означает не только «Старо-новая земля», но и отсылает к знаменитому одноименному роману Теодора Герцля! Итак, то что ведомо филологу, для антрополога-«германиста» — смерть... Итак, «простыни не смяты», как говорил О. Мандельштам, а книги не читаны. Происхождением цитат мы заниматься не будем.

И тут снова — проблемы библиографии: цитируя английское издание «Повести моих дней» (рукопись обнаружена нами в Архиве Махон Жаботински (Тель-Авив, кстати, ивритский аналог «Altneuland»!), читаем:

«Повесть моих дней» (написана и опубликована на иврите в 1936-м) повествующая о периоде до конца Первой мировой войны, и «Истори[я] еврейского легиона», впервые опубликованная по-русски в 1928-м» (с. 178).

А вот неизвестная никому из авторов «НЛО» библиография Жаботинского указывает: «Di Geschichte fun yidischer legion» (Hint Warsche, Morgn zhurnal New-York) и их ивритский аналог в газете «На Тзофе» публиковались с декабря 1926 до весны-лета 1927 г., а вот русское книжное издание, действительно, было первым и вторым (Париж, Рига) именно книжным вариантом «Легиона». Но чтобы это узнать, опять же надо было прочитать записи квадратичным семитским письмом, исследователю Жаботинского недоступным.

Много чего еще можно было бы сказать в сниженном жанре книг «Фельетоны» — и Т. Герцля с русским предисловием Жаботинского, и самого Altalen'ы по каждому абзацу немаленькой статьи Могильнер, но мы ограничимся только одним наиболее возмутительным для научного журнала даже по антропологии примером. Говоря о повести «Пятеро», Могильнер пишет:

«Действие романа происходит в имперском городе, где для Жаботинского начала века концентрировались все противоестественные порождения имперской ситуации. Город нес в себе угрозу гибридности, межрасовых браков и соблазнов высокой колониальной культуры. При этом имперский город романа совершенно конкретен: это прекрасная, живая, не похожая ни на что другое Одесса, которую Жаботинский откровенно любит именно такой, какой она была в начале века. И это, конечно, мешает правильному

(Sic!!!) идеологическому (Sic! Sic!) изображению города как негативного символа имперской деградации».

Говорил ли и думал ли Жаботинский в терминах казанско-чи-кагской пост-имперской парадигмы, мы не знаем, но выговор за идеологические ошибки он получил показательный. Описав всем известный сюжет романа, смерть его героев и т. д., Могильнер выдает читателю:

«... в последней главе “Пятеро”, Жаботинский формулирует рецепт спасения — постимперскую островную утопию, которая в 1936 году уже давно превратилась в реальность и на время в движущую силу истории: “Не хочу соседей, хочу всех людей разместить по островам”» (193–194).

Не будем огорчать г-жу Могильнер, но эта утопия существовала много ранее. Достаточно вспомнить «Легенду острова Тристан-да-Рунья» 1925 г. Но, хочет это автор статьи в «НЛО» или нет, все мечты о Еврейском Государстве Жаботинский связывал (пусть и в трудной борьбе) с имперской Великобританией, а евреи обрели свое государство за 12–13 лет до Года освобождения Африки и краха Британской Империи. Но это опять же для серьезного разговора. А пока скажем, что история текста «Пятеро» очень непроста, и публикация в «Рассвете», опять же, предшествовала книжной. Но, главное, первый вариант «Пятеро» был опубликован в «Одесских новостях» в 1910 г.¹¹

Интересно, а в 1910 году все было «идеологически верно» в пред-пост-колониальной перспективе?

2. А. И. Рейтблат, Г. Н. Боева. К ПОЛЕМИКЕ
ВОКРУГ НАШЕЙ АТРИБУЦИИ ПИСЕМ «ГЕРОЕВ» «БЕЗДНЫ»:
АНДРЕЕВ ИЛИ ЖАБОТИНСКИЙ.

В том же номере «Нового литературного обозрения» редактор отдела библиографии этого журнала А. И. Рейтблат, рецен-

¹¹ Не в связи с сочинением Могильнер, а просто для читателя, даем ссылку на нашу публикацию этого текста в «Иерусалимском журнале» № 57, 2017: Леонид Кацис. «Пятеро» 1910 года: http://magazines.russ.ru/ier/2017/56/pyatero-1910-goda.html#_ftn1.

зируя, написанную, по его мнению, в антропологической манере, книгу Г. Н. Боевой «Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна»¹² в пространном примечании назидательно и с укоризной указывает:

«... Боева подробно останавливается на публикации Андреевым письма, написанного от имени героя его рассказа «Бездна» и реакции на нее. В этой связи она подвергает основательной критике *атрибуции ряда критических текстов* Жаботинского, осуществленные Л. Ф. Кацисом (с. 270–274), однако другим его атрибуциям доверяет, хотя, как показали специалисты по творчеству Жаботинского, среди них немало ошибочных, поэтому все они нуждаются в тщательной проверке» (с. 684).

Далее зав. отделом библиографии «Нового литературного обозрения» приводит три (на самом деле их четыре) любительских текста из петербургского общинного библиографического еврейского вестника, который мы рекламировать здесь не будем, но принадлежат они одному и тому же инженеру-водопроводчику, который и дал свое имя в качестве группового псевдонима такого же рода «исследователям». Мы никогда не сомневались, что носитель имени мало что может сделать сам, поэтому перед нами забавная и редкая разновидность псевдонима — коллективный аллоним!

Кроме всего прочего, А. И. Рейтблат слишком увлекся правильным в первом случае множественным числом, отнеся его и к критике Г. Н. Боевой наших атрибуций. Г. Н. Боева не согласна только с одной единственной атрибуцией только одно единственного письма героя «Бездны», которое молва приписывает Л. Н. Андрееву. Когда-то сама Г. Н. Боева, многократно выступавшая на секциях конференций, которые я вел, обещала предоставить мне автограф этого текста, но нет его как нет и по сей день. Сам А. И. Рейтблат, Главный библиограф Российской библиотеки по искусству, не раз слышал на разных конференциях многие другие наши атрибуционные и жаботинские доклады, но в полемику один на один предусмотрительно не вступал. Поэтому, раз уж «НЛО» опубликовало его текст, ответ потребует обращения к книге Г. Н. Боевой, которая уже защитила свою докторскую диссертацию, а наша статья ей теперь не повредит. От посылки это-

¹² Рейтблат А. Леонид Андреев как воплощение fin de siècle // Новое литературное обозрение. № 149 (1/2018). С. 681–686.

го текста в Совет Воронежского университета мы воздержались из соображений нравственного порядка.

Итак, мы однозначно атрибутируем Жаботинскому все три письма героев «Бездны» и даже четвертое, напечатанное в специальной книге, вышедшей в Берлине. Повторять аргументацию мы не будем¹³, к монографии и докторской диссертации Г. Боевой¹⁴ обратимся. Здесь мы встречаем не такой уж частый случай специального и акцентированного включения в исследование сведений о Жаботинском и русско-еврейских литераторах круга Леонида Андреева. И это можно только приветствовать. Но дело обстоит сложнее. В главе «Леонид Андреев и его читатель» можно встретить (со ссылкой на ПСС Жаботинского, где мы тогда были составителем и научным редактором, но без указания на нашу атрибуцию, т. е. как на общепринятый и всем известный псевдоним) цитату из статьи В. Владимиров из «Вопросов общественной жизни», правда с указанием, что текст Жаботинского представляет собой «попытк[у] определить физиономию т. н. “нового читателя”», что представляет собой “общее место в критике начала века”» (Боева. С. 266)¹⁵.

И это заведомое принижение места Жаботинского далеко не случайно. Ведь на следующих страницах и находится разбор нашей работы о «Бездне», где главным будет знаменательное отсутствие первого письма «Немовецкого» в редакцию «Курьера». Понятно, что сама «Бездна» разбирается совсем в других местах книги.

Позиция Г. Боевой заключается в том, что Андреев является автором и самой идеи написания подобных писем от имени своих героев, и чуть ли не инспиратором всей операции. Тогда получается, что именно он и надоумил Жаботинского сочинить еще три письма З. Немовецкой, трех бандитов и Федора (уже из берлинской книги «Бездны»), и стал организатором шумной газетной кампании на юге России и в Берлине. А Андреев, видимо, за всем этим наблюдал свысока.

¹³ Еще раз: *Кацис Л.* «Бездна» Леонида Андреева: атрибуция пародийных откликов 1903–1929 года // Вопросы литературы. 2012. № 5. С. 356–400.

¹⁴ *Боева Г.* Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. СПб., 2016 (далее: Боева. С. ...)

¹⁵ Еще раз сноску на нашу работу о «В. Владимирове», приведенную в первой части, мы не приводим.

Впервые имя Жаботинского появится (Боева. С. 214) в главе «Певец «ужасов» и «кошмаров»», где исследовательница разбирает анкету Жаботинского о «Бездне» (со ссылкой на: ПСС. Т. 3. С. 101) 1903 года, которую мы подробно рассмотрели в критикованной Г. Боевой статье в «Вопросах литературы». Теперь (Боева. С. 267–268) анкета Жаботинского цитируется уже по «Одесским новостям» (1903. 2 марта (№ 5903). С. 4) а не ПСС Жаботинского. За этим следует ссылка на известный «Автокомментарий» Л. Андреева к рассказу «Бездна» из «Курьера» (1902. 27 января (№ 27). С. 2) и на письмо Горькому от 19 января 1902 года по опять же известной публикации в «Литературном наследстве»¹⁶. Но ведь это две разных истории и ситуации: 1901 — января 1902, первый скандал вокруг «Бездны», и 1903 года, т. е. до и после выступления С. А. и Л. Н. Толстых, и путать их не стоит. Цитируем автора книги:

«“Антибездны” Андреев не написал, а еще одной попыткой объяснения с читателями “Бездны” стало письмо, написанное Андреевым от лица героя рассказа Немовецкого... Завершается оно прямым обращением к читателю...».

Это очень близко к «Литературному наследству». И, наконец, самое важное место:

«Письмо Немовецкого стало образцом для подражания, вскоре на страницах газет появились другие «письма» героев рассказа: “письмо” босяков (автор скрылся под псевдонимом “Омега”) и “Письмо в редакцию” от Зинаиды Немовецкой (автор В. Жаботинский)».

Характерно, что названия южных «Одесских новостей» и «Волины», где напечатаны эти письма, мы здесь, в отличие от «Литературного наследства», не видим. За этим следует традиционная для андрееведения сугубо морализаторская интерпретация этих писем, отмечается очевидный горьковский их слой, связь с «На дне», и далее приводим текст Г. Боевой, предшествующий критическому разбору наших работ:

¹⁶ См.: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., 1965 (Литературное наследство. Т.72).. По указателю и содержанию.

«В 1903 г. “Бездна” напечатана в Берлине издательством Иоганна Рэдэ. Книга была дополнена статьей Л. Н. Толстого о Мопассане и “письмами” героев рассказа» (Боева. С. 270).

Нетрудно видеть, что весь текст Боевой строго следует «Литературному наследству», а с книгой, содержащей совершенно другое письмо, не трех босяков, а Федора, автор не работал. И так как Г. Боева не различает ситуации 1901 — начала 1902 и 1903 г., когда в полемику включились С. А. и Л. Н. Толстые, то причины замены письма и появление отпрепарированной статьи Толстого ее не заинтересовали, впрочем, как и всех андеевцев... Читаем дальше:

«Содержание всех трех «писем» остается в плоскости нравственно-социальной (курсив наш. — Л. К.), и тон этот, несомненно, задан самим Андреевым-Немовецким, рассуждающим в своем “письме” о “подлой”, “звериной” натуре человека. “Письмо” босяков-“Омеги” лишь добавляет тему социальной несправедливости как источника преступлений, а “письмо” Жаботинского-Зинаиды поддерживает и развивает темы первого “письма”: соотношение в человеке естественного и культурного начал, противоречия между “мужским” и “женским” в современном обществе» (Боева. С. 270).

При таком подходе не трудно понять, почему вся история с пародиями на «Бездну» оказалась в главе о «Зеркале эпохе», а не в следующей «“Леонид Андреев” как пародийная личность» (Боева. С. 305–353), где ей самое место (правда, мы бы сказали, пародическая). Но поместить туда письмо Немовецкого уж никак не дает академическая традиция. Потому что для нее существует лишь социально-политический подход, а литературная игра является факультативной.

В своей работе в «Вопросах литературы», к которой и отсылаем читателя, мы показали прямые фальсификации и в публикации писем, и в форме их подачи в разных газетах, проанализировали причины, по которым публикатор академического тома переписки Горького приписал письмо «З. Немовецкой» Жаботинскому и т. д., и т. п. Все это доступно. Итак, разбор и критика наших взглядов, вставленная в давно и предельно традиционно написанный текст Г. Н. Боевой, совершенно не случайно начина-

ется так: «История с письмами *неожиданно* получила продолжение». За этим следует изложение уже известного из «Вопросов литературы» материала, и констатируется: «Кроме того, Кацис подметил несколько несообразностей в комментариях В. Чувакова к «письмам героев», сначала опубликованных в «Литературном наследстве», а потом в Собрании сочинений в 6 тт.» (Боева. С. 271). Однако знание этих обстоятельств, приведенных уже в следующем абзаце на той же странице, не привело к коррекции предшествующего слову «неожиданно» (Боева. С. 270. Ср.: Боева. С. 268–270) текста... Второй раз слово «неожиданно» появится у Боевой на С. 271, когда будет приведен наш вывод об общем авторстве всех пародий. Теперь цитируем без сокращений:

«Предположение основано на весьма уязвимом допущении, что Жаботинский мог “однократно” выступить автором в московском «Курьере» — газете, в которой работал Андреев (Жаботинский же, как сказано в другой статье Кациса, работал в целом ряде южных газет и одной петербургской — “Речи”), а также на явном преувеличении степени близости критика и писателя. С таким же успехом можно предположить, что и сам рассказ написан Жаботинским» (Боева. С. 272).

Что касается «Речи», то в «другой статье Кациса» речь идет об однократном интервью после дела Бейлиса 1913 года, кстати, впервые введенном нами в научный оборот. Работал же Жаботинский из петербургских газет в 1903–1908 гг. в «Руси», да и в «Нашей жизни» в 1904. Вопрос об «однократности» участия в «Курьере» мы оставим до специального исследования, и пока в качестве довода в свою пользу наши результаты не используем, отдавая должное остроумию нашего критика. Ведь в таком случае Жаботинский «инспирировал» написание Андреевым «Антибездны» уже в свою защиту и «позволил» Андрееву написать первое письмо «Немовецкого», дав идею Жаботинскому, как защищаться дальше. А уж «испуганный» Жаботинский разразился серией писем и берлинской книгой, напал на Толстого и т. д.

Поэтому остроумный перевертыш Г. Боевой здесь, к сожалению, не работает и противоречит всему, что мы знаем об интересующей нас истории. Пародические цели исследователя мы в докторской работе не допускаем. А вот доводы Г. Боевой и традиционной науки в пользу авторства Андреева приведем:

«Если версия об авторстве Андреева зиждется на высказанном в письме к Горькому намерении написать «Анти-Бездну» и на самом факте постоянного сотрудничества с «Курьером», то гипотеза Кациса вообще не имеет никаких оснований».

Прежде всего, письмо к Горькому, повторим, касается истории не 1903, а 1901 — января 1902 г., равно как и идея писать так и не написанную «Анти-Бездну». А вся история с письмами относится к 1903 году и к абсолютно другой ситуации, в условиях *второго* вала затихнувшей было полемики вокруг «Бездны».

Сам по себе факт работы Андреева в «Курьере», где он и напечатал свой собственный псевдонимный ответ, равно как и нереализованный проект «Анти-Бездны», — вообще к доказательствам не относятся. Не говорим уже о полном отсутствии упоминаний всей этой истории Андреевым, равно как и об отсутствии следов этой работы в архиве писателя.

Что касается близости и или дальности взаимоотношений Жаботинского и Андреева, то говорить о них традиционное андрееведение вообще не может, т. к. до последнего времени и наших работ даже элементарного сбора рецензий произведено не было.

Наш критик радостно приветствует собственную находку, одно «неточно» названное имя третьего из босяков: «Рыжий, Высокий, Краснощекий» вместо верного «Рыжий, Высокий и Бритый», отмечая, что «в статье Кациса присутствуют и фактические неточности» во множественном числе. Их мы, к сожалению, не обнаружили.

А вот о синонимичном «Рыжему», «Краснощеком», скажем. Эта тавтология, нам она понадобилась потому, что к моменту сдачи статьи в печать мы не могли вставить туда наблюдения над именами героев писем, которые восходили к стилистике толстовских сказок для детей, «повзрослевших» в письме о рассказе Андреева. Это и есть метка для внимательного читателя, которым и оказалась петербургская исследовательница. Поэтому назидательные слова Боевой, обращенные к нам, мы с удовольствием принимаем: «Учитывая антитолстовскую нацеленность книги, Кацис и в этом мнимом несходстве (!?) кличек (!?) пародийных опусов пытается предложить литературно-полемический контекст». Интересно, а «Немовецкий» из первого письма тоже «кличка»?

И тут Г. Боева, описав заведомо антитолстовскую книгу «Бездна» немецкого издателя Рэдэ с приложением ряда материалов, рассмотренных в «Вопросах литературы», вслед за нами, исполь-

зует нашу работу и, неожиданно для нас, ополчается на чисто документальное обоснование нашей гипотезы. С таким нам встречаться за десять лет полемики еще не приходилось. Обычно от нас требуют именно документальных доказательств, т. к. дальше методологическая и историко-литературная мысль наших более ранних зоилов не распространяется. Исследовательница пишет:

«Для решающего доказательства своей версии исследователь переносит нас в 1929 год, когда на страницах ленинградской “Красной газеты” (вечерней, это другой орган, — Л. К.) появляется статья Зел. Штеймана, который, упоминая в ином контексте историю с “письмами” вокруг “Бездны”, уверенно называет авторами этой мистификации Жаботинского и пушкиниста Н. О. Лернера...» (Боева. С. 274).

Мы прервали цитату, т. к. за процитированными словами у нас (!) следовало: «его коллеги по «Елисаветградским новостям»». Вот последних-то слов у Зел. Штеймана как раз и не было. Именно приведенные в соответствующем месте нашей статьи сведения о взаимоотношениях двух литераторов и являлись важной частью нашего доказательства, а не отсутствующие сведения из статьи Штеймана. Более того, мы, как известно, еще и выразили сомнение в участии во всем этом Лернера, но Боеву это не заинтересовало. И далее, давая ссылку на газетную статью, но при этом, используя лишь наши сведения о ней, Г. Боева пишет:

«... сопрягая “далековатые” контексты полемики вокруг “Бездны” начала века и полемики напостовцев и формалистов в советское время, Кацис убеждает: этот материал и источник и есть решающее доказательство того, что автор всей этой мистификации — Жаботинский» (Боева. С. 273–274).

Заметим, что «далековатым» примером воспользовались не мы, а Штейман. Более того, полемика эта не просто с формалистами напостовцев, но и с Горьким, чье место в истории с «Бездной» признается классическим андрееведением. И на это стоило бы указать соискательнице докторской степени. Боева продолжает:

«Ничуть не умаляя значения проделанного Л. Кацисом расследования (?! — Л. К.), признавая Жаботинского “Омегой” и вероятным автором берлинской книги, все же категорически не разделяем его убежденности в том, что автор “письма” Немовецкого не Андреев, а Жаботинский» (Боева. С. 274).

Итак, никаких неудачных атрибуций «ряда критических текстов» (!?? — Л. К.) Жаботинского Г. Н. Боева не обсуждает вообще, а говорит лишь об одном из трех-четырёх пародийных писем от имени героев «Бездны».

Что А. И. Рейтблат не читал нашу статью в «Вопросах литературы» не удивительно, а вот то, что рецензент не читал рецензируемую книгу, странно... Итак, сопоставим достижения сторон.

Официальное андрееведение:

1. Фальсификация истории с «Омегой» в «Вольни».
2. Отсутствие серьезного исследования книги Рэдэ и пропуск 4 письма — Федора.
3. Отсутствие каких-либо следов громадной мистификации Андреева, если это он.
4. Отсутствие реакции мемуаристов (кроме Н. О. Лернера в изложении Штеймана, найденной нами).
5. Путаница в ситуациях 1901–1902 и 1903–1904 гг. вокруг «Бездны».
6. Странная «южная» приуроченность всей игры.

Наши результаты:

1. Установление правильной хронологии писем.
2. Идентификация носителя псевдонима «Омега» из «Вольни».
3. Введение в рассмотрение в добавление к 3-м «письмам» четвертого «письма» — Федора.
4. Анализ толстовского контекста полемики вкуче с горьковским и сологубовским.
5. Нахождение фактических сведений об авторстве всей нашей истории 1903–1904 гг. в «Вечерней красной газете» 1929 г.
6. Мотивированность «южного контекста» полемики.

Не говорим уже о том, чего не могла знать Г. Боева, а именно полного текста нашей находящейся в печати книги о Жаботинском. В сухом осадке — глубокая личная убежденность исследова-

тельницы и всего круга исследователей Андреева в своей исследовательской традиции.

И наконец, о псевдонимах. На С. 257 Г. Боева уверенно ссылается на статью, подписанную «Л. Т-цкий»:

Вопросы жизни и духа. Трагедия Иуды Искаротского в двух интерпретациях: Л. Андреева и Н. Голованова // Север. Вологда, 1907. 26 июля. (№ 22). С.2. —

приписывая ее Льву Троцкому!¹⁷ Зная биографию Л. Д. Троцкого, осуждение, побег, и т. д., еще надо доказать, что в 1907 году он печатался в Вологде да еще под псевдонимом Л. Теплицкого, известного критика и впоследствии эмигрантского романиста, имя которого встречается и на этих страницах. Что же касается Л. Троцкого, если Г. Боева считает его «Л. Т-цким», то в рамках логики нашей работы стоило бы сравнить единственную известную нам статью Троцкого об Андрееве, кстати, интересующего нас сейчас 1902 г. в «Восточном обозрении», в иркутской газете для ссыльных в Якутии. Эту статью Троцкий включил и в собрание своих сочинений в том «Проблемы культуры старого мира» 1926 г. Более того, в 1902 г. писал Троцкий об Андрееве и втором издании его сборника рассказов под псевдонимом Антид Ото. Но в 1906 году, приговоренный к вечному поселению в Сибирь, бежал за границу, где писал под псевдонимом «Н. Троцкий» статьи, вошедшие в сборник «В защиту партии» и т. п.

¹⁷ Сведений о том, что Л. Троцкий рецензировал «Иуду Искарота» Н. Голованова нет и в хорошо библиографически оснащенной, даже претендующей на всезнайство книге: *Соболев А.* Тургенев и тигры. Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. (М., 2017), где на с. 435–444 есть и специальная статья «Новые сведения о переводчике Голованове». И не случайно. Правда, и статья из вологодского «Севера» Соболевым не указана. Интересующая нас пьеса в стихах не восхитила Брюсова см.: «Оперные римляне и оперные евреи» (с. 437), но запомнилась Горькому (там же). Нам также не известно, чтобы Андреев специально отмечал интерес к себе ненавистного Троцкого. Забавно, что работники Наркомпроса, в 1923 г. писавшие А. В. Луначарскому письмо с просьбой организовать юбилей творческой деятельности Голованова, напоролись на сомнения в его революционной деятельности, а сами никаких сведений о статье т. Троцкого, тогда еще более чем актуальной, в поддержку своей просьбы не привели ... Нет их в новейшей публикации родственников Н. Голованова (*Голованов Н.* От публикатора // *Вестник Европы.* 2017. № 49) при публикации неизвестной пьесы прадеда Николая Голованова «Третий Рим» (Псевдоисторическое представление. 1925). А вот новейший словарь Шрубы, републикуя список псевдонимов Л. Троцкого, указывает «Л. Т-ий», «Т-цкий», но не «Л. Т-цкий», т. к. этот псевдоним уже был давно «занят» в хорошо знакомой Льву Троцкому Одессе. Но это так, к слову.

Наверное, все это не так важно, если в центре мира стоит Леонид Андреев, а не честный профессионализм и знание, например, биографии и библиографии Л. Троцкого, но это уже личный выбор каждого.

Итак, мы видим, что все до единой работы, где упоминается Жаботинский, выполнены в одной и той же антропологической парадигме, которая «работает» только там, где история, филология и другие, менее глобальные и более традиционные теоретические построения и методологические приемы принципиально не используются, если они и были новым антропологам когда-то знакомы, а молодому поколению они уже вовсе не известны.

М. М. Гершзон

«Я ПОНЯЛ: ВСЁ ЖИВО.
ВЕКАМ НЕ ПРОПАСТЬ...»:
ПРЕДКИ ПОЭТА
АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО

Поэт Андрей Вознесенский, 85-летие со дня рождения которого отмечается 12 мая 2018, интересовался своей родословной еще в советское время, когда это не было принято. Он лично работал в Государственном архиве Владимирской области, где сохранилось несколько фотографий поэта, работающего с архивными документами. Но в то время, он не занимался изучением предков по фамильной линии — по линии Вознесенских. Исследование началось в 2006 году со встречи с сестрой поэта Натальей Андреевной Вознесенской. Но, в силу того, что в документах о рождении отца поэта было неправильно указано место рождения, тогда поиск приостановился.

Он возобновился в 2017 году по инициативе Леонида Борисовича Богуславского и сейчас доведен до логического окончания — найден самый древний сохранившийся документ, в котором упомянуты предки поэта. Поиск сведений о предках А. А. Вознесенского проводился в трех федеральных архивах, расположенных в Москве, региональных архивах — Владимирской и Ивановской областей, а также архиве Волынской области Украины (г. Луцк).

С XVIII столетия предки поэта жили в селе Семеновское Шуйского уезда (ныне на территории Ивановского района Ивановской области). Самый древний предок поэта — Максим родился око-

ло 1670 года¹. В эпоху Петра I он служил дьячком в церкви Николая Чудотворца в Семеновском. Его сын — Василий, который родился около 1701 года, был в этой же церкви священником. Он прожил долгую жизнь — 85 лет, а незадолго до смерти, в 1781 году, он уступил место священника при церкви своему внуку — Степану Тихоновичу (родился около 1753 года)². Его родной младший брат — Афанасий Тихонович (родился около 1761 года), прямой предок поэта, служил в этой же церкви пономарем, потом стал дьячком. Их отец — Тихон Васильевич — во второй половине XVIII века был диаконом той же церкви. Всего в её штате тогда было 4 человека, из которых трое были ближайшими родственниками³.

Интересная деталь — на архивных документах сохранились автографы предков поэта, живших в XVIII–XIX столетиях. Не у всякого дворянина можно найти хоть какой-то документ, написанный его рукой, или же им подписанный. Поскольку священнослужители вели документацию — прежде всего, так называемые документы учета населения: метрические книги, исповедные и клировые ведомости и другие документы, можно сказать, что автографов предков поэта — священнослужителей сохранилось в избытке.

У Афанасия Тихоновича в 1808 году родился сын Федор, который учился во Владимирской Духовной семинарии. Лицам духовного звания нередко в семинариях присваивали новые фамилии. Происхождение этих фамилий могло быть различным: очень часто от названия церкви, от местности, в которой проживали, за какие-то качества и т. п. В случае с предками поэта, фамилию присваивали от названий сел, из которых происходили семинаристы. Так Федор Афанасьевич стал Семеновским и был первым прямым предком (что важно отметить, по мужской линии) поэта с фамилией. В 1829 году Федора Семеновского назначают на место диакона в село Вознесенье Ковровского уезда (ныне Савинского района Ивановской области)⁴. Полное название этого села, зафиксированное в документах XIX века, — «село Вознесенье, что в Медвежьем углу» возможно свидетельствовало об отдаленности села от основных дорог. В это время штат церкви был большим — она была двухкомплектной, то есть в ней служили два священника.

¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 397. Л. 980–980об.

² ГАВАО. Ф. 301. Оп. 3. Д. 151. Л. 42–42об.

³ ГАВАО. Ф. 301. Оп. 3. Д. 173. Л. 105–105об.

⁴ ГАВАО. Ф. 301. Оп. 3. Д. 217. Л. 822об.

У диакона Федора Семеновского было три сына. Все обучались во Владимире, и всем троим была присвоена фамилия Вознесенский (по названию церкви села, в котором они родились)⁵. Старший сын Федора — Дмитрий со временем занял место диакона при церкви села Вознесенья, а средний — Петр (родился в 1836 году), прадед поэта, после окончания Владимирской духовной семинарии в 1858 году поступил на должность учителя в село Ряхово того же Ковровского уезда (ныне Камешковского района Владимирской области). В 1861 году он был назначен священником этого села. Через семь лет он был переведен в село Ерылково Шуйского уезда (ныне Ярылково Ивановской области)⁶. А затем в село Борисово Суздальского уезда (ныне село Большое Борисово Суздальского района Владимирской области). Архивные документы описывают прадеда поэта Петра Федоровича Вознесенского как священника-подвижника. Он способствовал открытию земской школы в селе Борисове и сам служил в ней законоучителем. Вот как описывали «Владимирские епархиальные ведомости» его деятельность в этом храме:

«не имея возможности жертвовать на нужды храма от собственных достатков, он неустанно трудился над собиранием пожертвований и с этой целью, и в зимние трескучие морозы, и в непроходимую слякоть, нередко отправлялся на дальние расстояния к знакомым состоятельным людям, чтобы получить от них ту или другую лепту на храм Божий... В его характере не было ни гордости, ни заносчивости, ни хвастливости, ни других качеств, нарушающих мир с ближними. Прямота, правдивость, честность — вот те черты, с которыми он являлся перед начальствующими, сослуживцами, знакомыми и другими людьми»⁷.

Всем своим детям он дал, как говорят сейчас, достойное образование, несмотря на бедность. Петр Федорович нередко сеял и пахал, как крестьянин, возил муку на базар, что внести деньги за обучение своих детей в школе. И это самопожертвование принесло плоды. Его старший сын Николай Петрович (дед поэта) получил образование врача. Всего же у Петра Федоровича было семь детей, четыре сына — Николай, Александр (стал священнослужителем), Владимир и Константин, и также три дочери: Мария, Таи-

⁵ ГАВАО. Ф. 301. Оп. 3. Д. 230. Л. 111об.

⁶ ГАИВАО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 61. Л. 6об.

⁷ Владимирские епархиальные ведомости. 15 августа 1898 г. № 16. СС. 508–509.

сия и Анна⁸. Старшая дочь впоследствии вышла замуж за сельского учителя Михаила Ястребова, который стал священником в селе Борисово после П. Ф. Вознесенского. Петр Федорович скончался в 1898 году от чахотки и похоронен в Борисово.

Дед поэта, Николай Петрович Вознесенский, родился в 1866 году в селе Ярлыково. После окончания обучения он служил земским врачом во Владимирской губернии. Интересно, что внучка земского врача, старшая сестра поэта Наталья Андреевна тоже стала врачом. В 2000-е гг. она работала в одной из поликлиник на юге Москвы. Николай Петрович Вознесенский женился на Елизавете Алексеевне Белоцветовой. Среди предков поэта — значимый церковный писатель. Отец Елизаветы — Алексей Васильевич Белоцветов — был протоиереем, настоятелем Благовещенского собора города Киржача Владимирской губернии. Несмотря на короткую жизнь — он прожил всего 37 лет, А. В. Белоцветов успел сделать очень много. Он является автором целого ряда сочинений, некоторые из которых не раз переиздавались. Среди наиболее важных: «Приготовление к исповеди и святому причащению...» объемом 62 страницы, «О сквернословии» (обе книги изданы в столице, Санкт-Петербурге, при том, что автор постоянно проживал во Владимирской губернии), «Круг поучений на все воскресные и праздничные дни в году...» объемом 340 страниц, «Краткий очерк истории города Киржача...» (эти книги были напечатаны во Владимире).

В поисках лучшей доли земской врач Николай Петрович Вознесенский оказался почти на самой окраине Российской империи — в Вольнской губернии, где работал врачом на железной дороге. Семья несколько лет проживала в городе Ковель.

Отдельного внимания заслуживает отец поэта. Не будет преувеличением сказать, что в своей сфере деятельности Андрей Николаевич Вознесенский был величиной такого же уровня, как и поэт в поэзии. Во всех автобиографиях и документах отца поэта было указано, что он родился в 1903 году в городе Ковеле (ныне Западная Украина, примерно в 70 км от современной границы Украины и Польши). Но исследование документов Государственного архива Вольнской области показало, что Андрей Николаевич родился не там. В метрических книгах Ковеля записи о крещении Андрея Николаевича нет. Тем не менее, факт проживания его родителей

⁸ ГАВАО. Ф. 590. Оп. 1. Д. 933а. Л. 16об.

в начале XX столетия на Волини подтверждается документально: метрическими книгами и книгами плательщиков квартирного налога по Ковелею. Здесь семья Вознесенским жила по разным адресам. В том числе и на Луцко-Шоссейной улице, в доме Фаерштейна в 1905 году⁹, то есть спустя два года после рождения отца поэта. В 1902 году «железнодорожный врач» Николай Петрович Вознесенский стал крестным отцом (восприемником) сына запасного младшего фельдшера Леонида Алексеевича Частухина¹⁰, а в 1903 году жена врача Елизавета Алексеевна Вознесенская стала крестной матерью у Анны Вайсер — дочери казака Черниговской губернии¹¹. Оба события произошли в Воскресенской соборной церкви Ковеля.

После смерти деда поэта Елизавета Алексеевна с сыном вернулись на малую родину — в Киржач Владимирской губернии. Здесь Андрей Николаевич получил среднее образование. В 1919 году (то есть в возрасте 16 лет) внук священников вступил в Российскую Коммунистическую партию большевиков и два года занимался партийной и комсомольской работой. В 1920 году А. Н. Вознесенский уехал в Петроград, где поступил в Политехнический институт. В 1921 году отец поэта участвовал в подавлении т. н. Кронштадтского мятежа¹². После окончания института он работал в Дагестане, где был председателем комиссии по изучению гидротехнических ресурсов. С 1931 года Андрей Николаевич работал в Гидроэнергопроекте, в том числе, в должности директора. Следует отметить, что вопреки утверждениям некоторых интернет-ресурсов, А. Н. Вознесенский никогда не был директором Института Гидропроект (который в настоящее время размещается в Москве, в здании на Ленинградском проспекте у метро «Сокол»). С 1937 года А. Н. Вознесенский стал главным редактором журнала «Гидротехническое строительство». После окончания Великой Отечественной войны А. Н. Вознесенский участвовал в восстановлении Днепрогэса, за что был награжден орденом «Знак Почета». Помимо этого, отец поэта был дважды награжден высшим советским орденом Ленина, орденом «Красная звезда», двумя орденами Трудового Красного знамени и медалями¹³. В лич-

⁹ ГАВолины. Ф. 262. Оп. 1. Д. 12. Л. 8об. — 9.

¹⁰ ГАВолины. Ф. 35. Оп. 9. Д. 356. Л. 184об. — 185.

¹¹ Там же. Л. 48об. — 49.

¹² ГА РФ. Ф. 9506. Оп. 68. Д. 430а. Л. 88.

¹³ РГАСПИ. Учетная карточка № 13932065.

ном деле А. Н. Вознесенского есть положительный отзыв патриарха отечественной энергетики, одного из авторов плана ГОЭЛРО Г. М. Кржижановского. А вот отзыв о Вознесенском директора энергетического института Академии наук академика А. Винтера:

«А. Н. Вознесенский широко известен как высококвалифицированный специалист и руководитель с большой эрудицией и разносторонними знаниями в области гидроэнергетики. С его участием и под его руководством проекты основных гидроэлектростанций Союза...»¹⁴

Любопытный штрих: в эпоху «железного занавеса» А. Н. Вознесенский относился к той очень узкой категории советских граждан, которой иногда был разрешен выезд за границу. Только в начале 1950-х гг. А. Н. Вознесенский, во главе советской делегации гидроэнергетиков участвовал в международных конгрессах в Италии, Австрии, Чехословакии, Индии. В середине 1950-х гг. он участвует в конгрессах во Франции и Швейцарии¹⁵.

Андрей Андреевич указывал, что после войны его семья жила в Москве, на Щипке. В документах отца поэта указан точный адрес проживания в середине 1950-х гг.: улица Большая Серпуховская, дом 31, квартира 366. В начале 1960-х гг. отец поэта переехал на Нижнюю Красносельскую улицу.

Андрей Николаевич Вознесенский был инициатором создания Института водных проблем Академии наук СССР и его первым директором (в 1967–1973 гг.). Последняя его должность — старший научный сотрудник — консультант в созданном им институте. Отец поэта скончался в 1974 году. Главным трудом жизни А. Н. Вознесенского стало фундаментальное издание «Энергетические ресурсы СССР», вышедшее в 1967 году. Эта книга не устарела и сейчас, спустя полвека после выхода в свет. О её значении сообщают ведущие сотрудники института «Гидропроект»: перед тем, как производить расчеты относительно ГЭС, не только российские гидроэнергетики, но специалисты из сопредельных стран обязательно обращаются к этой книге.

Андрей Николаевич был участником возведения многих гидроэлектростанций, в том числе и знаменитой Братской ГЭС. В этой связи отметим такую деталь: участвовал в сооружении Братской ГЭС отец одного поэта, а поэму «Братская ГЭС» написал другой

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 68. Д. 430а. Л. 93.

¹⁵ Там же. Л. 25.

известный поэт. Эту мысль автор данных строк слышал и от одного из бывших руководителей отечественной энергетики.

Итак, сегодня доказанная документальная история рода Вознесенских насчитывает уже восемь поколений.

Сокращения:

ГАВлО — Государственный архив Владимирской области РФ.

ГАВолынО — Государственный архив Волынской области Украины.

ГАИвО — Государственный архив Ивановской области РФ.

М. А. Колеров

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ

Часть 2

1. *С. Мирный* [Д. И. Шаховской, П. Б. Струве]. Открытое письмо к Николаю II (1895)
2. [П. Б. Струве]. Аграрный вопрос и социальная демократия в России (1896)
3. *Петербуржец* [П. Б. Струве]. По поводу с.-петербургской стачки (1897)
4. П. Б. Струве о «Проблемах идеализма»: П. С. О чем думает одна книга? (1903)
5. П. Б. Струве о Михайловском: П. С. Н. К. Михайловский (1904)
6. П. Б. Струве о Чичерине: П. С. Б. Н. Чичерин (1904)
7. С. Л. Франк о смерти Чехова: Н-ч. Памяти А. П. Чехова (1904)
8. П. Б. Струве об И. П. Каляеве: П. С. Казнь (1905)
9. Молодой Булгаков о еврейском вопросе: С. Булгаков. Два критерия (1905)
10. С. Н. Булгаков. Письма к Андрею Белому (1910-1911)
11. С. Л. Франк о Соловьёве и Е. Н. Трубецком: С. Франк. Новая книга о Вл. Соловьёве (1913)
12. *Петр Струве*. Большевизм и Ленин (1920). Пер. О. В. Эдельман
13. П. Н. Савицкий. О национал-большевизме. Письмо в редакцию [«Русской Мысли»]. Петру Бернгардовичу Струве (1921);

14. С. Л. Франк. Письмо к о. С. Булгакову о Бердяеве, Струве и Братстве Св. Софии (1925)

1. С. Мирный [Д. И. Шаховской, П. Б. Струве].
Открытое письмо к Николаю II (1895)¹

Вы сказали свое слово, и оно разнесется теперь по всей России, по всему культурному миру. До сих пор Вы были никому неизвестны; со вчерашнего дня Вы стали определенной величиной, относительно которой нет более места «бесмысленным мечтаниям». Мы не знаем, понимаете ли Вы то положение, которое Вы создали своим «твердым» словом. Но мы думаем, что люди, стоящие не так высоко и не так далеко от жизни, как Вы, и потому могущие видеть то, что происходит теперь в России, легко разберутся и в Вашем и в своем положении.

Прежде всего Вы плохо осведомлены о тех течениях, против которых Вы решили выступить с Вашей речью. Ни в одном Земском Собрании не слышалось ни одного голоса против самодержавной власти, и никто из земцев не ставил вопрос так, как его поставили Вы. Наиболее передовые земства и земцы настаивали или, вернее, просили лишь о единении царя с народом, о непосредствен-

¹ Впервые в печати: XXXVI. Открытое письмо к Николаю II // За сто лет, 1800–1896 / Под ред. В. Л. Бурцева. Лондон, 1897. С. 264–267. Публикуется по этому изданию. Об этом см. также: *Примечание первого публикатора В. Л. Бурцева*: «17 января 1895 года, когда представители от дворян, земств и некоторых городов явились к Николаю поздравить его с бракосочетанием, он обратился к ним с речью, в которой сделал намек на конституционные требования, высказанные после смерти Александра III в некоторых земских собраниях, в печати и в обществе. “Я, — сказал он, — рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный, покойный Родитель”. Этой речью император Николай определил главную задачу своей внутренней политики — сохранение самодержавия в России, подобно тому как это было сделано Александром III его манифестом 29 апреля 1881 года. 19 января, через день после произнесения этой речи, в Петербурге было распространено “Открытое письмо к Николаю II”».

ном доступе голоса земства к престолу, о гласности и о том, чтобы закон всегда стоял выше административного произвола. Словом, речь шла лишь о том, чтобы пала бюрократически-придворная стена, отделяющая царя от России.

Вот те стремления земских людей, которые Вы, только что вступив на престол, неопытный и несведущий, решились заклеить названием «бесмысленных мечтаний».

Для всех сознательных элементов русского общества ясно, кто подвинул Вас на этот неосторожный шаг. Вас обманули, Вас запугали представители той именно бюрократически-придворной стены, с самодержавием которой никогда не примирится ни один русский человек. И Вы отчитали земских людей за слабый крик, вырвавшийся из их груди против бюрократически-полицейского гнета! Вы увлеклись так далеко в ненужном охранении того самодержавия, на которое ни один земский человек не думал посягать, что в участии представителей земства в делах «внутреннего управления» усмотрели опасность для самодержавия. Такой взгляд не соответствует даже тому положению, в которое земство поставлено Вашим отцом, и при котором оно является необходимым участником и органом внутреннего управления.

Но Ваше неудачное выражение — не просто редакционный промах: в нем сказалась целая система. Русское общество прекрасно поймет, что 17-го января говорила Вашими устами вовсе не идеальная самодержавная власть, носителем которой Вы себя считаете, а ревниво оберегающая свое всемогущество бюрократия. Этой бюрократии, начиная с комитета министров и кончая последним урядником, ненавистно расширение общественной самодеятельности даже на почве существующего государственного порядка. Она держит самодержавного монарха вне свободно-общения с представителями народа, и самодержцы оказываются лишенными всякой возможности видеть их иначе, как ряженными поздравителями, с иконами и подношениями. И речь Ваша еще раз доказала, что всякое желание представителей общества и сословий быть чем нибудь большим, — всякая попытка высказаться перед Престолом, хотя бы в самой верноподданнической форме, о наиболее вопиющих нуждах русской земли — встречает лишь грубый окрик...

Русская общественная мысль напряженно и мучительно работает над разрешением коренных вопросов народного быта, еще не сложившегося в определенные формы со времени великой

освободительной эпохи и недавно, в голодные годы, пережившего тяжелые потрясения. И вот, в такое время вместо слов, обещающих действительное и деятельное единение царя с народом, и признания с высоты Престола гласности и законности, как основных начал государственной жизни, — представители общества, собравшиеся со всех концов России и ожидавшие от Вас одобрения и помощи, услышали лишь новое напоминание о Вашем всеисии и вынесли впечатление полного отчуждения царя от народа.

Верьте, что и на самых мирных людей такое обращение могло произвести только удручающее и отталкивающее действие. День 17 января уничтожил тот ореол, которым многие русские люди окружили Ваш неясный, молодой облик. Вы сами наложили руку на Вашу популярность. Но дело идет не только о Вашей личной популярности. Если самодержавие на словах и на деле отождествляет себя с всемогуществом бюрократии, если оно возможно только при совершенной безгласности общества и при постоянном действии якобы временного положения об усиленной охране, — дело его проиграно; оно само роет себе могилу и раньше или позже, но во всяком случае в недалеком будущем падет под напором живых общественных сил. Вы сами своими словами и своим поведением задали обществу такой вопрос, одна ясная и гласная постановка которого есть уже страшная угроза самодержавию. Вы бросили земским людям и с ними вместе всему русскому обществу вызов, и им теперь не остается ничего другого, как сделать сознательный выбор между движением вперед и верностью самодержавию.

Правда, своею речью Вы усилили полицейское рвение тех, кто службу самодержавному царю видит в подавлении общественной деятельности, гласности и законности, — Вы вызвали восторг тех, кто готов служить всякой силе, ни мало не думая об общем благе и в безгласности и произволе находя лучшие условия торжества личных узко-сословных выгод. Но всю мирно стремящуюся вперед часть общества Вы оттолкнули.

А те деятельные силы, которые не способны довольствоваться полной сделкой и уступок, трудной и медленной борьбой на почве существующего порядка, — куда пойдут они? После Вашего резкого ответа на самые скромные и законные пожелания русского общества, — чем, какими доводами удержит оно на законном пути и охранит от гибели самых чутких и даровитых, неудержимо рвущихся вперед своих детей?!

И так, какое действие произведет на русское общество первое, непосредственное обращение Ваше к его представителям?

Не говоря о ликующих, в ничтожестве и общественном бессилии которых Вы сами скоро убедитесь, — Ваша речь вызвала чувство обиды и удрученности, от которого однако живые общественные силы быстро оправятся и перейдут к мирной, но упорной и сознательной борьбе за необходимый для них простор; у других оно обострит решительность бороться с ненавистным строем всякими средствами.

Вы первый начали борьбу, — и борьба не заставит себя ждать.

Петербург 19 января 1895 г.

2. [П. Б. СТРУВЕ]. АГРАРНЫЙ ВОПРОС И СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ (1896)²

На Лондонском конгрессе представителей рабочих всего цивилизованного мира, проникнутых идеями международного социализма, будет обсуждаться аграрный вопрос. Этот вопрос и отношение к нему социальной демократии имеют огромное практическое значение для большинства представленных на конгрессе стран. Естественно, что русские социалдемократы, в качестве представителей самой большой земледельческой нации, считают нужным кратко и вполне определенно высказать как свое теоретическое понимание этого вопроса, так и практическое отношение к нему. В особенности же их побуждает к этому своеобразные хозяйственные условия и предшествующая история социалистических идей в России.

Хотя большинство населения России занимается земледелием, однако относительное распределение населения рабочего возраста по различным занятиям не может быть установлено за отсутствием статистических данных. Во всяком случае для нас не подлежит сомнению, что и до сих пор действительное значение промышленных классов в экономической жизни России в большинстве слу-

² Публикуется по первому и единственному изданию: Аграрный вопрос и социальная демократия в России // Доклад, представленный делегацией русских социал-демократов международному рабочему социалистическому конгрессу в Лондоне в 1896 году. Издание «Союза Русских Социалдемократов». Женева, 1896. С.23–32. (Приложение)

чаев недостаточно оценивается. Здесь не место распространяться об этом. Однако, важно указать на то, что именно развитие промышленности еще до законодательной отмены крепостного права привело отчасти к ослаблению крепостных оков, и местами даже создало из крестьянства промышленное население, распадающееся на буржуазию и пролетариат. Во время отмены крепостного права, ставшего невыносимым тормозом экономического развития страны, преобладающая масса сельского населения жила еще в условиях натурального хозяйства. При этом почти все великорусское ядро коренного населения России — о нерусских частях ее, как Польша, Остзейский край и проч. мы здесь не будем говорить — жило на началах так-наз. общинного землевладения, которое было удержано и законом об освобождении крестьян. После того как падение крепостного права и реформы Александра II изменили к лучшему правовое положение крестьянства и вместе с тем открыли западно-европейским идеям более широкий доступ к русской “интеллигенции”, идеологическим последствием новых социально-экономических условий явилось социалистически окрашенное мировоззрение, овладевшее умом и чувством радикальных представителей интеллигенции, — мировоззрение, чрезвычайно туманное по своим теоретическим основам и крайне наивное по своим практическим требованиям. Существенное содержание этого мировоззрения составляла идеализация первобытных, якобы, крестьянских учреждений и крестьянского натурального хозяйства с характерным для него приблизительным социальным равенством крестьян. Среди этих учреждений первое место занимало “общинное землевладение”, которому приписывалось огромное значение в настоящем и еще большее — в будущем. Его считали остатком первобытного коммунизма, призванным воспринять в себя современные социалистические идеи и послужить основой для их осуществления. Однако, такое представление о русской общине совершенно ошибочно. Новейшие исследования обнаружили его несостоятельность. С полной убедительностью они показали, что русское общинное землевладение создано, с одной стороны, властью помещиков над крепостными крестьянами, а с другой, — финансовой политикой государства. Лишь с установлением этого исторического факта стало возможным серьезное понимание как прошлого и настоящего, так и будущего общины. По своему существу, русская община есть нечто иное, как основанная на круговой поруке принудительная

организация, обеспечивающая правильное исполнение крестьянами их обязательств перед государством и помещиками. Равномерное распределение земли было лишь средством для достижения этой цели, средством, которое, при все возрастающем обременении народа государственными налогами, а также вследствие неудовлетворительности и беспомощности господствующей податной системы, оказывалось безусловной государственной необходимостью. Отсюда — принудительное введение общинного землевладения на свободном севере и у некрепостных крестьян центральной России. Не подлежит сомнению, что более или менее рациональная реформа налогов, ведущая к облегчению податного гнета, будет вместе с тем могилой русского общинного землевладения, которое, к тому же, невыгодно для беднейшей части сельского населения.

Но верный своему утопическому характеру, русский национальный социализм, т. е. народничество, очень мало беспокоился об экономии и истории. В слово “община” он вложил свое собственное содержание, нисколько не отвечающее действительности. Поскольку же народничество в самом деле ссылалось на действительность, оно являло собою своеобразное зрелище социалистического мировоззрения и социалистической партии, возлагавших свои надежды на экономическую отсталость страны, считавшуюся преимуществом России перед буржуазной Европой. Не следует, однако, забывать, что теоретическая несостоятельность этих воззрений нисколько не помещала лучшим представителям русского национального социализма быть решительными революционерами. В виду социальной и политической отсталости страны обращенная к прошлому экономическая теория отступила на задний план перед *революционной политической практикой*. Достославная борьба русских революционеров 70-х и 80-х годов, этих предтеч социалдемократии в борьбе за социализм и против самодержавия, достаточно известна. Они потерпели неудачу, именно благодаря той общей отсталости страны, которая в незрелой теории представлялась лучшей гарантией успеха социальной революции.

Между тем, экономическое развитие страны шло своим путем. Оно вело к все большему и большему распадению сельского населения на сельскую буржуазию и сельский пролетариат, к быстрому росту капитализма и промышленного пролетариата. Эти экономические перемены создали материальную почву для двух чрез-

вычайно важных идеологических процессов: с одной стороны, для превращения *революционного* национально-русского социализма в мелкобуржуазное *реформаторское* направление, а с другой — для появления и успешной пропаганды социал-демократических идей и для практической деятельности в духе этих идей. Революционное народничество не понимало происходящей в обществе классовой борьбы и значения политического прогресса для борьбы за социальное освобождение народа. Тем не менее, практически его представители были политическими революционерами. Но после того как их геройская борьба завершилась поражением, революционная практика павших на поле битвы уступила место реакционно-утопическим теориям доктринеров и резонеров. Все направление подпало быстрому мельчанию в буржуазном духе и свелось на мелкое прожектерство социальных реформ. Революционный дух сменился заигрыванием с самодержавием и подчеркиванием социальной миссии правительства. Это превращение, хотя и не случайно, но бессознательно для превращавшихся, совпадало с вытеснением натурального хозяйства денежным: — экономический процесс явился материальной основой идеологической метаморфозы.

С другой стороны, классовые противоречия среди сельского населения ускользали от внимания вследствие своеобразного правового положения крестьянского сословия и его хозяйственно-утопического утеснения помещиками, как дворянского, так и нового, капиталистического типа. Русские крестьяне, как сословие, являются, по сравнению с другими сословиями, людьми низшего порядка. По отношению к помещикам всю крестьянскую массу без различия объединяет вековая, глубоко вкоренившаяся классовая противоположность, которая по временам выражается во взрывах классовой ненависти. Все это затемняет рознь, все более и более развивающуюся в недрах самого крестьянского сословия.

До последнего времени национальный утопический социализм властвовал над революционной мыслью и настроением России. Поэтому-то представителям русской социалдемократии пришлось взять на себя чисто *критическую* работу. Распространяя *научные идеи* современного социализма и подвергая *научному анализу* экономическое положение России, они устраняли целую прочно сложившуюся социалистическую идеологию. Эта критическая работа имела огромный практический смысл. Здесь велся не ученый спор, имеющий лишь академический интерес: речь шла

и идет о последовательном проведении идеи политической самодеятельности пролетариата в его классовой борьбе и о раскрытии действительно существующих классовых противоречий. А эти вопросы и их определенное решение имеют огромное практическое значение в революционной борьбе.

В современной России существует лишь один революционный класс, который не только заинтересован в политическом перевороте, но всеми условиями своего существования прямо вынуждается жить в непрерывной войне с существующими политическими порядками. Этот класс — промышленный пролетариат. Бюрократически-самодержавный режим русского полицейского государства, в своей политике откровеннее всякого парламентского или полуконституционного правительства Западной Европы, преследует буржуазные интересы, пуская при этом в дело самые грубые средства, от которых он не может отказаться, не отрекаясь тем самым от основ полицейского самодержавия. Русское правительство не позволяет предпринимателям вступать в переговоры со своими рабочими, так как рабочим в государстве российском вообще возбраняется действовать сообща, по взаимному соглашению. Оно, не обинуясь, заявляет, что даже законные требования рабочих не могут быть уважены, пока они являются *требованиями*. Верноподданническая покорность — вот первая обязанность рабочих, вот единственное *их* право, действительно охраняемое полицией и казаками. Рядом с этим крайне протекционная политика государства создала могучую крупную промышленность, обнаруживающую все черты современного капитализма, и сосредоточила в промышленных центрах огромные массы рабочих. Совершенно бесправное положение становится и для русских рабочих все более и более невыносимым, и материальные условия их существования дадут им возможность облечь это недовольство в ошутительные для правительства формы.

Иначе обстоит дело с сельским пролетариатом. Отсталость всех экономических и социальных условий ставит *в настоящее время* всякой *систематической* и *планомерной* революционной деятельности в его среде величайшие препятствия. Сельских рабочих насчитывают в 50 губерниях коренной России три с половиною миллиона взрослых мужчин. Но большая часть этих наемных рабочих состоит из поземельных собственников, ведущих самостоятельное хозяйство. Такие крестьяне занимают промежуточное положение между неимущими сельскими пролетариями и сельской

буржуазией. Но и экономическое положение сельских пролетариев отнюдь не таково, чтобы в ближайшем будущем в них могло пробудиться резко выраженное классовое самосознание. Классовая противоположность на лицо, но до классового сознания она еще не дозрела. Эти психологические результаты социально-экономического положения сельского пролетариата в связи с его разбросанностью, его низким умственным уровнем, с его привязанностью к традициям и чрезмерной верой в царя образуют в своей совокупности непреодолимые преграды для политической и социальной агитации, стоящей вне закона. При таких условиях возможно вызвать отдельные бунты в сельском населении, но систематическая агитация, все более и более обостряющая классовое сознание, невозможна. Продукт помещичьего самовластия и государственного самодержавия — русская сельская община и поныне служит прочной опорой последнего. И дальновидные слуги русского царя, как напр., обер-прокурор святейшего синода, г. Победоносец, пресловутый министр финансов, г. Витте и т. п. прекрасно умеют оценивать по достоинству такое ее значение. «Если идея самодержавия — говорит г. Витте в записке, представленной в Государственный Совет³ — в неизменной чистоте передается от поколения к поколению и составляет незыблемую основу русского государственного устройства, то отнюдь не одной нашей интеллигенции, воспитанной в индивидуалистических воззрениях на право собственности, и тем не менее разновременно увлекавшейся самыми пагубными идеями, должна быть приписана роль хранительницы этого завета русской государственности. Он сохранен в чистоте, между прочим, именно тою русскою общиною, которая ныне заподозривается. Она — сохранила спокойный, верующий и терпеливый в бедах народ, не разбитый в «человеческую пыль», не дикое стадо, а организованный в сельские миры, являющиеся действительно снопами русского народного мировоззрения, каждую соломинку в которых переломить в отдельности не трудно, но которые в целом согнуть невозможно. И эта великая, охранительная и дисциплинирующая сила заподозривается в социализме, оплотом против которого она именно служит у нас»⁴. «Кому, как

³ «Соображения министра финансов по поводу суждений, высказанных по вопросу о мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель». С.-Петербург 1893, типография В. Киришбаума, стр. 34. (Прим. П. Б. Струве).

⁴ Г. Витте полемизирует в своей записке против министра императорского двора, графа Воронцова-Дашкова, который выставял общину опорой социалисти-

не общине, продолжает г. Витте, обязаны мы тем, что у нас нет той “черни”, которая страшным призраком давит все культурные европейские государства и грозит потопить цивилизацию Запада?” Мы, представители пролетариата, очень хорошо знаем, что когда господа, подобные министру Витте, говорят об окружающей цивилизации “черни”, они имеют в виду — пролетариат. К нашему счастью, г. министр и его товарищи работают с похвальной последовательностью над созданием того пролетариата, отсутствие которого они восхваляют как великое преимущество России.

Кроме невозможности вести успешную революционно-социалистическую пропаганду и агитацию среди сельского населения должно принять во внимание еще следующее очень важное соображение. Аграрный вопрос и практическое отношение к нему становится настоятельным делом для социал-демократии, когда промышленное население, этот исторический носитель рабочего социализма, является уже насыщенным социалистическими идеями. Мы же переживаем еще самое начало движения, когда идее классовой борьбы предстоит еще завоевать большинство населения, занятого в крупной промышленности. У нас мало сил по сравнению с ожидающей нас великой задачей, и в интересах самого дела мы должны бережно обращаться с нашими силами и прилагать их лишь там, где мы можем быть уверены в успехе и росте движения. Не следует упускать из виду еще и того, что значительная часть так называемого сельского населения России, отличающаяся относительно высоким умственным уровнем, по своим жизненным интересам связана по преимуществу с промышленностью, а не с земледелием. Мы говорим об огромной массе занятых в кустарно-капиталистической промышленности пролетариев, большинство которых состоит из номинальных поземельных собственников и таких же номинальных землевладельцев. В виду вышеизложенного вряд-ли покажется парадоксальным, если мы скажем, что именно экономическая отсталость России, в частности же земледельческий характер России, предписывает русским социалдемократам величайшую осторожность в вопросах практической аграрной политики в духе социализма.

Положение русского крестьянина крайне печально, но оно объясняется лишь отчасти и притом не преимущественно особенностями буржуазного строя. Крестьянство, как целое, страдает,

ческих стремлений. (Прим. П. Б. Струве).

прежде всего, от остатков крепостного права, от гнета политических учреждений и господствующей, крайне нерациональной, податной системы. Неверно — и по своему практическому смыслу прямо реакционно — мнение мелко-буржуазного народничества, по которому все беды русского крестьянства порождаются развивающимся капитализмом. Поэтому-то народническая программа социальных реформ в пользу крестьянства и носит такой смешанный характер. Рядом с прогрессивными требованиями она заключает в себе и в высшей степени реакционные. В виду этого, русской социалдемократии приходится, подчеркивая свою конечную цель, стремиться к тому, чтобы мероприятия в пользу сельского населения, предлагаемые мелкобуржуазными и либеральными партиями, осуществлялись в жизни без реакционных элементов. Реакционным же следует, прежде всего, признать государственный социализм. Все, что Каутский говорил против государственного социализма во время прошлогоднего обсуждения аграрной программы для немецкой социал-демократической партии, еще более приложимо к России. Так напр., обращение крестьянских земель в государственные, о котором в России хлопчут многие, считающие себя социалистами, должно быть, с социал-демократической точки зрения, отвергаемо самым решительным образом до тех пор, пока в экономических и политических условиях страны не произойдет коренного переворота. Такая мера, превратив срочные выкупные платежи в вечный, исключительно над крестьянством тяготеющий поземельный налог, явилась бы просто обирательством крестьян со стороны государства, — обирательством, которое дало бы государству возможность избежать или отложить введение неприятного для имущих классов подоходного налога. Она еще увеличила бы зависимость крестьян от государства и его чиновников. Такого рода социализм усердно насаждал “царь-жандарм” Николай I. И о каком государстве идет речь при подобных проектах? О русском самодержавно-полицейском государстве, или о том, полу-конституционном государстве, которое придет ему на смену. Русской социалдемократии вообще чужда вера в политические чудеса, и в частности она не верит в полную демократизацию русских государственных учреждений в ближайшем будущем. Отрицательное отношение к государственному социализму можно еще общее выразить в том положении, что в политически отсталых государствах социал-демократия должна относиться крайне осторожно ко всем так-называемым “практически-положительным ре-

формам”, так как этими реформами заправляет враждебное ей государство, которого она даже не в состоянии контролировать.

На основании вышеизложенных соображений русские социал-демократы приходят к следующим выводам:

Принимая во внимание, с одной стороны, преобладающий аграрный характер и связанную с ним общекультурную и политическую отсталость их страны, а с другой — постоянно растущее число промышленного пролетариата, классовая организация которого для нераздельной политической и социальной борьбы потребует в течение предвидимого будущего затраты всех сил русской социалдемократии, последняя может и должна лишь очень мало практически выступать в области аграрных отношений. Задача ее в этой области сводится, главным образом, к борьбе против реакционных поползновений, имеющих целью задержать рост силы пролетариата. Засим, русские социалдемократы полагают, что на международном социалистическом конгрессе не может обсуждаться вопрос ни о конечной цели, ни о практических путях социалдемократической аграрной политики. О первой нечего говорить потому, что превращение земли в общественную собственность и общественная организация земледельческого производства являются для каждого социалдемократа неизбежным выводом из социалистического принципа. О практических же путях не может быть прений по той причине, что различие экономических и политических условий отдельных стран не позволяет социал-демократическим партиям держаться в *этом* вопросе единообразной политики.

3. ПЕТЕРБУРЖЕЦ [П. Б. СТРУВЕ]. ПО ПОВОДУ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТАЧКИ (1897)⁵

Стачка с.-петербургских бумагопрядильщиков для многих впервые обнаружила, что в России действительно есть рабочее движение. Рабочая масса впервые выступила перед всей Россией, не как случайно возведенная толпа, а как класс, представители которого сознают общность своих интересов и действуют во имя этой общности. Рядом с массовым рабочим движением стачка обна-

⁵ Публикуется по первому и единственному изданию: *Петербургжец*. По поводу с.-петербургской стачки // Работник. № 3–4. Женева, 1897. С. III–XVI.

ружила существование в столице Российского Государства социалдемократической организации, цель которой неустанно развивать классовое самосознание рабочих и упражнять их в классовой борьбе. Отдельно одно от другого — массовые движения рабочих и социалдемократические организации существовали и до большой с.-петербургской стачки, новой была в этой стачке связь между русской рабочей массой и социалдемократическим движением. Мировой социализм только тогда сделался великой исторической силой, когда ему удалось, поняв призвание рабочего класса, стать его наукой и верой. Зародившаяся в отдельных кружках интеллигентов и рабочих, русская социалдемократия станет великой только тогда, когда она сольет своим помыслы и силы в одно неразрывное умственное и классовое движение с непосредственными нуждами и потребностями русского рабочего.

Русскими социалдемократами сделаны только первые шаги на этом пути. У них еще мало сил, а бороться приходится с почти неодолимыми препятствиями. Злейший враг русского рабочего движения — наш политический строй, обеспечивающий царю и его чиновникам полное самовластие, — каждый день требует новых жертв. Временами силы молодого движения, повидимому, совсем слабеют, и в сердца участников закрадываются мучительные сомнения. Такие события, как петербургская стачка, не могут ни долго тянуться, ни часто повторяться. За стачкой и всяким другим крупным проявлением классовой силы рабочей массы в союзе с социалдемократией наступают дни мелкой, упорной работы, полной жертв, которые подчас несравненно ощутительнее достигнутых успехов. При отсутствии **публичности** в общественной жизни, при невозможности гласно, в собраниях или печати, обсуждать существеннейшие интересы рабочего класса и настоятельнейшие задачи социалдемократии, минуты, когда затихает открытая борьба с капитализмом и правительством, кажутся бесконечно тягостными. Стачек нельзя делать; а та пропаганда и та агитация, которую можно систематически вести в момент затишья, теряют свой характер массового воздействия, естественно разбиваясь на бесчисленное множество мелких русл, которым политические условия мешают, на глазах и участников, и противников, сливаться в один могучий исток социалдемократического движения.

Нет в Европе ни одной большой страны, в которой самостоятельное рабочее движение начиналось бы при столь неблагоприятных условиях, как в России. Русские социалдемократы не мо-

гут и не должны закрывать на это глаза. В России, благодаря ее политическому строю, перед рабочим движением заложены все или почти все легальные пути; этот политический строй и существует-то потому, что все другие классы русского общества оказывались до сих пор — по тем или иным причинам — против него бессильными. **Они**, т. е. имущие классы, пользуются существующим политическим строем, **они** управляют Россией при посредстве самодержавного царя и его многоголового чиновничества, но управляют, так сказать, с заднего крыльца, как некогда помещичьей вотчиной управляли хитрые бурмистры или всесильные дворецкие, которым господа и их первые слуги говорили “ты”, хотя и плясали под их дудку. Г. Витте — покорный слуга русских капиталистов и помещиков, несмотря на то, что он держит себя с ними как барин, и подчас очень строгий. За этот маскарад капиталистов и помещиков, царя и слуг его, министров, благодаря отсутствию политических прав у русских подданных, всех тяжелее платится рабочий люд, крестьяне и фабричные рабочие. С них берут тяжелые налоги, их образованию ставятся величайшие препятствия, им не только не дают никаких прав, но еще жестоко карают за всякие попытки соединенными усилиями улучшить свое положение. На людей из других классов, которые хотят помогать рабочему народу, пробуждая в нем сознание, научая его защищать свои интересы, ставят клеймо: **неблагонадежный**. С этим клеймом нельзя быть учителем, нельзя служить в земстве, нельзя часто вообще зарабатывать себе хлеб. Это гнусное слово, которое означает, что можно думать, говорить и жить только так, как велят царь и его чиновники, во всем цивилизованном мире существует только на русском языке и для русского народа.

Итак, богатым и вообще имущим классам царь и его чиновники, худо-ли, хорошо-ли, но служат, — рабочих эти переодетые в господ слуги только давят. Давят тяжело, так тяжело, что подняться из-под этого гнета, кажется, просто невозможно. А между тем, если на Западе часть имущих классов была в непримиримой и вполне сознательной борьбе с самодержавием, в России этого, к сожалению, еще нет. Значит, с русского рабочего класса никто не сбросит первого и самого тяжелого ярма — произвола самодержавного правительства. А сам он не слишком-ли придавлен этим ярмом для того, чтобы своими силами сломить его?

Этот вопрос есть не более, не менее, как вопрос об историческом значении в русской жизни нарождающегося социалдемократического движения. Всякий сознательный социалдемократ должен

поставить его себе, вникнуть в его трудности и разобраться в них. Только на прочном, критически продуманном, научном убеждении может быть построена та великая вера, которой требует от нас, социалдемократов, рабочее дело, вера, которая не должна шататься ни от каких неудач, ни от каких потерь. В короткой статье нельзя осветить этот вопрос со всех сторон. Но мы и хотим лишь поставить его и пометить главнейшие соображения, в силу которых мы держимся следующего убеждения: **русское рабочее движение, проникнутое социалдемократическими идеями, будет главнейшей силой, которая своим непрерывным развитием низвергнет существующий в России политический строй, основанный на полном беспрепятствии народных масс и отдельных личностей.**

Россия — единственная в Европе страна, в которой современная крупно-капиталистическая промышленность и пролетариат развиваются при господстве самодержавия. Ни одна страна при **таких** политических условиях не обладала **такою** промышленностью. Ни в одном из государств европейского материка нет такой мощной, сосредоточенной в столь огромных предприятиях, хлопчатобумажной промышленности, развившейся при том исключительно на удовлетворении потребностей внутреннего рынка, — как в России. Но еще за более короткое время, чем хлопчатобумажная промышленность, возникли и выросли у нас каменноугольное и железодобывающее производства. Рынок для русской промышленности будет еще долго расти, легко и само собой, по мере того, как страна будет все более покрываться железными дорогами и ее окраины сближаться с производительными центрами, — Петербургом, Москвою, Лодзью, Екатеринославом и др. Таким образом, внутри самой России в громадных размерах совершается разделение народного труда на земледельческий и промышленный. Мы стоим лишь в самом начале этого великого по своим экономическим и политическим последствиям переворота, но уже теперь обладаем абсолютно огромным пролетариатом. Практически безграничный рост русской промышленности обеспечивает такой же рост и русскому пролетариату. Юный великан — русский капитализм — родился на свет и будет расти и крепнуть со своим близнецом — русским пролетариатом. Так было всюду, где развивался капитализм, и Россия, вопреки всем уверениям так назыв. “народников”, не есть та страна-дура, для которой никакие законы не писаны. Растущая промышленность и торговля и преобразуемое ими земледелие требуют и сами создают иных людей, чем допотопное

дедовское хлебопашество, да убогие кустарные промыслы. Почему теперь все стали кричать так много о народном образовании? Потому, что хозяйственные нужды, изменившиеся экономические условия не мирятся больше с поголовной неграмотностью и невежеством народа. А грамотный народ не может не читать книжек и газет, и не выделять из своей среды все большего и большего числа людей, которые задумываются над общественными вопросами, будят мысль других и увлекают их словом и делом.

В особенности такие последствия должна производить грамотность в среде рабочего класса. Он сосредоточен в огромных массах в больших городах, где всегда и всюду, — даже в отсталой России — относительно много образованных людей. Огромному большинству рабочих нет выхода из своего класса. Пробудившаяся мысль и пылливость рабочего направляется, поэтому, не на личное благополучие, а на интересы и задачи всего класса, всего народа или даже всего человечества. Интересы же всего рабочего класса стоят в непримиримом противоречии с существующим политическим строем. Образованный, развитый рабочий не может не знать, что **только в России** рабочим запрещено устраивать стачки, собрания и союзы, что **только русские** законы о печати не дают говорить об интересах и задачах рабочих, как особого класса. У нас, правда, существует фабричное законодательство, но не то, что наше жалкое, а даже самое совершенное фабричное законодательство не может обнять всех сторон жизни рабочих. Правительство путем фабричных законов может сократить рабочее время и устранить наиболее вопиющие безобразия фабричных порядков. Но есть одна сторона в жизни рабочих, и при том самая важная для них, относительно которой совершенно бессильно самое лучшее рабочее законодательство: это — столкновения и споры между хозяевами и рабочими о высоте заработной платы. Для того, чтобы добиться повышения заработной платы или не допустить ее падения, — рабочие должны требовать и вообще действовать сообща. Это для них при капиталистическом строе единственный путь для улучшения своего положения или, по крайней мере, для поддержания его на существующем уровне. Недаром всюду, чем больше развивается капиталистическая промышленность, тем все более и более личный, индивидуальный договор отдельного рабочего с капиталистом вытесняется договором, условия которого обсуждаются, принимаются, поддерживаются и изменяются сообща, целой группой рабочих.

В наиболее развитых отраслях английской крупной промышленности и высота заработной платы, и все прочие условия труда устанавливаются волей и решением не отдельных рабочих, а — целых, более или менее обширных рабочих союзов. Между тем, в России рабочим запрещены всякие действия сообща. Но, раз условия капиталистической промышленности сами делают необходимым, чтобы рабочие сообща устанавливали уровень заработной платы, сообща боролись за ее повышение и против ее понижения, то не значит-ли это, что политический строй, не допускающий такой борьбы со стороны рабочих, должен напоминать пролетариату о своем несоответствии с его интересами, напоминать постоянно и в растущей мере? Ведь чем развитее будет рабочий класс — а наша капиталистическая промышленность нуждается в повышении умственного уровня рабочего — тем лучше он будет сознавать своим интересы. Само фабричное законодательство, напр., нормировка рабочего дня, на которую, быть может, после петербургской стачки и решится правительство, должно поднять рабочего, усилить его классовое самосознание и тем укрепить для классовой борьбы, которая, при существующих политических условиях, всегда и прежде всего будет и должна быть борьбой против этих условий.

Вот почему рабочий класс в России есть единственный революционный класс: он не только страдает от существующего политического строя, как земледельцы-крестьяне, он всем своим положением вынужден и с каждым годом все более и более будет вынужден вести борьбу с самодержавием царя и самовластием чиновников. Лишь в нем всегда возможны массовые движения, которым не могут положить предела никакие правительственные мероприятия, ни фабричные урядники, ни фабричные инспектора, лишь рабочих, как целый класс, грамотность и образование будут толкать на осуществление задач, непримиримых с общественным бесправием. Современное русское правительство не может позволить рабочим устраивать стачки, союзы и собрания: если даже сегодня рабочий класс и воспользуется этими средствами лишь для борьбы с капиталистами, то завтра он, в союзе с другими недовольными элементами общества, обратит их против правительства для того, чтобы завоевать себе дальнейшее расширение прав. А такое расширение может уже произойти только на счет самодержавия. Таким образом, самодержавное правительство **должно преследовать** рабочее движение, а рабочий класс, добывающийся

простора для самостоятельности и классовой борьбы, **должен бороться** с самодержавием. Это — две силы, между которыми не может быть ни мира, ни даже временного перемирия.

Правительство может арестовывать, сажать в тюрьмы и высылать отдельных агитаторов и неблагонадежных, но оно не в силах ни остановить роста промышленности и пролетариата, ни сколько-нибудь успешно преградить в последнем постепенный, но верный рост классового самосознания. Наоборот, правительство вынуждено развивать промышленность и пролетариат, и само, укрепляя сердце, противореча себе и отступая на каждом шагу, расширять народное образование. Таким образом, оно само вызывает к жизни силы, которые сломят его. О русском рабочем движении можно сказать: оно столь прочно коренится в экономическом и культурном развитии страны, что не будь его сегодня, оно должно было бы явиться завтра.

Русскому рабочему классу нужна политическая свобода для того, чтобы вести соединенную экономическую борьбу за лучшие условия труда, чтобы беспрепятственно учиться, словом, для того, чтобы лучше жить. Но потребность в свободных учреждениях чувствуется и во всех других слоях русского народа, даже самими привилегированными классами, которым так открыто служит русское правительство. Экономическая жизнь страны с каждым годом все более и более усложняется, и управление ею из канцелярий и дворца становится все менее и менее удобным для управляемых, даже для тех, в интересах которых хозяйничают царь и его чиновники. Отдельные капиталисты могут выигрывать, отстаивая свои интересы забеганием в кабинеты министров и директоров департамента; целому классу удобнее и гораздо вернее проводить свои требования, оказывая на правительство непосредственное давление, как политическая сила, как избиратели, как народные представители, без согласия которых правительство не может израсходовать ни одной копейки, не может провести ни одного нового закона. Таким образом, и среди самих капиталистов и даже части помещиков должно развиваться сознание несостоятельности существующего политического строя.

Если даже и эти классы, интересами которых так открыто служит самодержавное правительство, в конце концов не могут не почувствовать охоты взять защиту своих интересов в собственные руки, то что же сказать о крестьянах, мелкой городской буржуазии и, наконец, о том пестром слое, который зовется интеллигенцией? Они от современных политических порядков только страдают.

Интеллигенция, в лице своих наиболее энергичных и радикальных представителей, должна слиться с рабочим движением. И чем скорее выступает **политическая** задача этого движения, тем легче слиться с ним наиболее сознательным элементам интеллигенции. Интересы русской интеллигенции никогда не мирились и теперь еще менее, чем когда-либо, мирятся с политическим бесправием. Через всю русскую историю XIX века тянется борьба известного слоя русского образованного общества с самодержавным произволом. Борьба эта, как ни безуспешна она была до сих пор, породила множество духовных сил: сознательно или бессознательно, на этой борьбе воспиталась и выросла русская литература и ее великие представители. Духовные силы интеллигенции и умственные сокровища литературы сами по себе, конечно, недостаточны для того, чтобы завоевать русскому народу политическую свободу. Но соприкосновение с революционным общественным **классом**, с классом рабочих, превратит эту дремлющую духовную силу в силу действующую и общественную.

Борясь за политическую свободу, русский рабочий класс и слившаяся с ним революционно-социалистическая интеллигенция будут отстаивать, вместе со своими жизненными классовыми интересами, **общенародное** дело, будут ясно высказывать то, что смутно чувствуется всем народом, самые существенные нужды и желания которого упираются, как в стену, в царское самодержавие.

Россия уже давно не живет замкнутой хозяйственной и культурной жизнью; связь ее с остальной Европой непрерывно растет. Западно-европейские идеи, прежде бывшие достоянием кучки богатых и образованных людей, не могут при этом не проникать все глубже и глубже в русский народ. Простое знакомство с тем, как живут на Западе, есть могущественное средство пропаганды и агитации. В то же время, сама Западная Европа, не смотря на все реакционные отливы, быстро и неудержимо демократизируется. Это значит, что народные массы начинают все больше и больше **сами** управлять своею жизнью. В этом процессе демократизации пролетариат с его нуждами и идеалами играет первую роль. Демократизация Европы знаменуется ростом социальной демократии, представляющей собою организованную политическую силу рабочего класса. Самодержавная Россия не в силах отгородиться никакой стеной от демократической Европы. Сама становясь в экономическом отношении европейской страной, Россия может, или вернее, не может не брать у Европы готовых демократических идей,

теперь, когда они, благодаря новым внутренним условиям русской жизни, вполне пригодны для России, т. е. для тех общественных сил в ней, которые не в состоянии развиваться без политической свободы. Перед таким ходом вещей бессильно всякое правительство, отказываются служить всякие полицейские средства.

Даже, если бы в России не существовало внутренних революционных сил, достаточных для низвержения самодержавного строя, этот строй рано или поздно неминуемо столкнулся бы с европейской социальной демократией и разбился бы о нее. Близкое торжество демократии (буржуазной в союзе с рабочей)⁶ в Германии — если оно произойдет раньше падения нашего самодержавия — возвестит последнему его неминуемую кончину. Русское самодержавие **во всяком случае** осуждено историей на смерть в очень недалеком будущем.

На Западе, тотчас после известий о петербургской стачке, все, и пролетариат, и буржуазия, поняли, что совершается важное историческое событие, которое начинает и отмечает собою новый ход вещей в великой восточно-европейской стране. **Русская революция нашла, наконец, народ:** она объявилась на глазах всех западно-европейских людей в том классе, который, по собственному опыту Запада, является призванным носителем революционной энергии.

Русское рабочее дело — верное дело. И сколько жертв ни берет и ни будет оно брать, — все они дадут обильную жатву. В этом верном деле заинтересован не один рабочий класс, но вообще все русские люди, которым не в терпез общественное бесправие. Тем или другим способом помогая рабочему делу, всякий русский человек будет двигать вперед великое общенародное дело: **завоевание политической свободы.**

4. П. Б. СТРУВЕ О «ПРОБЛЕМАХ ИДЕАЛИЗМА»: П. С. О ЧЕМ ДУМАЕТ ОДНА КНИГА? (1903)⁷

Несколько месяцев тому назад вышел в Москве сборник философских статей разных авторов под заглавием «Проблемы идеа-

⁶ Или наоборот. (Прим. П. Б. Струве)

⁷ П. С. О чем думает одна книга? // Освобождение (Штуттгарт). № 18. 2 марта 1903. С.311–312.

лизма». Это коллективное произведение обратило на себя всеобщее внимание и такое внимание, думается нам, не лишено основания. Нам хотелось бы остановиться на одной стороне выступающего этой книгой и в этой книге умственного течения. Произведения, выходящие в пределах русской цензурной опеки, поневоле не высказывают всего того, что они думают. «Проблемы идеализма», к тому же, занимаются, главным образом, так называемыми отвлеченными вопросами. Но эта отвлеченная книга, не высказываясь прямо о жгучих политических и общественных злобах дня, все-таки думает о них, ими живет и болеет. В каждой ее строке присутствует живая и действенная мысль о той правде и свободе, которые должны быть внесены в русскую жизнь, в отмену властвующих над ней лжи и произвола. «Проблемы идеализма» знаменуют собой укрепление и расширение того союза между идеализмом философским и идеализмом практически-политическим, начало которому положил своей блестящей публицистической деятельностью Владимир Соловьев.⁸ Этот союз нужен и для философской мысли, и для дела освобождения. Философия не может равнодушно взирать на то, что правда и право попираются в жизни; борцы за освобождение не могут не искать поддержки в вечных идеях права и свободы. Для русской идеалистической философии дело ее самопознания и ее чести — быть на стороне свободы и права; для русского освободительного движения тоже дело его самопознания и его чести возвести себя к высшим и непререкаемым идеям, отказаться от которых означало бы для человечества открыть двери звероподобию. Мы знаем, что есть деятели, убежденные, искренние деятели освобождения, которые вовсе не разделяют философского идеализма и готовы всячески оспаривать это мировоззрение. Это — их право. Но пусть за нами, сторонниками идеализма, будет признано и наше право: делу освобождения давать дорогую для нас идеалистическую санкцию, а идеализму находить жизненное оправдание и воплощение в деле освобождения.

⁸ Отмечая публицистическую заслугу Соловьева, мы считаем нужным оговориться, что его богословствование не только не было в согласии с философским идеализмом, но наоборот, в корне ему противоречило, представляя не более, не менее, как грубейший вид *богоматериализма*, или материалистической теологии. Яркий образчик этого теологического материализма дан Соловьевым в том философско-беллетристическом перелицевании богословско-христианского учения о конце мира, которое мы находим в «Трех разговорах» (Прим. П. Б. Струве).

5. П. Б. СТРУВЕ О МИХАЙЛОВСКОМ:
П. С. Н. К.МИХАЙЛОВСКИЙ (1904)⁹

В дни тяжёлого и грозного испытания Россию постигла крупная потеря, и тем чувствительнее эта потеря. Ушёл с жизненного поприща человек больших заслуг и большого таланта.

Лучшие идеалы человечества всегда окрыляли его мысль. Это был философ общественности, но не холодный отвлеченный мыслитель, а писатель-борец, наложивший печать своего духа на самые заветные думы, чаяния и действия целого поколения. В его писаниях многие самоотверженные борцы за лучшее будущее русского народа находили и находят теоретическую опору для своих стремлений. Имя Михайловского — вместе и рядом с именем Лаврова — неразрывно связано с историей русского освобождения. И больно думать, что в момент, когда Россия ускоренным шагом стала идти к разрешению великих исторических задач, этого крупного испытанного в боях человека, на которого можно было положиться, как на каменную гору, не стало среди нас. В той великой, подлинной национальной борьбе, которая ведется непрерывно за благо и достоинство русского народа с темными силами, гнетущими его на родной почве, не стало одного из самых лучших, из самых крепких. Горько за него, горько за нас, что он не смог встретить вожденный день освобождения словами: «Ныне отпускаеши».

Мы лучше всего почтим память Михайловского, если, верные тем освободительным идеям, которые покойный защищал с таким блеском и с такой непреклонностью, будем дружной ратью бороться за самоопределение общества и всестороннюю свободу личности.

6. П. Б. СТРУВЕ О ЧИЧЕРИНЕ:
П. С. Б. Н. ЧИЧЕРИН (1904)¹⁰

В лице Б. Н. Чичерина сошел в могилу крупный ученый и общественный деятель. В теплом некрологе Чичерина, помещенном

⁹ П. С. Н. К. Михайловский. Некролог // Освобождение. № 17 (41). Штуттгарт, 5 февраля (18 февраля) 1904. С. 297.

¹⁰ П. С. Б. Н. Чичерин. Некролог // Освобождение. № 18 (42). Штуттгарт, 19 февраля (3 марта) 1904. С. 323.

в «Праве», А. Ф. Кони усиленно подчеркнул непоколебимость убеждений покойного. Нам думается, что Чичерин, наоборот, ценен именно как образец честной коренной ломки убеждений, ломки философской, политические выводы из которой были лишь необходимым логическим следствием. Начав с культа государства и власти (теоретически сопряженного с социологическим материализмом в духе Л. ф.-Штейна), Чичерин закончил культом личности и свободы. Из этой общей эволюции взглядов Чичерина вытекли и частные перемены огромной практической важности. Сначала сторонник подавляющей государственной власти в России и ее орудий, защитник самодержавия и сословного строя, он стал под конец жизни, в качестве окончательно укрепившегося в своей позиции идеалиста и умудренного опытом политика, решительным врагом русского самодержавия и сословных привилегий.

Нас, как последовательно убежденных демократов, конечно не удовлетворяет недемократический либерализм Чичерина, но, несмотря на это коренное разногласие, мы высоко ценим его литературную и политическую деятельность и вменяем ему в огромную заслугу перед Россией блестящее политическое заветование потомству — изданную в Берлине (за подписью «Русский патриот») книгу «Россия накануне XX-го столетия». В этом произведении, принадлежность которого Б. Н. Чичерину теперь нет более никаких оснований замалчивать, с замечательной силой и убедительностью разъяснено, что исторической задачей времени в России является — порвать с самодержавием.

7. С. Л. ФРАНК О СМЕРТИ ЧЕХОВА: Н-ч. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА (1904)¹¹

Удар за ударом валится на нашу несчастную, многострадальную родину. Среди бедствий войны, среди всеобщего смятения и подавленности, от нас безвременно ушел великий писатель, — можно смело сказать, величайший, после Льва Толстого, художник современной России. Как личность, А. П. Чехов стоял вдале-

¹¹ Н-ч. Памяти А. П. Чехова // Освобождение. № 52. Штуттгарт, 19 июля (1 августа) 1904. С.42–43.

ке от политической и общественной борьбы, и в своих творениях почти болезненно старался избегать этой стороны русской жизни. Его интересы были прежде всего направлены на ряд общечеловеческих чувств и настроений. Огромный художественный дар сочетался в нем с глубокой нравственно-философской натурой. У него было своеобразное, трогательное мирозерцание, соединившее идеализм с скептицизмом, беззаветную любовь к правде с глубоким безверием; в этом отношении он напоминал великого русского художника-публициста Герцена. Он был бытописателем пошлости, присущей всякой жизни, и той вечной борьбы, которую ведет с ней неистребимое влечение к высшей правде и чистоте. Но, несмотря на это, или, вернее, именно в силу этого общечеловеческого момента, Чехов, как и все великие русские писатели, выразил и воплотил в своих произведениях целую эпоху русской общественности. Известно, какой отпечаток наложила на настроение и творчество Чехова реакция 80-х гг. — тот ужасный период, когда самодержавию на время удалось подавить и развратить русское общество. Чеховские типы — типы бессильных и разочарованных людей, образы молодых жизней, физически или морально гибнущих в борьбе с дикими условиями быта, с засасывающей силой зла и пошлости — послужат будущему историку лучшей иллюстрацией для темы, которая будет озаглавлена: *растлевающее влияние самодержавия на русскую жизнь*.

Но ещё выше этого исторического значения стоит общественно-этическое значение Чехова. Великий искатель цельной правды, он подсматривал своим острым художественным чутьем оттенки фальши, недоговоренности и половинчатости даже в лучших стремлениях той русской интеллигенции, к которой сам принадлежал. Его суровое отрицание, его горькая насмешка надолго останутся лучшим лекарством против этих типичных нравственных язв, привитых русскому обществу тем же гнетом самодержавия. И не пустыми хвалами, не громкими, скоро забываемыми словами, которые всегда лицемерны и которые так не любил покойный, мы должны почтить память Чехова; воздать должное этой могиле мы можем лишь тем, что дадим твердый зарок — мужественно и непоколебимо стоять за правду, так чтобы и в личной нравственной жизни, и в великой общественной борьбе наших дней слово никогда не расходилось у нас с делом, дело не отставало от слова.

8. П. Б. СТРУВЕ ОБ И. П. КАЛЯЕВЕ:
П. С. КАЗНЬ (1905)¹²

Каляев казнен. С тем же мужественным благородством, с каким он совершил свое дело, взошел он и на эшафот. Чиновникам, присутствовавшим при казни, он сказал: «передайте моим друзьям, что я умираю с радостью и что я буду всегда с ними». Со своей матери он взял клятву, что она не будет ходатайствовать об его помиловании; узнав от матери, что его собираются помиловать, он написал министру юстиции, что считает, в качестве революционера, своим долгом отказаться от помилования. Священника он принял как человека, а не как духовника.¹³

Есть что-то невыразимо обаятельное в этих русских людях с мягкими сердцами, с поэтическими душами и с негибимой железной волей, ведущей к убийству из чувства долга. В этих личностях и в их действиях трагедия русской жизни достигает своей высшей точки, в которой нравственная красота сочетается в неразрывное единство с религиозным ужасом.

Казнь не может ничего убавить от этой красоты и ничего прибавить к этому ужасу. Казнь совершена над ним, — его личности она не коснулась.

Но мы не можем мириться с этой казнью, с ее потайным, воровским характером. Всякая настоящая казнь гнусна и отвратительна. Гнусно в ней то, что люди убивают человека, находящегося в полной их власти и потому для них уже безвредного, значит, убивают объективно бессмысленно; казнь и субъективно бессмысленное убийство, ибо оно совершается без всякого движения души, без риска, безошибочно: убивают не люди, а государство руками палача. Все, что есть человеческого в любом самом мерзком убийстве, совершенно отсутствует в казни. Она, настоящая казнь с ее обязательной троицей — прокурором, священником и палачом — совершенно безлична и холодна. Она есть самое гнусное, более того, абсолютно гнусное убийство.

Гнусное убийство Каляева презренной рукой палача бесильно оскорбить героическую личность этого трагического, религиозного, святого убийцы. Но оно оскорбляет нас, и мы

¹² П. С. Казнь // Освобождение. № 71. Париж, 31 мая (18 мая) 1905. С. 351.

¹³ Сообщение петербургского корреспондента «Daily Telegraf» (№ от 25 мая) (Прим. П. Б. Струве).

не можем молчать об этом, тем более не можем, что мы ответственные за совершенное им убийство, а потому виновны и в его казни...

Когда министр юстиции Манухин доложил Николаю II о том, что сенат отверг кассацию и смертный приговор, таким образом, вступил в законную силу, Царь, ничего не отвечая, отошел к окну и забарабанил пальцами по стеклу. Ответа на сообщение Манухина так и не последовало.¹⁴ Царь, молча барабая пальцами по стеклу, открывал двери палачу. Не в первый раз!

Когда же, наконец, нация, воспрянув, положит конец гнусной и смардной язве самодержавия?!

9. Молодой Булгаков о еврейском вопросе: С. Булгаков. Два критерия (1905)¹⁵

В газетах опубликован журнал комитета министров относительно наблевшего еврейского вопроса. Комитет признал, что с «государственной точки зрения вопрос этот имеет только одно решение — полное уравнивание евреев в правах с прочими гражданами». Однако комитет не осуществил своего решения, представив его будущему народному представительству, с следующей характерной мотивировкой: «Общинно-расовые стороны вопроса заставляют принять иное решение, так как уравнивание евреев в правах с прочим населением может нарушить его интересы, не ограждая экономического быта от еврейского влияния и вместе с тем может возбудить в нем недовольство, которое выразится в явлениях, прискорбных и нежелательных», и т. д. Аргументация эта, типичная для бюрократии, весьма характерна по своему общему основанию, ибо мировоззрение, положенное в ее основу, является весьма распространенным среди националистов всех времен и народов.

Есть два способа отношения к отдельным людям и к целым национальностям, представляющим собой тоже духовные организмы, собирательные индивидуальности: можно видеть в личности самоцель, абсолютную ценность, такую же, как и со-

¹⁴ Сообщение нашего корреспондента (Прим. П. Б. Струве).

¹⁵ С. Булгаков. Два критерия // Сын Отечества. № 113. СПб., 28 июня (11 июля) 1905. С. 1.

ответствующая персона, или же просто вещь, которая рассматривается в качестве средства для посторонних, внешних целей и не имеет никаких прав и собственных притязаний. В первом случае мы имеем всепожирающий эгоизм, признающий весь мир и все человечество существующим только для своего я. Перенесенный в область национальных отношений, он перерождается в национализм, смотря по обстоятельствам, то кроткий и благодушный, то — гораздо чаще — хищнический и насильнический. Во втором случае мы имеем единственно нормальное человеческое отношение, которое предписывает нам совесть, внятно говорящая: уважай чужую личность и чужую национальность, как свою собственную. Вот два непримиримых, противоречащих критерия: национальный эгоизм, государственный утилитаризм, политика государственного интереса, с одной стороны, требования национальной совести, международного братства, христианской любви и свободы — с другой. Во имя так называемого государственного интереса, верно или неверно понятого национального эгоизма, совершались и совершаются те международные преступления, которые дали повод Вл. Соловьеву метко назвать эту политику международным людоедством. Во имя государственного интереса, хотя и совершенно своеобразно понятого, натравливаются национальности одна на другую. Отношения же, наоборот, второго типа являются редким исключением, хотя должны быть общим правилом.

Конечно, не всегда теория «интереса» подсказывает одни только жестокие репрессии к другим народам, которые нам так известны.

Но если не везде от этого принципа льется кровь в войнах внутренних и международных, то очень часто творится насилие, хотя и бескровное, но не менее преступное. Нужны примеры: гакатизм^[16] в Германии, Ирландия, Индия и Трансвааль в Англии и т. д. и т. д. И, самое главное, такие случаи всегда возможны, пока руководящим критерием в национальном вопросе остается государственный интерес, пока грубый утилитаризм применяется там, где существуют абсолютные ценности, неприкосновенные святыни, пока политика международного пожирания не вы-

¹⁶ [Hakatism / Hakatismus — германский империализм на польских этнографических территориях. — М. К.]

зывает принципиального осуждения. Нужно совершенно отказаться от первого критерия и принять второй — признать идеальное достоинство человеческой личности и естественные права на существование и самоопределение всякой национальности, хотя бы ее совершенно легко мог поглотить современный Левиафан.

Пред нашей освобождающейся родиной, пред будущим народным представительством стоит сложный и трудный национальный вопрос, взвинченный до последней степени всей нашей историей и особенно последними событиями, плодом государственного разума бюрократии. И перед волей и совестью освобожденного народа предстанет вновь то же самое искушение: соблазнительная легкость вопросы совести и человеческого достоинства решить соображениями государственного утилитаризма и национально-эгоистического расчёта [sic]. Конечно, мы знаем, что существующие формы национального угнетения погибнут вместе с отжившим строем и не воскреснут, но этого мало: нужно отвергнуть искушение целиком, в самом корне признать и провести в жизнь принцип национального самоопределения без всяких ограничений, если бы даже «господствующей» нации пришлось при этом потерпеть, принести заслуженное искупление за свои национально-исторические грехи. Конечно, политика совести есть самая мудрая и, в конце концов, самая практичная. Но националистическая политика должна быть осуждена не только потому, что не расчётлива [sic], но прежде всего потому, что она — преступна и во всяком случае следует предпочесть даже заведомо нерасчётливую политику преступной, ибо лучше рыцарство, чем хамство, и неужели любовь к своему народу заставляет желать для него роли насильника? Допустим на один момент, что опасения совета министров справедливы, и эмансипация евреев действительно тяжело отзовется на русском народе. Следует ли отсюда, что терпимо дальнейшее существование ограничения прав? никоим образом. И соображения утилитаризма, т. е. национального эгоизма, должны быть совершенно отброшены там, где они сталкиваются с высшими этическими обязанностями народов. И если кто-нибудь упрекнет нас за это в отсутствии патриотизма, который нам проповедует националистическая пресса, мы ответим вместе с Вл. Соловьёвым: «лучше отказаться от патриотизма, чем от совести».

10. С. Н. БУЛГАКОВ.
ПИСЬМА К АНДРЕЮ БЕЛОМУ (1910–1911)¹⁷

1.

[Москва] Б. Афан<асьевский> пер., д 22, кв. 12. Среда,
6 окт<ября> 1910.

Дорогой Борис Николаевич!

Если Вы свободны завтра, т. е. в четверг 7 октября вечером, то доставите мне большое удовольствие, если зайдете ко мне провести вечер. Я звонил к Вам из Мусажета,¹⁸ но Вас не было. Если Вам можно, то не зайдете ли Вы по дороге за Мих<аила> Ос<иповича> [Гершензоном] (или скажете ему в телефон, которого я сам не имею). Вл<адимир> Фр<анцевич> [Эрн] будет, Гр<игорию> А<лексееви>чу [Рачинскому] я пишу. Ваш С. Булгаков.

2.

13–17 декабря 1910. Москва. Б. Афан. пер., д. 22, кв. 12

Дорогой Борис Николаевич!

Только теперь удалось мне, наконец, прочесть «Серебряного Голубя»¹, и я испытываю неодолимую потребность сказать Вам слово благодарности, восторга и радости и за Вас, и за Ваших читателей. Я совершенно потрясен Вашей книгой. В ней Вам удалось, нет, дано Вам такое проникновение в народную душу, какого мы не имели еще со времен Достоевского. В ней совершилось чудо художественного ясновидения. Пред Вашим творчеством распахнулись сокровенные тайны народной души в ее натурально-мистической и, как Вы со всей силой показали, неизбежно демонической стихии. За Вашим романом для меня оживал и Розанов, и становился понятен соблазн петербургских радений, и «глубины сатанинские» мистического сектантства. И, хотели ли бы Вы этого или не хотели, но то, что в Вас — эмпирическом — больше Вас, — Ваш дар, такой ответственный и страшный, явил такое

¹⁷ Два письма из пяти (от 13–17 января 1910 и от 13 февраля 1911) впервые (с небольшими пропусками и неточностями) опубликованы И. Б. Роднянской по автографам: С. Н. Булгаков. Письма Андрею Белому // Новый мир. М., 1989. № 10. С. 238–241. Здесь впервые публикуются полностью по рукописным оригиналам: ОР РГБ. Ф. 25. К. 10. Ед. хр. 10.

¹⁸ Адрес издательства «Мусажет»: Москва. Пречистенский бульвар, дом 31.

разительное свидетельство истины Церкви, которая одна спасает нас от всех чар кудеяровских, изгоняет бесов, дает мужественную, а не пассивную, женственную жизнь духовную. Вам приходится нести и крест своего служения, холодное непонимание, равнодушие толпы, но это хороший знак, Вы сами это знаете. Но рано или поздно поймут и услышат Вашу художественную речь.

Я слишком высоко ценю «С<еребряного> г<олубя>», а еще больше Вас самих, чтобы не высказать Вам и того, что меня в Вашем творчестве тревожит. Оставляю невыработанность и нервность формы, шаржи, вообще нервную торопливость письма, все это и исправимо, и ясно для Вас самого, да и не мое это дело, эстетическая критика. Я болею за Россию и за глубочайшего из современных ее художественных истолкователей, и поэтому спрашиваю себя: неужели он не видит — художественно не видит — в теперешней мистической России никого, кроме Кудеярова и последователей его Матрены, а в церковной (хотя бы и исторической) стихии ничего, кроме быта и маски попа Вукола? Но в таком случае откуда же воссияет свет Саров третьей части? Разве он не оттуда же идет и разве он там не ведет борьбу с кудеяровщиной? Я выражаю Вам свои недоумения и страхи и думаю, что знаю и, если бы был художником, мог бы художественно доказать и показать это, что «сей народ богоносец», хотя и в избранных своих. Но, когда я отдаюсь надежде, что Вам с такой же художественной силой дано будет [изобразить]¹⁹ показать [в образах]²⁰ свет, как Вы изобразили и тем обличили тьму, меня охватывает радостное волнение, а вместе и тревога за Вас, который обременен такой миссией, в котором зреет это слово. Да осияет Вас, дорогой Борис Николаевич, этот Саровский свет на путях Ваших и да охранит он Вас от мстительного кудеяровского зла!

Сегодня я получил Вашу открытку, в которой Вы забыли-таки сообщить свой адрес, так что я посылаю и это письмо и свою книгу²¹ наудачу, быть может, по неверному адресу. Желаю Вам света и покоя и в личной Вашей жизни, и в работе. Здесь, в Москве, трудно жить и трудно сосредоточиваться, и жизнь ставит такие трудные требования, которым не чувствуешь силы как сле-

¹⁹ Зачёркнуто.

²⁰ Зачёркнуто.

²¹ С. Булгаков. Два града: Исследования о природе общественных идеалов. Т. I–II. М., 1911

дует удовлетворить (основная черта моего всегдашнего самочувствия). Елена Ивановна [Булгакова] Вас приветствует. Желаю Вам счастливых праздников и нового года. Крепко жму Вашу руку. Любящий Вас

С. Булгаков.

Р. С. Я получил еще большой короб бумаг А. Н. Шмидт, но большинство неудобочитаемо, хотя есть и интересные материалы.

3.

11. I. <19>11. Мск. Б. Афанас. пер., д. 22, кв. 12.

Дорогой Борис Николаевич!

Спасибо Вам за память и за приветствие. Взаимно приветствую Вас с новым годом и шлю Вам от всего сердца наилучшие пожелания как в личной Вашей жизни, так и в творчестве Вашем.

К своему огорчению, на днях я получил обратно посланную Вам в Палермо (в Hôtel des Palmes) заказной бандеролью свою книгу «Два града», которая совершила т.обр. путешествие на «запад» и была им отвергнута обратно на «восток». Но ещё более мне жаль, что, очевидно, не дошло до Вас и одновременно написанное под непосредственным впечатлением прочтения «Серебряного Голубя», который произвёл на меня огромное впечатление и кажется вообще литературным событием первостепенной важности.

Говорю Вам за него сердечное спасибо и как читатель и как религиозно- и притом церковно настроенный человек. Вы проявили в нем исповедание истинного художника и затащили в самые глубины души народной, насколько она охвачена чарами натуральной демонической мистики. Горячо приветствую Вас от себя и Елены Ивановны. Любящий Вас С. Булгаков.

4.

Москва. 23. I. <19>11.

Дорогой Борис Николаевич!

Настоящим письмом хочу только известить Вас по Вашему последнему адресу, что я два раза уже Вам писал, один раз в Палермо в Hôtel des Palmes? [так в тексте. — М. К.] (оттуда мне вернулась посланная Вам моя книга, за ненахождением адресата), и за-

тем в Тунис *poste restante*. Возможно, что и это письмо Вас не [за-
стало]²² нашло.

В обоих письмах я выражал Вам свои горячие приветствия по поводу Серебряного Голубя, который произвел на меня огромное впечатление, но теперь не буду повторяться. Желаю Вам счастья и радости в Вашей личной жизни и успеха и вдохновения в продолжении начатого Вами столь значительного художественного труда. Спасибо за память. Елена Ивановна шлет Вам привет. Любящий Вас С. Булгаков.

5.

Б. Афан. пер., д. 22, кв. 12. 13. II.11.

Дорогой Борис Николаевич!

Очень был рад Вашему письму и заочному общению с Вами. Простите, что поздно отвечаю. Приходится кипеть в котле под напором — одновременно запада и востока в Вашем смысле (к слову сказать, особый, темный, восточный восток в русской душе есть Ваше художественное открытие в С<еребряном> Г<олубе>, при свете которого многое в себе и крутом себя в России видишь иначе и понимаешь лучше, нежели раньше). «Запад» я *ex professo* постоянно принимаю в себя и перебарываю в себе или как чужеродное тело или как яд, к которому надо получить нейтрализатор или выработать антигосин. И чем больше живу и чувствую, тем больше узнаю яд и вижу змею на дне кубка. Конечно, я говорю про современный, западный запад, — неокантианства и ричлианства, мещанства и всяческого имманентизма, — эта могучая, организованная сила, но бездушная или же потенциально антихристианская, а скрытый, потенциальный антихрист куда хуже и зловредней боевого, открытого антихристианства. Я далек от того, чтобы отдавать запад антихристу, это была бы просто клевета и слепота, да и не мог бы этого сказать я потому, что больше всех своих друзей чрез науку имею в себе Запада. Но вижу почти воочию, как злая сила и какая-то слепота овладевает машиной «культуры». А в «востоке» мы натурально живем и от него страдаем. В частности, теперь перебиваем уже давно студенческое движение, где одинаково «восточно» и правительство, и студенчество. Грозные и мрачные чувства и предчувствия навевают это как симптом: хаос в душах остается прежний, как

²² Зачёркнуто.

будто ничего не было пережито. Лично для меня это имеет то значение, что, вместе с многими другими, приходится оставить университет, где я, впрочем, мало имел занятий.

Хорошо, что Вы живете в такой далекой, ветхозаветной и колоритной обстановке, душа отдыхает и растет, набирается сил.

Не затрогиваю содержания Вашего последнего письма потому, что считаю этот сюжет не для писем. Ваше сопоставление умирающего барства и благообразной, но бессодержательной (мне кажется, что не соответствует истине ни тот, ни другой предикат) формы церковной мне не кажется верным, но возможно, что мы по-разному понимаем термины, и разногласие вовсе не так велико. Во всяком случае еще раз желаю Вам вдохновения, сил и самоотверждения для художественного подвига, который Вы на себя подъяли планом своей трилогии. Желаю Вам с Вашими близкими здоровья, мира душевного и всего лучшего. Елена Ивановна Вас приветствует. Она хворала, я тоже не очень здоров был, но теперь ничего. Любящий Вас.

С. Булгаков.

Р. С. Книгу мою Вы, надеюсь, получили. Мне интересно, как Вы воспринимаете предисловие и очерк об апокалиптике.

11. С. А. ФРАНК О СОЛОВЬЁВЕ И Е. Н. ТРУБЕЦКОМ: С. ФРАНК. НОВАЯ КНИГА О ВЛ. СОЛОВЬЕВЕ (1913)²³

По единогласному, никем не оспариваемому убеждению мыслящей России, Владимир Соловьев есть величайший русский философ. Это убеждение, конечно, справедливо. У нас не было философа, могущего сравниться с ним по широте духовного захвата, многообразию мотивов и глубине мыслей. В известном смысле можно даже, без всякого преувеличения, сказать, что он — *единственный* русский философ, и такое суждение будет более содержательным, чем всегда относительная количественная оценка. Конечно, Вл. Соловьев не был ни единственным, ни даже величайшим русским *мыслителем*: по силе прозрения, по широте духовного горизонта такие личности, как Чаадаев, Достоевский, Леонтьев — можно было бы помянуть и других — по меньшей мере не уступают ему.

²³ Впервые: С. Франк. Новая книга о Вл. Соловьёве // Русская Молва. 24 апреля (7 мая) 1913. С. 4.

Точно так же Вл. Соловьев — не единственный, а может быть даже и не величайший философ-теоретик, *исследователь* в специальной области философского знания. Но ни *мыслители*, обогащающие сознание светом чистой интуиции в её непосредственной форме — мыслители-художники или нравственно-религиозные гении, — ни *учёные*, разрабатывающие систему универсального бытия так, как физиолог исследует организмы и математик — величины, не суть ещё философы. Быть философом — значит быть в одном лице и в глубочайшем органическом единстве духа, одновременно и сразу, и интуитивным мыслителем и мастером отвлеченной мысли; это значит сочетать творческое расширение общечеловеческого кругозора, открытие новых жизненных путей и целей с научным обоснованием идей и чисто логической их систематизацией. Говоря словами самого Соловьева: быть философом — значит иметь *систему цельного знания*, т. е. обладать своей собственной *верой* и уметь оправдать её как *знание*. В России — стране крайностей и односторонностей — этот идеал философии и философа сознается ещё довольно смуты.

По большей части у нас господствует во взглядах на философию либо крайний мистицизм и интуитивизм, либо столь же крайний рационализм. Для одних гениальные художественные прозрения суть единственная истинная философия; по их мнению, Россия, которая вправе гордиться рядом мировых гениев-художников мысли, тем самым обладает высшей философией, и всякое стремление к системе и доказательству есть самомнение «малого разума», филистерство и духовное падение. Другие видят единственный идеал философии в научной системе, и новейших немецких *ученых*, чуждых жизненного, творческого озарения бытия или во всяком случае мало способных к нему, объявляют единственным образцом философа.

Кто не разделяет этих двух односторонностей, кто не решится назвать философами ни гениев чистой интуиции, ни мастеров логической архитектоники, кто вслед за Платоном знает, что философия есть действие божественного Эроса, осуществляемое при свете Прометеяева огня — диалектика, тот должен признать, что Вл. Соловьев есть доселе единственный русский философ, единственное имя, которое мы можем противопоставить великим мировым светочам философии. Эта оценка должна быть свободна от всякого идолопоклонства; с ней совместимо свободное, критическое отношение и к замыслу философии Соловьева и к её доказатель-

ствам. Как прогресс философии с её логической и теоретической стороны, так и изменение всей духовной и жизненной перспективы со времени, когда сложилась система Соловьева, настолько велики (и на Западе, и у нас в России), что о принятии без оговорок всей этой системы в настоящее время не может быть и речи; и дефекты многих философских рассуждений Соловьева теперь почти бросаются в глаза. С другой стороны, однако, национальная мысль не может попирать и целиком отвергать никакого истинно великого явления в прошлом. Признание Соловьева истинным и единственным русским философом, вместе с тем явное сознание недостатков и устарелостей его системы ставит перед русской философией насущную задачу пересмотра наследия Соловьева.

До сих пор, однако, в этом отношении не было сделано почти ничего. Правда, друг и единомышленник Соловьева, Э. Л. Радлов опубликовал ряд исследований, в которых пытался в систематической форме изложить отдельные стороны учения Соловьева (его этику, метафизику, гносеологию, теологию и пр.); недавно эти исследования вышли отдельной книгой²⁴. При всей важности такой систематизации учения Соловьева (который, хотя и имел систему, но не изложил её сам в законченной форме), она далеко не исчерпывает основной задачи, которую философия Соловьева ставит перед русской мыслью. Не говоря уже о том, что здесь дана лишь систематизация отдельных частей, а не целой философии Соловьева, изложение не сопровождается критикой; и потому книга Э. Л. Радлова является только пособием (несомненно весьма ценным) для изучения философии Соловьева и, тем самым, средством для её распространения, но не её оценкой. Сборник статей о философии Соловьева, выпущенный несколько лет тому назад московским издательством «Путь», помимо незаконченности, эскизности собранных в нём работ, [²⁵] уже потому не может идти в расчёт, что большинство его участников стоят именно на той точке зрения, для которой

²⁴ Э. Л. Радлов. *Вл. Соловьев. Жизнь и учение*. Изд. «Образования». СПб. 1913 г.

²⁵ [Сборник первый [издательства «Путь»]. О Владимире Соловьеве. М., 1911. Содержание: [С. Н. Булгаков]. От издательства «Путь»; С. Булгаков. *Природа в философии Вл. Соловьева*; Вячеслав Иванов. *О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания*; Евгений Грубецкой. *Личность В. С. Соловьева*; Евгений Грубецкой. *Владимир Соловьев и его дело*; Александр Блок. *Рыцарь-монах*; Николай Бердяев. *Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева*; Вл. Эрн. *Гносеология В. С. Соловьева*; В. Ф. Эрн. *Библиография [В. С. Соловьева]*. — М. К.]

философия как система и теория вообще не существует. Но не только в литературе осталась доселе невысказанной общая оценка философии Соловьева. Гораздо существеннее и печальнее то, что такая оценка как будто вообще отсутствует.

В отношении к Соловьеву у нас царит какое-то смешение слепого преклонения с равнодушием. С одной стороны, имя и мысли Соловьева окружены каким-то *табу*; о нем не говорят иначе, как о «незабвенном» и «великом», и по молчаливому уговору признано неприличным выступать *против* него; критиковать его считается оскорблением национальной святыни. С другой стороны, и друзья его, и противники в высшей степени равнодушны к нему; большинство его друзей ушли далеко от него, не посчитавшись с ним открыто, и иногда не вполне законно прикрываются его авторитетом. Противники же считают наиболее удобным не пробуждать его тени и просто проходить *мимо* него.

Это недостойное и недопустимое отношение к Соловьеву нарушено теперь книгой, которая — как бы ее ни оценивать по существу — есть одно из крупнейших явлений не только текущей русской философской литературы, но и всей современной русской мысли вообще. Мы имеем в виду недавно вышедшую книгу кн. Е. Н. Трубецкого «Мирозерцание Вл. С. Соловьева». Пока вышел, впрочем, лишь первый том этого исследования; второй том обещан в течение ближайших месяцев, и лишь тогда будет возможно оценить по существу эту книгу. Но и теперь мы считаем необходимым и возможным обратить на неё внимание читателя.²⁶

Автор, один из ближайших друзей и единомышленников Соловьева, определяет свой труд прямо как результат всей своей предыдущей умственной деятельности. Разобраться в наследии Вл. Соловьева значит для него дать ответ на последние и самые общие вопросы мирозерцания вообще. Соответственно этому работа задумана чрезвычайно широко: она дает систематическое изложение всего мировоззрения Соловьева на разных стадиях его развития. Вместе с тем она написана ярко и увлекательно. На каждой строке ее чувствуешь, что это не просто ученое исследование, не «монография»

²⁶ Кн. Евгений Трубецкой. Мирозерцание Вл. С. Соловьева. «Путь». Издание автора. Т. I. Москва, 1913 г. По выходе второго тома мы дадим общую философскую оценку этой книги на страницах «Русской Мысли». (М. К.: Таковую рецензию С. Л. Франк не написал. В названном журнале с ней выступил другой автор: Николай Бердяев. О земном и небесном утопизме. Е. Трубецкой. Мирозерцание Вл. С. Соловьева. Т. I, II. Путь // Русская Мысль. 1913. Кн. IX.)

о данном мыслителе, которую мог бы написать всякий добросовестный историк философии, даже совершенно чуждый Соловьеву, а живое размышление над дорогими и волнующими темами. Но самое главное в книге, что и субъективно больше всего привлекает к ней, и объективно придает ей наибольшее значение, есть своеобразное, возможное только в силу горячего личного отношения автора к Соловьеву, сочетание любовной верности делу и веры Соловьеву со свободой, строгостью, подчас суровостью критики. Духовная близость к Соловьеву даёт автору право быть вполне, до конца, искренним в отношении к нему; и серьезность, острота для него обсуждаемых в книге вопросов вынуждает его к смелости критики. Критика же эта касается не деталей, а некоторых самых основных пунктов. В ней, или по крайней мере в ее общей тенденции, выразилось не просто личное расхождение Е. Трубецкого с Вл. Соловьевым, а перелом, объективно совершившийся в религиозно-философской мысли нашего времени по сравнению с эпохой, породившей миросозерцание Соловьева.

И именно это обстоятельство делает книгу Трубецкого интересной и нужной не только для тех, кто так или иначе интересуется Соловьевым, но и для всех, кто хочет продумать до конца основы своего религиозно-философского миропонимания. А в силу жизненности конечных выводов из мыслей, обсуждаемых в книге, книга приобретает и живое этическое и публицистическое значение.

Основная тенденция всей работы, насколько она может быть уловлена уже из первого тома, есть решительный и до конца последовательный разрыв с утопизмом в миросозерцании Вл. Соловьева, с его мечтой о «земном рае», о целостном, неограниченном воплощении «царства Божия» в земной жизни. Наибольшей жизненности и силы этот разрыв достигает в отношении социально-политической философии Соловьева, именно его мессианического славянофильства и его теократического идеала. С большим мастерством автор изображает и религиозную ложь мечты о совершенном вмещении «в земные берега» бесконечного единства божественного бытия, и его практическую неосуществимость. Этому утопизму противопоставляется идея «реальной политики», реального, учитывающего неизбежное земное несовершенство, отношения ко всем земным делам, и этот реализм признается единственным правильным выводом как из основ миросозерцания самого Соловьева, так и из христианского жизнепонимания вообще. Корни утопизма Вл. Соловьева кн. Е. Трубецкой усматривает, с исторической стороны, в «насыщенной уто-

пизмом духовной атмосфере второй половине прошлого столетия», из которой вышел Соловьев, а с систематической стороны — в непреодолимости пантеизма в философии Соловьева, в постоянном смещении у него граней «того» и «этого» мира. Сам автор в предисловии признает первый из этих корней основным в психологическом смысле. «Великое философское учение, — справедливо говорит он, — может иметь значение общечеловеческое лишь постольку, поскольку оно выражает собою какой-либо важный момент общечеловеческой жизни». Такое философское учение неизбежно связано корнями своими с окружающей его духовной средой. Столь же открыто автор признает главным источником своего разногласия с Соловьевым «исторические переживания новой, по существу чуждой Соловьеву эпохи, то новое мироощущение, которое нам пришлось пережить в дни великих бурь и потрясений, разразившихся над Россией». *Этот* духовный перелом есть, конечно, не личная умственная особенность умственной жизни кн. Трубецкого; в той или иной форме, в отношении тех или иных верований и знамен, он пережит всеми, кто был способен вообще свободно мыслить и добросовестно усваивать вновь открывшиеся истины. Тут дело, конечно, не только в «днях великих бурь и потрясений, разразившихся над Россией»; эти дни произвели в душах именно этот, а не какой-либо иной поворот только потому, что они явились реактивом для мотивов, ещё ранее складывавшихся не только в русском, но и в общеевропейском сознании. Крушение утопизма есть именно основная черта умственной жизни конца прошлого и начала нынешнего столетия. Это можно иллюстрировать одной аналогией: *toutes proportions gardées*, отношение мирозерцания Е. Трубецкого к мирозерцанию Соловьева соответствует отношению современного «ревизионизма» к классическому марксизму, насыщенному бланкистским утопизмом. Этот кризис впервые, кажется, в европейской жизни был пережит и бесстрашно высказан Герценом, но и доселе мы стоим под его знаком, и итоги его далеко не исчерпаны.

То, что кн. Е. Трубецкой пережил и выразил этот духовный поворот в связи с религиозно-философским мирозерцанием Вл. Соловьевым и тем самым перенес его в новейшую русскую религиозно-философскую мысль, которая вся исходит от Соловьева, образует главное значение его книги. Этим в современную русскую религиозную мысль внесена струя жизненности, которая доселе была в ней недостаточно сильна. Возрождение религиозных интересов и идей в новейшее время, будучи реакцией на мирозерцание по-

зитивное, в значительной мере осуществилась в форме рецепции славянофильского утопизма. О религиозно-философском направлении, связанном с именем Мережковского и откровенно подчеркивающим свою связь с социально-политическим утопизмом, мы здесь не говорим. Но даже и та, несомненно более серьёзная и потому и более жизненная, группа мыслителей, которая пришла к религиозному мирозерцанию через разрыв с утопизмом позитивистическим, находится под явным влиянием романтического утопизма славянофильства. В этом её слабость и источник, кажется, неизбежной её практической недоговоренности. Книгу Трубецкого проникает, напротив, здоровое чувство жизненной, практической *ответственности* религиозных идей, неудовлетворенность всякой шаткостью в отношениях между мечтой и делом, которая выражается в несогласованности как бы двух программ — «программы минимум» и «программы максимум». В этом отношении она могла бы и должна была бы иметь большое историческое влияние.

Таково жизненное и публицистическое значение этой выдающейся книги. Совсем иная тема — то положительное мирозерцание, которое сложилось у кн. Е. Трубецкого в результате этого переворота, и религиозно-философское обоснование, которое он ему дает. Это есть, коротко говоря, неуклонное проведение через всю область религиозной философии, начиная с её теоретического фундамента и кончая последними социально-политическими выводами, строгого дуализма между вечным и временным, небесным и земным. И в этом отношении мы лично испытываем разногласие с автором — малосущественное по практическим выводам, но очень глубокое по посылкам. Преодоление утопизма, думается нам, может и должно быть осуществлено на ином пути. Но об этой, принципиально наиболее важной стороне дела, до окончания книги говорить не время.

12. ПЕТР СТРУВЕ. БОЛЬШЕВИЗМ И ЛЕНИН (1920)²⁷

Специальная комиссия, созданная для расследования злодеяний большевиков при Верховном главнокомандующем вооружен-

²⁷ Pierre Struve. Le Bolchévisme et Lénine // La Russie d'aujourd'hui et de demain / Dir. G. Klutchnikoff. № 1. Paris; Neufchatel, 1920. Перевод с французского О. В. Эдельман.

ными силами Юга России, опубликовала в Ростове-на-Дону «Акт расследования об арестах и убийствах заложников, имевших место в Пятигорске в октябре 1918 г.»

Этот «Акт расследования» преступлений большевиков — ужасающий документ величайшей исторической важности.

Весь ужас и вся нравственная низость движения, известного под именем большевизма, представлены в этом документе с поистине шекспировской силой и выразительностью, хотя составители лишь простые судьи, безо всякого литературного дарования.

Сцена казни людей, среди которых находились покрытые боевой славой генералы, женщины и священник, останется незабываемой для читателя. Я говорю «сцена казни», но это жестокое слово и само — эвфемизм, в действительности это не было казнью, ни даже убийством, но умертвлением с ужасающей жестокостью и цинизмом, кровавым захоронением, где палач в то же время служил могильщиком и где оба объединились, чтобы свирепо пытаться беззащитных «заложников». Причем замечательно, что убийцы не были вовсе под воздействием какого-то опьянения: по материалам, они были лишь исполнителями, безразличными и грубыми, приказаний, отданных убийцами-интеллектуалами, той большевистской властью, которая хладнокровно отправляет на смерть людей, вся вина которых перед нею состояла в том, что они попали в ее руки.

Сейчас в память мучеников Пятигорска, сраженных большевиками, задумали воздвигнуть, а может быть уже воздвигли памятную часовню, которая навсегда увековечит память жертв и палачей. Россия не забудет генералов Рузского и Радко-Дмитриева, она будет помнить об их заслугах, а также об их смерти, и неизбежно об их мучителях. Будущие поколения русских бросят вечное проклятие этим дьявольским тварям, бесчувственным, которых ничто не может оправдать, и которые столь же отвратительны, сколь и презренны.

Но нет: я ошибаюсь. Сама эта жестокость имеет смысл и оправдание. И я обращаюсь к главной фигуре большевизма. Я, пишущий эти строки, я в прошлом был теснейшим образом связан с историей социалистического движения, в особенности марксистского, в России.

Я следовал за ее первыми шагами, имевшими место в последнем десятилетии прошедшего века. Я входил в группу тех, кто вслед за вождями русской социал-демократии Плехановым, Аксельродом и Верой Засулич, старались воплотить в жизнь их уче-

ние. Я это учение оставил и не разделяю его более, но я сохранил и сохранию навсегда благодарные воспоминания о поименованных выше людях. Я также достаточно хорошо знал нынешнего вождя русского коммунизма Ульянова-Ленина. В 1895–96 гг. мы вместе провели бесчисленные вечера в спорах об экономических и политических вопросах. Ульянов-Ленин сделал первые шаги публициста в журналах, которыми я руководил. Его первой большой работой стал подробный анализ моей книги, вышедшей в Петербурге в 1894 г. Во втором поколении русских марксистов, политическая и литературная деятельность которых началась в 1894 г., имена Ленина, Потресова, Цедербаума-Мартова и мое соединились и упоминались вместе в течение более чем пяти лет.

Почему я вспоминаю об этих фактах? Потому что, оглядываясь ныне назад, признавая свое прошлое связанным с прошлым главы русского большевизма, я начинаю теперь чувствовать и сознавать то, что есть воистину страшного в большевизме. Этот ужас, докуда он докатился, это циничное осуществление идеи борьбы классов в потоках крови, в неслыханном и безумном насилии и жестокости, это конечно не является исторической случайностью. Это также не случайность индивидуального, психологического порядка. Сейчас, вспоминая свидания и беседы с Лениным, я начинаю все яснее понимать, что чувствовал даже в то отдаленное время и что чувствовали, хотя и не могли этого осознать и понять, люди, встречавшиеся с ним и сообщавшие мне свои впечатления о нем, покойный Плеханов и Вера Засулич, как и покойный Туган-Барановский, ни в чем не похожий ни на Плеханова, ни на Засулич. Все питали к личности Ленина антипатию, граничившую с отвращением, несмотря на идейную близость²⁸ и царившую тогда партийность. Таково же было в сущности и мое отношение к нему, отношение, с которым я считал должным в себе бороться в то время, когда мы делали, так сказать, общее дело.

Откуда это шло? Я попытаюсь объяснить это, как сумею, и дать психологическую характеристику этого человека, не столько великого, сколько фатального. Для Ленина и у Ленина доктрина борьбы классов была не только социологическим обобщением, эта доктрина гармонировала и гармонирует со всей его натурой. Все, что в абстрактном принципе марксистской доктрины о борьбе классов есть *злого*, то было всегда отличительной или основной чертой

²⁸ В оригинале “promiscuité d'idées” (Прим. переводчика).

у Ленина как особы. Наконец, именно эта черта индивидуальной психологии Ленина объясняет его глубокое безразличие к выбору средств в достижении целей. В его злобе, распалюющейся до холодной, исчезает человеческое различие добра и зла. Вот почему этот страшный доктринер является таким ловким политиком, таким замечательным тактиком (Брест-Литовский мир). Нравственных критериев для него не существует. Чтобы достичь своих целей, он готов использовать и использует любые способы, любые средства; он готов из всех хитростей использовать самые изворотливые и самые мерзкие (вспомним отношения этого максималиста с немецкой полицией, без которых активная деятельность Ленина перед войной и во время войны не была бы возможна).

Я считаю, что психологическая и метафизическая основа Ленина, как фигуры исторической, состоит именно в том, что в нем, Ленине, доктрина борьбы классов развилась до личной холодной злобы и полного презрения к нравственному характеру примененных средств. Ленин, это синтез идеи коммунизма, основанной на классовой борьбе, с личной злобой, доходящей до нравственного извращения. Таков он «representative man» большевизма. Поскольку он является, разумеется, теоретиком и идеалистом чистой воды. Более того, в своей частной жизни он был, в пору когда я его знал, аскетом, которого известный социал-демократ Потресов среди своих вышучивал, что он из аскетизма запрещал себе выпить лишнюю кружку пива. Я не знал лично ни Троцкого, ни Зиновьева, но это очевидно не теоретики и не идеалисты. Это скорее карьеристы и авантюристы.

Между тем Ленин, лично по своей натуре и метафизическим основам, ни что иное как палач. Я вспоминаю теперь, или скорее ясно чувствую, что он внушал нам всем отвращение как палач: Плеханову, Вере Засулич (которая стреляла в Трепова), Туган-Барановскому и мне самому. Доктринальный ум, или догматизм всегда может до некоторой степени соседствовать со складом ума палача; но у Ленина это не формальное соседство и не возможное абстрактное родство: там взаимопроникновение, это совершенно живой и личный триумф.

Но вернусь к предмету настоящей статьи. Пятигорские палачи, вдохновители или исполнители, суть лишь одно из продолжений самого Ленина в русской действительности, его отростки и щупальца. Теоретик классовой борьбы, он вдохнул эту идею в дикую русскую массу, и вдохнул ее умышленно. Злонамеренный палач, он созна-

тельно и «с удовольствием» воспользовался яростью дикой массы как самым острым, самым решительным оружием против тех исторических сил, которые взялся побороть в качестве вождя пролетариата. В этой ужасающе живой истории большевизма, в этой массовой казни во имя коммунизма, все связано, все логично. И вот почему всякая ответственность ясна до последней степени.

В жестокостях, насилии и казнях нужно видеть не только эксцессы большевизма, но его живую историческую сущность, как идею борьбы классов, намеренно осуществленную благодаря дикости, невежеству и низким инстинктам народа. В культуре и образовании ядовитый принцип борьбы классов теряет свою опасность. Более примитивная, некультурная среда служит для него питательным бульоном, в котором он может развиваться с наибольшей силой и активностью. Ленин это понял. В этом секрет его успеха. Можно сказать, что в этом доказательство его гениальности, если позволено говорить о гениальности в злодействе. Но чтобы добиться этого успеха, недостаточно быть доктринером, нужно иметь цинизм и гений палача. Ибо быть вивисектором собственного народа неизбежно означает быть его палачом.

Таков Ленин, которого я знал в течение 25 лет, таков вдохновленный им большевизм.

13. П. Н. Савицкий. О НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМЕ.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ [«РУССКОЙ МЫСЛИ»].

ПЕТРУ БЕРНГАРДОВИЧУ СТРУВЕ (1921)²⁹

Милостивый Государь, Петр Бернгардович!

В Ваших «Историко-политических заметках о современности», помещённых в май-июльской книжке «Русской Мысли» за текущий год, Вы посвятили несколько страниц разбору воззре-

²⁹ Публикуется по авторской машинописи с авторскими рукописными правкой и дополнениями, а также внутренней рукописной нумерацией, в том виде, как это письмо получил непосредственно его адресат — П. Б. Струве: Ф. 5912. Оп. 1. Д. 168. Л. 148–151. Публикации другого варианта текста: П. Н. Савицкий. Континент Евразия / Сост. А. Г. Дугин. М., 1997; Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы / Под ред. А. Ф. Киселева. М., 199 и др. В этом другом варианте текста: иное название, неверная дата, значительные сокращения, пропуски, ошибки чтения, произвольные прописные буквы, курсив и пунктуация и не указанный авторский курсив.

ний национал-большевизма. Принадлежа к числу немногих в среде русской эмиграции единомышленников Н. В. Устрялова, я позволю себе изложить некоторые соображения, которые, может быть, помогут выяснить, из каких корней выросла эта идеология.

Прежде всего, следует с полной силою подчеркнуть, что такими корнями *не являются принципиальный коммунизм или интернационализм*. Интернационалист и коммунист, по убеждениям, был бы не национал-большевиком, но просто большевиком. Относительно себя лично, я могу отметить, что я всегда отвергал и отвергаю начисто и ныне не только коммунизм, но и всякий социализм, под каким видом и в каких бы оттенках он ни выступал... И все-таки я склонен связывать будущее России с будущим Советской власти, именующей себя властью коммунистической. И это не потому, чтобы я признавал *принципиально* неправильными Ваши суждения, обличающие ненациональность и вредность для страны коммунистической власти. Скажу прямо: если бы предстояло выбирать между двумя формами власти, из которых обе обладали бы *равною способностью администрирования и равною политической силой*, но из которых одна называла бы себя коммунистической, а другая нет, — для всякого национально мыслящего русского не было бы ни минуты сомнения: предпочтительна власть *не коммунистическая*. И такой выбор, казалось, существовал, пока режимы Адмирала Колчака и Генерала Деникина не выявили своего бессилия. И я уверен, что покуда это бессилие не выяснилось, большинство тех, кто ныне мыслит «национал-большевистски», не было на стороне большевиков... Но, увы, в настоящий момент такой выбор невозможен. И нужно, выступая против большевиков, отдавать себе отчет в последующем. Представим, что большевиков *можно свалить*. Кто же их заменит? Вот тут-то и [выступает]³⁰ намечается дополнительная к формулированным Вами посылка национал-большевизма, сводящаяся к *существенно низкой оценке политической годности всех, без исключения, партий и групп, которые выступают ныне, в качестве соперников большевикам, претендентами на власть*. Я не стану распространяться о монархическом движении. Напомню только, что последняя эпоха существования Императорской России, которая, как никак, была эпохой, хотя и частичного, разложения русской исторической власти, сделала монархическое движение принадлежностью, в большинстве

³⁰ Зачёркнуто.

случаев, столь недоброкачественных элементов русского общества, что, даже при наступившем возрождении и очищении этого движения, потребуется немало времени, чтобы поставить монархическую реставрацию на очередь дня... Из остальных групп наиболее значительны эсеры и кадеты. Те и другие, в разной степени и в разные моменты, были влиятельны в период Временного Правительства. Кроме того, кадеты имели голос при Деникине. Мне кажется, нельзя найти достаточно ярких слов для того, чтобы охарактеризовать степень бессилия и неспособности к действию, которую, в общем и целом, проявили во время своего «величия» и те, и другие. Я отнюдь не хочу отрицать, что и среди кадетов, и среди эсеров есть честные люди, которые, в известных обстоятельствах, могут быть полезны. Но ни в тех, ни в других, в каждом по-своему и по особым причинам нет того напряжения властвующей воли, того потентного дерзания, которое необходимо, чтобы управиться с Россией... Дело здесь не только, и даже главным образом не в ошибках прошлого, но в некоторой органической неспособности понять природу власти, неспособности — волею, которая, по общему правилу, отличает и эсеров, и кадетов, постигается интуитивно и доказывается эмпирически, на уроках прошлого... В отношении к подразделению социалистов на большевиков и не-большевиков можно утверждать даже, что подразделение это определяется не столько различием убеждений, сколько разницей темпераментов: темперамента властвования, с одной стороны, темперамента оппозиции и бунта, равно безответственных, — с другой...

Политическая годность большевиков резко контрастирует с неспособностью их соперников. И эта политическая годность (что бы ни говорили противники большевиков!) сказывается на политическом положении страны. Неоднократно упоминаемая в Вашей аргументации неудача большевиков в борьбе с Польшей является не более, как отдельным эпизодом, который, во-первых, может смениться эпизодами совершенно другого характера, а, во-вторых (и это главное!) не устраняет того факта, что большевики к настоящему моменту, к середине 1921 года, действительно, «собрали» Россию... Не «воссоединенными» остались: не более 1/10 территории и 1/5 населения бывшей Империи. Говорить в этих обстоятельствах о «расчленении» России является прямым недоразумением. Если бы нынешнее положение оказалось устойчивым, подлежали бы устранению только немногие детали

(вроде существования самостоятельных «прибалтийских пуговиц»). Но в том-то и дело, что в перспективе свержения большевиков существование единой России отнюдь не представляется обеспеченным. Если признать правильной вышеуказанную посылку о политической негодности претендентов, оспаривающих у большевиков власть, то нужно предвидеть, что вслед за падением большевиков волна народной анархии захлестнет Россию. В обстановке этой анархии выползут, как гады из нор, самостоятельности грузинские, кубанские, украинские, белорусские, азербайджанские... Создастся обстановка для интервенции; и чужеземцы, по своему произволу, определяют форму этой интервенции... Россия падет и распадется не так, как «пала» и «распалась» к нынешнему моменту (т. е. фиктивно), но по-настоящему... И может же существовать такой вариант патриотического чувства, согласно которому подобная цена является слишком дорогой даже тогда, когда ею покупается уничтожение Коммунистической Власти!..³¹

И вот, — скажете, быть может, Вы, — в погоне за политическим миражем, страну обрекают на вымирание: ведь к вымиранию приводит *экономический* режим большевиков... Это правильно, поскольку речь идет о специфически *коммунистическом* хозяйственном режиме: коммунизм отрицает самые основы человеческой хозяйственной деятельности, вне которых наступает экономическое небытие. Но коммунизм отрицает также начала милитаризма. Это не помешало Советской Власти, после некоторого периода шатаний и колебаний, создать годную армию. Можно ли утверждать наверняка, что после долгого (и тягостного для страны!) периода экспериментов, Советская Власть не сумеет осуществить «обуржуазения» хозяйства? ... Для того, чтобы утверждать такую невозможность, нужно иметь больше смелости и больше данных, чем имеем мы... Во всяком случае, в настоящий момент. в момент явного и общего краха «коммунистического» хозяйства, к «обур-

³¹ Далее в упомянутых публикациях следует текст, отсутствующий в оригинале письма: «Те, кто желает падения большевиков во что бы то ни стало, могут, конечно, надеяться и верить, что кто-то придет, кто-то все устроит. Но такая вера не является обязательной для всякого национально мыслящего. Она станет таковою, если этот «кто-то» придет, но не раньше. Если бы на горизонте русской действительности появилась новая и действенная сила, концепция наша пала бы сама собою. Но поскольку этого нет, поскольку перед нами все та же давно знакомая обстановка, постольку чувство, которое Вы именуете «патриотической страстью», — именно оно и ничто другое — приводит к национал-большевизму».

жуазению» последнего вынуждает большевиков необходимость, не менее острая, нежели та, которая привела их к созданию армии...

Всегда и везде нужно стремиться к лучшему. И этим лучшим, в нынешних, безмерно трудных, обстоятельствах мне представляется: сохранение годного *политического* аппарата большевиков, при изменении *экономической* их политики... Изменение экономической политики большевизма — это условие жизни России; сохранение политического его аппарата — это условие *силы* страны... Повторяя основное свое положение, скажу: в резком несоответствии с бессмысленностью экономической системы, большевики сумели в области политической, создать выделение годных из всех слоев русского общества. И в этом выделении есть нечто ценное и не подлежащее устранению. С точки зрения национал-большевизма, — только на путях стихийного и свободного от внешних воздействий роста этой новой, народившейся при Коммунистической Власти, России, коммунизм станет таким же изжитым явлением, как стали им «кадетство», «эсерство» и пр.

Примите и пр.

5–6.IX.1921

14. С. А. Франк. Письмо к о. С. Булгакову о Бердяеве, Струве и Братстве Св. Софии (1925)³²

Берлин, 4 октября 1925

Дорогой отец Сергей!

Я прочитал письмо к Вам Н. А. Бердяева с уведомлением о выходе его из братства,³³ и хотел бы поделиться с Вами мыслями о нем.

³² Впервые опубликовано без указания источника: С. А. Франк — прот. С. Булгакову, 4 октября 1925 // Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939 / Сост. Н. А. Струве, подг. текста Н. А. Струве и Т. В. Емельяновой. М.; Париж, 2000. С. 220–225 (письма 25 и 26). Здесь публикуется по рукописному оригиналу С. А. Франка (ГАРФ. Ф. 10185. Оп. 1. Д. 108. Л. 1–2) — в том порядке, как оригиналы писем отложились в фонде Г. Н. Трубецкого. Публикация Н. А. Струве и Т. В. Емельяновой отличается от оригинала — рядом орфографических неточностей, ошибками прочтения оригинала, пропусков,

³³ «Очень прошу Вас в ближайшем заседании Братства Св. Софии сообщить о моем выходе из Братства и познакомить с содержанием моего письма. А потом, в одном из дальнейших заседаний, если захотите, я смогу уже в качестве гостя изложить подробно мои взгляды, которые привели к решению выйти

Я согласен с большинством аргументов Н. А. о недостатках и общей неудачности нашего братства, но совершенно не согласен с тем практическим выводом, который он из них сделал. Долгое время мне самому казалось, что наше братство реально совсем не существует (и мне, в моем положении в Берлине, где я совсем лишен общения с членами братства, это было особенно естественно думать), что оно, хотя церковно-юридически и осуществленное, онтологически остается неосуществленным, простым замыслом, да к тому же и неудачным. Именно в этом смысле я и согласен с аргументами Н. А. Но вместе с тем, с течением времени, я все больше убеждался, что, как бы неудачно и слабо ни было братство в порядке организационном, по существу оно *есть* и не нашим умыслом создано, а в известном смысле предопределено, религиозно нам предуказано. Я думаю, что преобладающее большинство членов принадлежат к одному поколению, к одному духовному типу, который имеет свое предназначение, и что именно поэтому мы обязаны блюсти наше единение. Это есть тип людей, который веру и преданность церкви соединяет с любовью и положительной оценкой знания, философской культуре и духовной свободы, и братство есть союз церковно верующих свободных мыслителей. Этот тип теперь в меньшинстве, и ему угрожает не только атеизм, но и традиционный (в смысле связанности внешними традициями) церковный консерватизм, который становится именно теперь и особенно односторонним, и воинствующим в силу той духовной варваризации, которая охватила или охватывает широкие слои русского общества, и в особенности молодежи. Люди нашего типа теперь очень одиноки, и, вместе с тем мы сознаем, что имеем свою миссию, и не имеем права, не хотим и не можем без нее остаться. Этим предопределяется и *обязательность*, и *неизбежность* единения между нами. Какие бы идейные разногласия ни отделяли каждого из нас от других, все вместе мы, перед лицом господствующих ныне умственных и духовных течений, очень близки друг другу и образуем естественное, Богом предсказанное подлинное братство — хотим ли мы того или не хотим; но именно

из Братства. Это, может быть, приведет к интересной беседе, но важно, чтобы на заседании присутствовал П. Б. Струве. Ошибочно думать, что изменил свой взгляд на революцию. Я так же считаю революцию [нрзб] и злой, но моя оценка [нрзб] более зрелая и менее односторонняя» (Н. А. Бердяев — прот. С. Булгакову, 23 сентября (1925) // Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939 / Сост. Н. А. Струве. М. ; Париж, 2000. С. 220–221).

поэтому мы должны его и хотеть. Но самое важное все же — это то, что мы собственно совсем *не можем* разрушить наше братство в этом смысле или уйти из него. Как мне ни жаль, что Н. А. уведомил нас о своем выходе из братства, я как-то не могу придавать серьезного значения этому факту. Он ничего не изменяет в существе дела и наших отношениях. Мне лично и, я думаю, многим другим членам братства, Н. А. — один из самых духовно близких и дорогих людей, какие бы у меня ни были с ним разногласия, и в этом, самым существенном смысле, он остается мне *братом* и членом «невидимого», но онтологически весьма реального братства. Он не может заставить меня перестать считать его членом братства, и не может даже, не отрекшись от самого себя, перестать *быть* членом братства; он им остается, несмотря на свое заявление.

Иначе и гораздо труднее и сложнее обстоит дело с П. Б. Струве. Я его, как личность, люблю по-прежнему и может быть даже больше прежнего, потому что ясно сознаю, что его ошибочные действия и заблуждения суть следствия глубокой душевной раны, которую он носит в себе, и именно в своей страстной любви к России. Но все же — заблуждения таковыми остаются, и притом (что здесь единственно важно) — они суть моральные и религиозные заблуждения. А главное — П. Б., не заявляя о своем выходе из братства, своими действиями сам себя из него исключает. Он публично резко поносит идеи, которые дороги большинству членов братства, он близок к людям совершенно чуждого нам духовного типа, для которых религия есть едва ли не только орудие политики. Будучи сам по природе глубоко религиозной натурой, он всю свою религиозность без остатка вкладывает теперь в политический фанатизм, и тем нарушает *основной пункт неписанного устава* братства, по которому члены братства признают *подлинный и действенный* примат религии и духовной жизни над всякой политической деятельностью. Я не думаю, — вопреки Н. А. — чтобы столь же большие трудности препятствовали нашему общению с А. В. Карташевым. Я не встречал его за все время революции, и не согласен с его политической позицией, но по всему, что я о нем знаю, я думаю, что он не отклоняется от *основ* нашего братства; не всякое же, хотя бы и очень существенное в других отношениях, разногласие может служить препятствием для братского сознания нашего единства; думаю, что Н. А. в этом отношении преувеличивает, — вернее, недооценивает сознательно своего сродства с А. В. Карташевым. С Г. Н. Трубецким я встречался и много

говорил в Берлине в конце 1922 года и чувствовал уже тогда большую духовную близость *в основном*.

Практический вывод из трудности положения заключается не в «исключении» того или иного члена братства (в том числе и официально исключившего самого себя Н. А. Бердяева), а в том, что братство должно, в смысле организации, временно пребывать в потенциальном состоянии, ограждая себя от всего, что могло бы поселить раздоры, и блюдя свое внутреннее, невидимое единство. Я уверен, что время и состояние мира нас будет все больше сближать. А пока — если нам не дано практически-действенно осуществить наше братство на земле, будем помнить и блюсти наше «небесное» братство.

Вот мысли, которые пришли мне в голову при чтении письма Н. А. Бердяева, и которыми я считаю нужным с Вами поделиться.

Испрашиваю Вашего благословения

Любящий Вас С. Франк.

* * *

Берлин, 4 октября 1925

Дорогой отец Сергей!

Простите, что я, по приезде, за многими делами доселе не удостоился написать Вам мое мнение о выходе из братства Н. А. Бердяева, как Вы о том просили. Посылаю его теперь, на особом листе, чтобы отделить от этих личных строк к Вам и дать Вам возможность показать его другим членам братства.

Еще раз благодарю Вас за помощь, оказанную Вами мне в Хопове. Я очень мечтаю попасть этой зимой в Париж, но не знаю, удастся ли это и когда именно.

Испрашиваю Вашего благословения и молить, и горячо обнимаю Вас. Сердечный привет Ел<ене> Ив<ановне>

Любящий Вас С. Франк

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение |

Редакционная коллегия:

*М. А. Волхонский, В. Е. Воронин,
К. В. Шевченко, О. В. Эдельман.*

Ответственный редактор *М. А. Колеров*

Оформление *М. Е. Бороздинского*

ISBN 978-5-905040-28-3



9 785905 040283 >

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать 18.05.2018. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура Arno1d. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 7,5. Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»

150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2

тел.: (4852) 200-121. www.yarcmtyk.ru